Геннадий Мурзин

Обжигающие версты

Том 2

Роман-биография
в двух томах

Геннадий Мурзин

Обжигающие вёрсты. Том 2. Роман-биография в двух томах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28951303
ISBN 9785449027795

Аннотация

Во второй том романа-биографии «Обжигающие вёрсты» включен период, когда автор перешел некий Рубикон – из юности шагнул в серьезную взрослую жизнь, когда выбрал окончательный путь, путь профессиональной журналистики и литераторства. Как и прежде, терний было в его жизни куда больше, чем удач. Наверное, судьба, если за успехом обычно следовало поражение.

Содержание

Глава 41. Захолустье 8
В поклонении Бахусу 8
Вхождение в новую жизнь 18
Берусь за дело и по-настоящему 24
Вот и общественное признание… 30
Имейте виды, да про принципы не забывайте 41
Глава 42. Не ко двору пришелся, видно… 51
В трех часах езды от Свердловска, а глухомань 51
Царёк и его стеклянный взор 69
Чертовски полезна была стажировка 83
А шалинские князьки выжидают 97
Всерьез задумался о высшем образовании 109
Неудача карьериста 116
Ждали и дождались-таки своего 122
Глава 43. До чего ж изменчива фортуна 133
Умение жить – это целая наука 133
Проглотили бы, да подавиться опасаются 151
От судьбы не спрячешься 165
Глава 44. И смех и грех 173
Верхи – ругнули, низы – отреагировали 173
Столь желанный БАМ 179
Ох, уж эти очепятки 188

Глава 45. Забытый всеми красный командир 195
Глава 46. Выбор сделан, но какой? 206
Где парадоксы, там причуды 206
Конец ознакомительного фрагмента. 210

Обжигающие вёрсты. Том 2
Роман-биография
в двух томах

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин
Корректор Геннадий Мурзин
Фотограф Геннадий Мурзин
Фотограф Юрий Макаров
Фотограф Радис Сибагатуллин
Фотограф Владислав Панов
Фотограф Александр Мельник
Фотограф Ян Хуторянский
Фотограф Сергей Мурзин
Фотограф Марк Донской
Фотограф Анатолий Грахов

© Геннадий Мурзин, 2018
© Геннадий Мурзин, фотографии, 2018
© Юрий Макаров, фотографии, 2018
© Радис Сибагатуллин, фотографии, 2018
© Владислав Панов, фотографии, 2018

© Александр Мельник, фотографии, 2018
© Ян Хуторянский, фотографии, 2018
© Сергей Мурзин, фотографии, 2018
© Марк Донской, фотографии, 2018
© Анатолий Грахов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-2779-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор романа-биографии "Обжигающие вёрсты" Геннадий Иванович Мурзин, уральский публицист и литератор. Начало произведения в первом томе. Адрес электронной почты - gimur@list.ru. Фото 2009 года.

Глава 41. Захолустье

В поклонении Бахусу

хотурье, 1970. Сотрудники редакции. В
вом ряду (справа) редактор А. Н. Ахмадеев.

А вот и Верхотурье. Впервые в этом городе, хотя и много наслышан. О давнем-предавнем прошлом. За несколько веков до появления моего здесь город был славен прежде всего тем, что считался форпостом Урала и Сибири, резиденцией знатных бояр, царских наместников, а также столицей православия в этих краях. Затмевал даже Ирбит с его знаменитыми на весь мир торговыми ярмарками. Иначе говоря, на роду было написано быть на долгие века главнейшим городом-крепостью восточных рубежей России. Но впоследствии все изменилось. Особенно стремительно город стал хиреть в двадцатом веке, когда к власти пришли большевики, занявшиеся грабежом многочисленных монастырей, церквей и разрушением великолепнейших соборов, физическим уничтожением купеческого сословия, являвшегося, как и священники, столпами местного общества, его базой и опорой. А всякий живой организм, лишенный корней и питательной почвы для них, – неизбежно гибнет.

Да, был город со славной историей и не стало. Теперь…

…Сказали, что станция от города в шести километрах. Еду на маленьком и тряском автобусишке, подобную рухлядь в других городах давным-давно не эксплуатируют. Мимо окон, слева и справа, мелькают отдельные крестьянские домишки, у палисадников (хоть и зима уже, но тепло) гуляют козы, телята и куры. Это, видимо, крохотные пригородные поселения. Кругом – запустение, полуразвалившиеся хибар-

ки, покосившиеся бараки и скопления мусора. Наконец, впереди показались купола соборов, монастырей и церквей – остатки былой роскоши. Понял: это и есть собственно Верхотурье. Практически, никакого новостроя. Лишь три-четыре двухэтажных дома советской постройки. Как мне пояснили, в них помещается власть.

Редакцию районной газеты нашел быстро. Первый же прохожий показал на старинный дом (очевидно, купец какой-то жил). Дом из розового кирпича, они положены ровнёхонько, один к одному; стены толстенные; оконные проемы небольшие (холодные места как-никак), но окаймленные красивыми каменными узорами: крыльцо высокое, с навесом из инкрустированной жести; ступеньки, как полагаю, из листвянки, поэтому служили и служат как старым, так и новым хозяевам.

Вхожу внутрь. Слышу из-за двери справа пощелкивания линотипа и тарахтенье работающей плоскопечатной машины. Понятно: на первом этаже – типография. Передо мной старинная крутая лестница, ведущая на второй этаж. Поднимаюсь. Ступени тихо поскрипывают. Справа – первая дверь и на ней табличка: «Директор типографии». Чуть дальше по коридору, напротив, еще одна дверь, обитая черным дерматином, и на ней также табличка: «Редактор А. Н. Ахмадеев». Дверь лишь полуприкрыта. Заглядываю: пусто. Вышел, полагаю, и ненадолго. Жду. Минуты через две в глубине коридора, повернувшего влево, вижу худощавого и покашли-

вающего мужчину лет пятидесяти, с редкими, начавшими седеть, волосами на голове. По обличию – татарин. Значит, он, редактор. Подошел. Посмотрел на меня и на мои чемоданы.

– Геннадий Иванович? – Спросил он, пытливо разглядывая меня.

– Да, Александр Николаевич. Вот… Прибыл, так сказать, в ваше распоряжение.

Ахмадеев открыл шире дверь.

– Проходите. – Мы вошли. Хозяин притворил за собой плотно дверь. – Присаживайтесь. – Огляделся. Кабинет просторный и светлый; окон много и выходят на две стороны – на запад и на север. Чистенько. Мебель старенькая и могла сохраниться лишь здесь, в глухой провинции. Слева – стояк хорошо протопленной печи-голландки с черным жестяным кожухом, от которой веет домашним теплом. Ахмадеев спросил. – Решились, значит?

– Да. – Кивнул в ответ.

– Верхотурье – не Асбест. Слышал, хорошую квартиру там оставили?

– Есть такое дело.

– Жалеете?

– Пожалуй.

– Понимаю. У нас, увы, такого жилья нет, чтобы с ванной, горячей и холодной водой, унитазом, газовой плитой на кухне и с балконом. Наши удобства – на улице.

– Не из господского сословия, – заметил, – поэтому ко всему привычный.

Ахмадеев усмехнулся.

– Тогда – не так страшно будет… Документы взяли? – Встал, подошел к столу и положил перед редактором паспорт, трудовую книжку, партийный и военный билеты. Он долго и тщательно изучал документы. Дошел и до партбилета. Он сказал. – Придется ехать и сниматься с учета. Ничего, съездите как-нибудь.

Сказал:

– Там у меня открепительный талон.

– Уже?! – Удивился редактор. – Отлично. Сходите, – он показал в окно за его спиной, где виднелось шлакоблочное белое здание, – и встанете на учет. – Ахмадеев достал из стола лист белой бумаги. – Подсаживайтесь и пишите заявление.

Через полчаса уже был на рабочем месте. В кабинете два письменных стола с голубым суконным верхом, на котором виднелись застаревшие пятна от чернил, – ответственного секретаря и мой. Оказалось, отдел писем состоит из одного сотрудника, то есть меня, заведующего. В экономическом отделе – трое, где, кроме заведующего, было два корреспондента; в отделе партийной жизни – двое, где, кроме заместителя редактора (он же и заведующий отделом) был-таки корреспондент. Собственно, это типовое штатное расписание всех (с выходом три раза в неделю и формата А-3)

городских и районных газет. Были еще фотокорреспондент и организатор районного радиовещания. Первый, естественно, поставлял иллюстративный материал, второй – готовил передачи для районного проводного радио. Таким образом, следующий состав редакции: редактор, заместитель редактора, ответственный секретарь, два заведующих отделами, три корреспондента, фотокорреспондент, организатор радиопередач, корректор, бухгалтер, машинистка, шофер, курьер-уборщица-истопница.

Первый, с кем познакомился, естественно, был ответственный секретарь Виктор Соколов. Обмениваясь рукопожатием, обратил внимание на два обстоятельства: на излишнюю какую-то нервную суетливость и на амбре, то есть на запах винного перегара изо рта. Как оказалось, оба обстоятельства взаимоувязаны и имеют одно и то же происхождение – чрезмерное поклонение Бахусу.

Знал ли редактор об этой слабости ответсека? Ну, разумеется. Однако мирился и смотрел сквозь пальцы. Откуда другого-то взять? Выбора – тю-тю! Особенно, в таком глухом городке, как Верхотурье. Да и должность не из простых: каждого не назначишь. Специфика, знаете ли. О том понял позднее. Ответственный секретарь – это начальник штаба, вдохновитель и организатор работы творческого коллектива. Ответственный секретарь – это человек, умеющий хорошо писать, чтобы грамотно вычитывать материалы, идущие в номер, делать правку, удаляя авторские погрешности. Ответ-

ственный секретарь – это, наконец, человек, обладающий каким-никаким художественным чутьем, чтобы прилично макетировать, делать полосы будущего номера газеты внешне эстетически приятными.

Оформление газеты – это искусство. Обладал ли им Виктор Соколов? В какой-то мере, да. На первых порах так и считал. Но потом, присмотревшись, кое в чем разобравшись, нахватавшись опыта, оценку поменял. Мне стало очевидным: Соколов делает газету, как выражался, левой пяткой, слепым методом, то есть, не глядя, не утруждая мозги излишними думами об эстетике, например.

Чем, скажем, была забита голова Соколова с раннего утра, с той поры, как появлялся на рабочем месте? Думаете, тем, как покрасивее смакетировать очередной номер? Да, он и об этом, наверное, думал, но не в первую очередь. В первую очередь обуян был заботой, у кого перехватить трёшницу (жена, видимо, мужика сильно ограничивала в деньгах, поэтому вечно побирался, а потом обычно о долге забывал, поэтому одалживали коллеги неохотно), чтобы сбегать в магазин и опохмелиться. Настроение – соответствующее: хмурый и злой. Сбегав, утолив жажду, становился веселым и словоохотливым.

Смущало меня подобное соседство, но не беспокоило. Считал, что у каждого человека своя голова на плечах и живет по своим принципам, поэтому что-либо навязывать не считал для себя возможным. Соколов – старше меня, об-

разованнее (за плечами факультет журналистики), опытнее. Я же, как говорится, начинаю лишь писать на первый снег и не дело видеть лишь недостатки, лучше, если стану учиться у других тому, что они умеют, впитывать достоинства, набираться журналистского мастерства, профессионализма.

К тому же Соколов в своем пристрастии к спиртному (не мог этого не заметить) в редакции не одинок. Пили, практически, все, причем, не отходя от рабочего стола. Особенно гульба становилась массовой в двух случаях: когда выдавали зарплату и еще деньги были на руках у мужчин, а не у их жен; когда в районную столовую, находившуюся в каких-то ста метрах от редакции, поступало свежее бочковое (наиболее дешевое) пиво, либо также разливное вино. Соколов, конечно же, отдавал предпочтение вину. Макаров, фотокорреспондент (довольно полный мужчина), увлеченно и помногу отдавался пиву; сам видел, как, накупив пять трехлитровых банок пива, приносил в редакцию и один всё выпивал. С ужасом вначале смотрел и спрашивал: «Не лопнешь?» Макаров, похохатывая, отвечал: «Под вечер еще сбегаю». Спустя месяц, попривык.

Явление сие было настолько массовым, что не мог оставаться в стороне (со своим уставом в чужой монастырь не ходят), поэтому не отказывался (не хотелось выглядеть белой вороной), участвовал в пивных оргиях. Правда, мог выпить пива не больше литра. Больше – не хотелось.

Чтобы закрыть окончательно пьяную тему (извините, что

с нее начал; к слову пришлось), скажу о редакторе несколько слов. Он видел эти коллективные загулы, но реагировал вяло, скорее, формы ради. Сам, зачастую, не участвовал (его интересы замечательно представлял заместитель Виктор Коршунов), но пиво, как понял, тоже любил, не бочковое, а бутылочное, которого, практически, в потребсоюзовской столовой не бывало. У Ахмадеева были связи в определенных кругах. Ему еще накануне сообщали о прибытии свежей партии бутылочного «Жигулевского» в столовую станции Верхотурье, поэтому садился в машину и ехал туда. Узнав, что я также обожаю бутылочное пиво, пригласил однажды с собой и меня. Исключительный случай в коллективе. Воспринял как знак особого ко мне расположения. Увидел, что пьет он мало (по редакционным меркам). Обычно мы брали по две бутылки, по хвостику соленой селедки, садились за столик, долго (за разговорами) смаковали. Потом возвращались в редакцию. Говорили обо всем, но никогда о людях, работающих в редакции.

В дни рождений Александр Николаевич обязательно присутствовал на редакционных застольях, но пил мало, не более двух рюмок, а потом уходил.

Этим мне он очень понравился. Впоследствии мне станет ясно: его эта умеренность – явление редкое в журналистских коллективах; редакторы обычно ведут себя разнузданнее своих подчиненных, позволяя в таких гульбищах, не стесняясь, себе многое. Все-все! Больше – ни слова

о пьянке. По крайней мере, в настоящей главе.

Вхождение в новую жизнь

Быстрёхонько, как ни странно, влился в коллектив, который меня принял неплохо. И легко. Оказалось, что коллеги в творческом даровании не так уж далеко ушли от меня, новичка, причем, необразованного. Конечно, встречались в моих материалах огрехи, но у кого их не было? Недостаток опыта компенсировал усердием и внимательным отношением к советам, если таковые были.

Материалы в газете были разные: одни – лучше, другие – хуже. Смотрел всегда критически и потому видел свои недостатки, чаще всего, первым.

Помню (как будто это было вчера, хотя прошло почти пятьдесят лет), как написал первую свою информационную заметку в ранге заведующего отделом писем. Отдал ответственному секретарю и стал следить, как он правит. Соколов, так сказать, поправил, причем, с очевидным наслаждением. Например, у меня предложение: «Женщина всегда очень ответственно относилась к делу». Соколов вычеркивает слово «ответственно» и над ним вписывает свое слово – «*старательно*». Через пару недель пойму, в чем тут дело: слово «*старательно*» – его самое любимое и поэтому при первом удобном случае обязательно вписывает другим. Взял както (это было на редакционной летучке) и проанализировал небольшую зарисовку, вышедшую из-под пера ответствен-

ного секретаря. В небольшом по объему материале насчитал слов «*старательно*» (в разных его вариациях) аж восемнадцать. После моей товарищеской критики Соколов свое любимое слово перестал вписывать в мои материалы, но сам им продолжал пользоваться с прежней охотой..

Уже две недели, а быт по-прежнему неустроен. Живу – в редакции. Завтракаю и ужинаю – прямо на рабочем месте, обедать ходим с женой в районную столовую, спим на диване, доставшемся, очевидно, от прежних хозяев. Просыпаемся рано, в пять, когда приходит истопница и начинает носить дрова с улицы, заправляет и растапливает печи, потом идет на колонку за водой, гремит ведрами и берется за уборку помещений. Старается женщина не шуметь, но это у нее плохо получается. Так что приходится подниматься, умываться, пить чай, перемещаться с дивана к столу и браться за работу.

Вечерами хожу по ближайшим улицам, захожу в дома, разговариваю с хозяевами, пытаюсь снять угол. Не удается: заслышав, что работаю в редакции, машут руками: нет-нет. Начинают говорить, что самим негде повернуться, хотя очевидно, что дом большой, пятистенник, а хозяева одиноки. Ясно: чего-то опасаются. Но чего именно?! Пока не догадываюсь.

Зашла как-то Таисия Мурзина, однофамилица, муж родом из Пермской области. Зашла, чтобы познакомиться с новым сотрудником, то есть со мной. В разговоре поделился своей проблемой. Отнеслась с пониманием.

– В городе почти нет коммунального жилья. – Сказала она. – Ничего не строят. В основном, частный сектор. Завод коньков, вон, два года строит и не может довести до конца восьмиквартирный дом, а очередь – двести заявлений. Жди, когда рак на горе свистнет.

– Скажите, – спрашиваю, – почему на квартиру не пускают?

– Искали?

– Да. И безрезультатно. Как услышат, что приезжий журналист, так начинают отмахиваться.

Собеседница усмехнулась.

– Объяснение простое: опасаются люди, что вы станете пьянствовать. Город небольшой. Все и обо всех всё знают. Наслышаны, что корреспонденты сплошь пьяницы. Не хотят такого соседства.

– Но я… вроде бы…

– Откуда им знать?.. Помолчав, сказала. – Пожалуй, смогу помочь. Есть приятельница. Живет одна в доме; две большие комнаты и отдельная кухня с русской печью. Квартирантов не пускает, но поговорю с Глафирой Михайловной, отрекомендую. Возможно, смилостивится. Всю жизнь учительницей проработала. Женщина строгая, но добрая. Пожалуй, вы ей понравитесь.

Почему так решила? Ума не приложу.

На другой день Таисия Мурзина вновь зашла в редакцию. Сообщила, что Глафира Михайловна почти согласна,

но прежде хочет встретиться и обговорить условия найма жилья. Вечером побежал по названному адресу. Дом минутах в пятнадцати ходьбы. Встретился с хозяйкой. В доме опрятно. Комната, предназначенная для нас, светленькая и, похоже, теплая, так как с одной стороны тыльная часть русской печи, а с другой – полуовал печи-голландки.

Глафира Михайловна строго сказала:

– Оплата – десять рублей в месяц и своевременно, дрова – пополам, электричество – тоже. И, – она сурово посмотрела на меня, – никакого баловства: не терплю пьяниц.

Пообещал, что тут проблем у нее не будет. Смотрела скептически: значит, не верила.

Уже на другой день позвонили со станции Верхотурье и сообщили, что прибыл контейнер, что его надо быстро освободить от груза. Договорился насчет грузовичка, поехал, перевез барахлишко в дом Глафиры Михайловны.

Не стану скрывать: бывало, что появлялся дома с запашком. Но, видимо, этот мой вид считался настолько невинным, что суровая хозяйка миролюбиво поглядывала и молчала. За все время совместного проживания мы ни разу не поссорились. Не оказалось повода.

Через семь месяцев шеф выбил в райисполкоме коммунальное жилье. Это был деревянный, вполне еще добротный двухэтажный дом из четырех квартир. Наше жилище – первый этаж справа. Две комнатки и кухонька. Отопление, естественно, печное, вода – с уличной общественной колонки,

нужник – во дворе. В редакции посчитали, что получил хорошее жилье. И это правда: аналогичную моей квартиру (надо мной) занимал ответственный районный партработник, член бюро райкома КПСС, председатель районного комитета народного контроля. Не чета мне, а условия жизни те же.

Быт налажен, и…

Заведующий отделом писем Верхотурской районной газеты "Новая жизнь" Геннадий Иванович Мурзин. Разгар творческого процесса. Фото 1970 года.

Берусь за дело и по-настоящему

О моих обязанностях. Они отличны от других творческих работников. Главное, как определил редактор, – работа с письмами: ежедневная регистрация в специальном журнале, отправка на просмотр редактору, который решает, что с каждым из писем делать. В редакционной почте попадались письма, годные для печати, на них появлялась резолюция шефа: «Подготовить к печати». Он указывал фамилию того сотрудника, кого касалась команда. Эти письма (под роспись в журнале) разносил по отделам. Большей частью редакционная почта состояла из жалоб читателей, многие из них подлежали проверке. Существовало две традиционных формы установления достоверности того, что сообщил читатель: либо отправка (с редакторским сопроводительным письмом) для изучения фактов и принятия соответствующих мер руководителям служб района и хозяйственных подразделений, либо следовало поручение сотруднику: «Проверить с выездом на место». Но это не окончание моей работы, а лишь начало. Мне надлежало проконтролировать исполнение сроков рассмотрения жалобы, а это означало, что приходилось напоминать. И не по одному разу.

Сам же показывал пример другим сотрудникам, как надлежит работать с письмом.

На мне же лежала обязанность отправлять для приня-

тия мер критические выступления газеты и также следить, чтобы руководители отвечали не только в указанный срок, а и полно, точно, по существу критики. Плюс вел учет рабселькоров, наших добровольных помощников. И также показал пример: создал первый в редакции общественный отдел по правовому воспитанию. Делал все, чтобы мои общественники не просто числились на бумаге, а помогали в освещении на страницах газеты вопросов права и морали. Еще через месяц организовал другой общественный отдел – отдел по контролю за своевременным, полным и точным рассмотрением на местах жалоб и заявлений граждан. Глядя на мою серьезность намерений, общественники откликались и помогали.

Помимо чисто технических задач, обязан был освещать в газете определенные темы. Редактор за мной закрепил вопросы образования, здравоохранения, культуры, права и морали, бытового обслуживания населения. Я, между прочим, сдавал в газету ничуть не меньше материалов (информационных и аналитических), чем любой творческий сотрудник редакции, не обремененный никакими другими делами, как только писать.

А что шеф? Смотрел и, преимущественно, молчал, то есть не хвалил особо, но и не ругал. И лишь однажды произошла ссора. Вина полностью лежала на мне: позволил себе хамскую выходку, вторгнувшись в сферу исключительной компетенции редактора. Глупость, конечно. Вот что произошло.

Согласно редакционному плану, должен был организовать и провести рейд печати по проверке готовности школ района к новому учебному году. Организовал и провел. По итогам написал острую корреспонденцию, сдал ответственному секретарю, тот сразу же поставил в очередной номер. Утром, накануне выхода номера, оттиски полос Соколов вывесил на стенде, чтобы все желающие могли, если захотят, посмотреть и вычитать уже в полосах собственные творения. Увидев на второй странице, внизу, свой рейдовый материал, внимательно просмотрел, оставив для корректора несколько авторских пометок. И ушел, чтобы заняться другими делами. Вернулся в редакцию через несколько часов. В коридоре встретил корректора, которая уже с чистыми полосами спускалась в типографию. Попросил разрешения взглянуть. Глянул и обомлел: на второй полосе нет моей статьи, как корова языком слизнула. Как это так? В чем дело? Бегом к Соколову. Тот хмельно (успел заправиться) смотрит на меня и нагло ухмыляется.

– Почему снял мой материал? – Подступил к ответственному секретарю.

Тот спокойно ответил после многозначительной паузы:

– Не я… Дело рук шефа. Ищешь приключений на задницу? За этим – к нему.

– И пойду! – воскликнув, рванув в сторону редакторского кабинета.

Соколов хохотнул в след:

– Ну, иди-иди… Получишь по первое число…

Обуреваемый эмоциями, влетел в кабинет. И стал что-то говорить. Видимо, на повышенных тонах стал предъявлять редактору претензии. Ахмадеев, выслушав весь мой страстный монолог, стукнул кулаком по столу и тихо сказал:

– Послушай теперь меня, Геннадий Иванович. – он уже со мной был на «ты», однако обращался по имени и отчеству, а я по-прежнему на «вы». – Я кто? Редактор. А кто ты? Заведующий отделом писем. И пока это именно так, то позволь мне исполнять мои обязанности так, как я считаю нужным. Будет наоборот – будут и другие песни. Ясно?

– Однако…

Редактор прервал:

– Иди, успокойся, остынь, а потом приходи, поговорим о причинах, из-за которых материал был снят мною с номера. Устранишь замечания, поправишь материал – увидит свет; нет – очутится в мусорной корзине.

Покинув редакторский кабинет, сел у себя и стал думать. Через час уже пришел к выводу, что был не прав, пошел к редактору и извинился за хамское поведение. Он, в ответ, высказал замечания. Выслушав, пошел устранять. Он во многом был, конечно же, прав. На другой неделе материал в обновленном виде появился в газете.

Никогда больше не посягал на права редактора, хотя, конечно же, приходилось отстаивать свои позиции, но не в Верхотурье.

Скандал, если его можно считать таковым, никак не отразился на взаимоотношениях с шефом: они по-прежнему оставались ровными.

И доказательство. 1970-й. Столетний юбилей вождя. Откровенно скажу: никак не претендовал на награду. Есть, считал, гораздо достойнее. К тому же работаю меньше полугода. И все-таки абсолютно неожиданно мне была вручена юбилейная Ленинская почетная грамота. Приятно, но не загордился, на самом деле, полагая, что это большущий аванс… Со стороны редактора.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Верхотурский районный комитет КПСС и исполком районного Совета депутатов трудящихся награждают Почетной грамотой

Мурзина Геннадий Ивановича

за достигнутые успехи в социалистическом соревновании и активное участие в общественной жизни в честь 100-летнего юбилея создателя Коммунистической партии Советского Союза, основателя первого в мире социалистического государства, вождя советского народа и международного рабочего класса Владимира Ильича Ленина.

Райком КПСС Исполком райсовета

Апрель 1970 года

Т. 500 к. 140

Вот и общественное признание…

Спустя год, пришло общественное признание со стороны. Тоже неожиданно. Да, уже был уверен, что свое дело делаю неплохо, но чтобы так оценили на областном уровне – не помышлял. Потому что по-прежнему считал себя не Мастером, а всего лишь подмастерьем. Хотя… На безрыбье – и рак рыба, а кое-что поет, как соловей.

В мае 1971-го редактор получил письмо из обкома КПСС, в котором сообщалось, что готовится областной семинар заведующих отделами писем городских и районных газет. Каждому участнику семинара заранее предлагалось выправить, то есть подготовить к печати, один и тот же авторский текст. Отнесся к заданию ответственно и отправил свой вариант авторского текста в комиссию по проведению семинара. Собрались мы в Нижнем Тагиле. В конце второго дня семинарских занятий предоставили слово заведующему кафедрой стилистики Уральского госуниверситета. Мы услышали глубокий анализ того, как справились с заданием. Разве не удивительно, что мое задание, задание человека, профессионально работающего в газете всего полтора года, человека, у которого по-прежнему нет даже среднего образования, получило отличную оценку? Ни одного замечания! Мнение преподавателя поддержал и заведующий отделом писем «Уральского рабочего» (фамилии не помню), который

так и сказал:

– Достоинство работы, сделанной Мурзиным (газета «Новая жизнь», город Верхотурье), не только в высокой степени грамотности и литературной безупречности, а в том, что он, как никто другой, чрезвычайно бережно отнесся к авторскому тексту, сохранив в нем все особенности языка и стиля автора. Это, – добавил опытный журналист, – то, с чем многие не справились. Они сделали хорошие тексты, но это уже не авторские тексты.

Сам не знаю, как это у меня получилось. Нет, знаю: в процессе сотрудничества с газетами не раз становился жертвой произвола правщика, когда сотрудник редакции, к которому попадал мой материал, считал своим долгом непременно искромсать, переделать по собственному образу и подобию. Ясно, что такой подход меня возмущал. И, видимо, выработалось на уровне подсознания: бережное отношение к автору – это важнейшее достоинство литправщика. И с первого часа работы в редакции именно так и поступал. На летучках яростно защищался, заявляя, что все люди – особенные, что за другими надо признавать право говорить, мыслить и писать по-своему, то есть оригинально.

Приехал с семинара. Стали расспрашивать: что, мол, и как? Честно рассказал. Поверил, думаю, один человек – редактор. Наверное, ему было приятно, что захудалая газета, каковою она по праву считалась, неожиданно на уровне области выступила так сказочно достойно. Мне тоже было

приятно, что мои принципы газетной работы получили поддержку со стороны экспертов высочайшего уровня. Не забывал об этих принципах. Следовал им всегда.

Варился в провинциальном котелке, но не забывал и об областных газетах: считал необходимым для себя, чтобы проверить, заметен ли профессиональный рост, изредка публиковаться. Сейчас-то понимаю, что это не каждому местному журналисту дано. Потому что требования высокие, совсем не те, какие в той же газете «Новая жизнь». И главное – факты, сообщаемые с мест, должны быть необычны, интересны всей области. А что нового могу рассказать из маленького городка, где до меня газетчики все излазили и обо всем не по разу написали, где жизнь течет медленно, события не новы и совсем не оригинальны, люди знают друг друга с пеленок и скрыть что-то необычное из их жизни невозможно. И все-таки находил интересных людей, о которых мои коллеги-старожилы ничего не знали. Нашел, допустим, старика, самого обычного старика, который, оказалось, с малых лет, без посторонней помощи выучил нотную грамоту, освоил многие музыкальные инструменты. Этого ему показалось мало, не имея никакого образования, взялся за сочинительство и написал более десяти симфонических произведений. На многие были положительные рецензии специалистов. Старик не стал профессиональным композитором, но жизнь прожил, благодаря музыке, интересно. Есть необычное в обычном? Да! Поэтому пишу заметку в «Ураль-

ский рабочий». Редакция, естественно, публикует. Анализирую и констатирую: без редакционного вмешательства. Значит? Отлично! Разнюхал (благодаря быстро установленным неформальным связям), что одна старушка – плетет кружева, причем занятие это семейное и передается из поколения в поколение. Самые оригинальные изделия кружевница бережет, хранит в специальном сундучке. Участвовала даже в международном конкурсе и получила диплом победителя, в результате Московский краеведческий музей запросил для раздела «Народные промыслы» лучшие работы. Все эксперты сходились в одном: у кружевницы не только тончайшее плетение, но и узоры высочайшего творческого достоинства, по сути, мастерски исполненные художественные произведения. Опять же пишу заметку и отправляю в «Уральский рабочий». Охотно и быстро опубликовали. И еще один из многих примеров. Раскопал ветерана да еще какого! Он не просто орденоносец и боевой офицер, доброволец, прошедший с боями от Москвы и до Берлина, но, оказалось, в течение двух лет командовал ротой, входившей в состав штрафного батальона, батальона смерти. Эти батальоны редко называли в открытой печати штрафными, чаще благозвучнее – штурмовыми. Очевидец? Да! Но и это не все: главное в том, что все два года вел дневниковые записи, их сохранил, проносив в полевой сумке всю войну. Увидев эти пожелтевшие от времени записи, сделанные на скорую руку, где чернилами, а где и химическим карандашом, опешил: уникальное свидетель-

ство войны! Уникальное в том смысле, что не предназначалось для чужого глаза, а потому предельно откровенное, с деталями и фактами. Уникальное еще и потому, что на войне вести дневники и хранить было категорически запрещено. Офицер, зная это, рисковал, по сути, жизнью: узнав кто-то, не миновать бы ему трибунала, а там судили скоро и безжалостно. Ветеран и передо мной, спустя столько лет после окончания войны, раскрылся не сразу: продолжал опасаться. Снова публикация в газете, наделавшая много шума. Реакция, прямо скажу, компетентных органов была далека от положительной, но факт предан гласности, и ничего уже не изменить.

Оригинальничал, конечно, часто. Мне казалось, что это и есть настоящая журналистика, когда газетчик любит нехоженые тропы, продираясь сквозь бурелом. Приведу самый яркий пример.

1971-й. Чем знаменателен этот год? Для официальной пропаганды ничем. А для меня? Юбилейная дата в истории войны – тридцать лет с ее начала. В те времена, напомню, уже принято было отмечать День Победы над Германией, но не день начала Отечественной войны. 22 июня все газеты – от районных и до центральных – хранили обычно молчание.

Мне ударяет в голову: а почему бы в номере газеты «Новая жизнь» за 22 июня 1971 года, в ознаменование юбилея, не отметиться? Идеей загорелся и занялся организационной

стороной дела. Обращаю внимание на деталь: мое мероприятие не входило в редакционные планы, а потому и могло вполне сгореть на стадии еще оглашения идеи.

Упрям и потому, осознавая все последствия, иду дальше.

Решил собрать в редакции ветеранов Великой Отечественной за «*круглым столом*». И не просто ветеранов, а людей, которые, во-первых, ушли добровольцами, во-вторых, в первый же день войны. И разговор особенный: о горьких первых днях.

Райвоенком, как ни странно, откликается и помогает найти нужных людей. Их пока еще немало. Всех пригласить на встречу не могу, поэтому отбираю носителей особенно необычных судеб. Отобрал пятнадцать и все уникальны. По крайней мере, так видится с моей колокольни. Обо всех не в силах сейчас рассказать, но в качестве наглядности один пример.

Тракторист одного из колхозов в первый же день войны, бросив прямо в поле свою машину, не заходя домой, отправился пешком в райвоенкомат. Там уже была очередь. Выстоял и, оказавшись перед офицером, заявил: отправляйте немедленно! И отправили. Сначала были краткосрочные курсы, а потом отправили в экипаже в Нижний Тагил получать танк Т-34. И на фронт. На окраине города Калинин первый бой. Механик-водитель ранен, но, истекая кровью, вывел пылающий факелом танк из боя, тем самым спас от смерти экипаж. Был представлен к награде – медали «За отва-

гу»… посмертно. Так посчитало командование: боец получил травмы, несовместимые с жизнью. Домой ушла похоронка. Но парень не только выжил, но и вернулся на фронт, продолжал воевать. Потом был снова бой. И уральца выносят с поля боя без признаков жизни. В очередной раз посчитали умершим, вновь отправили домой похоронку. Опять представили к медали «За отвагу»… посмертно. Но и в этот раз судьба так распорядилась с солдатом, что он выжил, сел за рычаги управления танком. В 1944-м участвует в очередном роковом сражении с немцами, танк горит. И все решили, что экипаж погиб. Всех представляют к наградам… посмертно. Нашего уральца – уже к третьей медали… «За отвагу». Экипаж, действительно, погиб, но, оказалось, не весь: механик-водитель вновь выжил. Правда, на этот раз уже не вернулся на фронт: комиссовали. В самом деле, ну, сколько же можно?!

Чудо? Сказка? Если бы! За «*круглым столом*» редакции сидел живой и относительно здоровый человек с документами, подтверждающими его фронтовую биографию, с наградными удостоверениями. И с тремя теми самыми похоронками, которые получила семья. Как говорится, невероятно, но факт.

Райвоенком, между прочим, мне сказал, что в районе нет ни одного подобного случая, чтобы один и тот же человек был трижды удостоен медали «За отвагу»; что обычно представляли лишь один раз, ну, в самом крайнем случае, два-

жды одного и того же человека. И еще добавил: «*Случай настолько уникален, что вряд ли мог иметь место с кем-либо еще из участников боевых действий*».

От себя добавлю: трижды и всякий раз посмертно – вещь невероятная вообще.

Вот таких ветеранов, почти забытых, между прочим, и собрал за редакционным «*круглым столом*». Стол был накрыт. В конце встречи были и «*наркомовские*» сто граммов: ветераны помянули тех, кто ушел и не вернулся. А потом с венками (позаботился заранее) отправились на городское кладбище, где в братских могилах нашли свой вечный покой солдаты той войны. Там же, на кладбище была действующая церквушка, ветераны решили зайти и поставить свечи за упокой душ умерших и погибших на войне.

Вся церемония никак не вписывалась в рамки той идеологии, носителем которой была газета. Мало того, что отмечается неотмечаемый официально юбилей; мало того, что в редакции официально организованна выпивка! Еще и посещение церкви!

В день проведения «*круглого стола*» Ахмадеева не было. Не было и тогда, когда был опубликован (22 июня) отчет в газете, причем, на весь внутренний разворот. Заместитель редактора Виктор Коршунов, подписавший номер в печать, рисковал: никто не знал, как отнесется шеф и как отреагирует отдел пропаганды и агитации райкома КПСС к подобной газетной акции, идущей вразрез с принятыми нормами.

Приехал из Свердловска редактор. Утром же (первым, чтобы информация дошла до него, так сказать, из первых уст) в кабинете появился я. Рассказал все. Он долго читал отчет с «круглого стола», хмыкал и крутил головой. Отложив в сторону газету, долго молчал и смотрел в окно. Потом сухо спросил:

– На чьи деньги?

Понял вопрос.

– На свои.

– Сколько? – Вновь спросил шеф.

– Тридцать восемь рублей пятьдесят копеек.

– Миллионер? Много зарабатываешь?

– Нет, но… Мне, Александр Николаевич, так хотелось, чтобы ветеранам у нас было хорошо… неформально… чтобы торжественно… чтобы им запомнилась встреча.

Проходит минута в полном молчании. Редактор выходит и возвращается с бухгалтером, у которой в руках всем известная книга приказов.

– Выдай, – говорит он, – Мурзину тридцать восемь рублей пятьдесят копеек.

Бухгалтер догадывается, на какие цели: на ее глазах проходила встреча. Она говорит:

– Можно было бы провести по статье «Прочие расходы», но…

Редактор знает об этом самом «но». Имеются в виду траты, которые никак нельзя показывать в финансовом отчете,

а именно, покупка свечей, венков, водки, само собой.

– Из фонда редактора. – Бросает Ахмадеев. – Напишет заявление, мол, материальная помощь понадобилась… Ну, сама понимаешь, как все надо сделать.

Бухгалтер кивает и уходит. Тишину нарушает редактор.

– Не согласовал… Пропартизанил… Но, – он усиленно трет столешницу ладонью, – молодец.

Ухожу от редактора с легким сердцем. Понял шеф и простил.

Потом ревниво просмотрел все городские и районные газеты области за 22 июня и ни в одной не было материалов о той войне. Ни в одной!

Скуп на эмоции редактор, но его понимал: он готовился к отражению возможной атаки со стороны райкома КПСС. Атаки, кажется, не случилось: райком почему-то отнесся к акции спокойно. Или это мои ошибочные ощущения? Может, просто-напросто я не знал?

И последнее: по словам старожилов редакции, подобной акции в ее стенах еще не проводилось. Что ж, приятно быть первым.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Среда, 15 апреля 1970 года | Газета основана в 1907 году | № 75 (8.248) | Цена 2 коп.

ПАКЕТ ИЗ ГДР

ВЕРХОТУРЬЕ. Письма и пакеты с иностранными штемпелями в школе № 46 никого не удивляют. Они приходят из ГДР, Финляндии, Польши. Друзья школьников рассказывают в них о местах, где жил и работал В. И. Ленин. Вот бандероль из ГДР. В ней прекрасно иллюстрированные книги и брошюры. В сопроводительном письме член Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии Р. Бюшер пишет:

«Дорогие юные друзья! Впервые я увидел фотографии В. И. Ленина, когда стал членом Коммунистической партии Германии. Это было в 1920 году, на моей родине в Мансфельде. Позднее я прочитал многие произведения, которые были изданы в то время в Германии. Что мой любимый материал — производство и в профсоюзе, для организации стачек и рабочих боев мне хорошо помогла работа Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Она была для меня руководящим документом в рабочем движении, в борьбе с капитализмом. Это лучшая книга, которая учила нас тактике классовой борьбы».

Р. Бюшер пожелал комсомольцам школы и всего Урала больших успехов в достойной встрече 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Вести переписку ребятам помогает преподавательница школы Н. Г. Величко, которая хорошо владеет немецким и английским языками.

Г. МУРЗИН.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Вторник, 29 декабря 1970 года | Газета основана в 1907 году | № 252 (8.384) | Цена 2 коп.

Рассказ учительницы

ЗАВЕТНЫЙ СУНДУЧОК

А. Перфилов.

Как определить профессиональный рост? Насколько интересны для читателя газетные материалы? Да, провинция читает, а для области? Ответить на эти вопросы можно единственным способом: печататься в областных газетах. Что Геннадий Мурзин и делал. Чаще всего видел, что заметки и там идут на "ура".

Имейте виды, да про принципы не забывайте

Честно сказать, редактор имел на мой счет виды. Сужу по ощущениям и некоторым косвенным признакам. Редактор, видимо, очень хотел меня подольше задержать в городке. Возможно, готовил себе на смену. Он прекрасно понимал, что иначе улечу в другие края.

Во всяком случае, тем же летом началась некая возня, которая пришлась мне не по вкусу. А дело вот в чем.

У заместителя редактора вылезли наружу семейные неурядицы. Жена, как это было принято, пошла жаловаться на мужа в райком КПСС. Выслушали ее внимательно и возмутились: заместитель редактора и аморалка, бьет и пьет?! Виктор Коршунов вскоре ушел из семьи и связался, чем усугубил свое положение, с другой женщиной. Партия не могла простить подобного поведения. И встал вопрос об отстранении Коршунова от руководящей работы, об освобождении от обязанностей заместителя редактора. Сразу и открыто выразил свое несогласие, потому что догадывался о подоплеке шумихи (дело в том, что Коршунова в райкоме за что-то не жаловали). А когда совершенно случайно стало известно, что именно меня готовят на должность заместителя редактора, то вообще возмутился. Сразу и всем открыто сказал: по трупам не ходил, и ходить не собираюсь.

Ситуация для меня щекотливая. С одной стороны, не хочу быть на месте Коршунова, и буду противиться. С другой стороны, я коммунист и не вправе отказываться от любого партийного поручения, а назначение на руководящую партийную должность так и рассматривалось. Дисциплина есть дисциплина и выполнение партийного решения моя, как коммуниста, важнейшая обязанность.

Как быть? Нужен выход и такой, при котором бы сохранил лицо. Без каких-то потерь не обойтись. Согласен на все, но не на попрание моих принципов. И пойду до конца, вплоть до увольнения из редакции, если райком все-таки будет настаивать. Так для себя решил.

Счастливый случай[1] мне помог выпутаться.

На редакционной планерке редактор обмолвился: прибыла, мол, комиссия из обкома КПСС и изучает деятельность школ района. Пропустил мимо ушей информацию: меня не касается; мало ли какие комиссии приедут, мне-то что с того? Как приехали, так и уедут. И забыл напрочь.

На другой день иду по коридору первого этажа райкома КПСС, поравнялся с лестничным маршем, ведущим на второй этаж, и тут слышу женский, наполненный эмоциями, крик сверху.

– Геночка, ты ли это?!

Так кричать и в стенах райкома?! Кто это может быть?

---

[1] А может не случайность, а так судьба распорядилась (***здесь и далее примечания автора***).

Поднимаю вверх глаза. Никого не вижу, но слышу цокот женских каблучков. Из-за поворота появляется… Сияющая Людмила Белоусова (напоминаю: Людмила Григорьевна Глущенко, она же в девичестве Белоусова, на ту пору работала уже инструктором отдела школ и вузов Свердловского обкома КПСС). Чуть ли не бегом преодолевает ступени, бросается мне на грудь.

– Как рада, что вижу тебя! – Потом немного отстраняется, пытливо заглядывает мне в глаза. – Позволь, а что тут делаешь?

– Работаю…

– Где? Кем? – Торопясь спросить, она прерывает меня.

– В районной газете… Заведующий отделом писем.

– Ну, ты молодец! Поздравляю! – Она хлопает меня по плечу. – Решил пойти все же в журналистику?

Иронично ответил:

– А в других сферах меня не ждут. – Вижу, что в коридорах райкома началось странное оживление: из кабинета в кабинет зашмыгали инструкторы, бросая удивленные, смешанные со страхом, взгляды на нас.

Людмилу, вижу, ничто не смущает. Громко хохочет, прижимается ко мне и говорит:

– Ну, ты, брат, по-прежнему, в своем репертуаре… Не меняешься… Продолжаешь иронизировать.

– А ты? Изменилась, что ли? Ничуть не убавилось юношеского задора и… эмоций столько, что на десятерых хватит.

– Не хочу стареть, Геночка, не хочу, несмотря на годы.

И тут озаряет: «Не из состава ли она той самой обкомовской комиссии?» Осторожно интересуюсь:

– Людмила Григорьевна, а тебя, каким ветром занесло в Верхотурье?

– Попутным, Геночка, попутным. Не слышал разве, что в районе работает комиссия обкома?

– Слышал… краем уха… Значит, в составе?..

Белоусова по-прежнему громко хохочет:

– Бери выше: председатель комиссии. – Снова хлопает по плечу и укоризненно замечает. – Все такой же: не слишком любопытный. В таких городках все и всё знают, и лишь ты в полном неведении. – Людмила Григорьевна смотрит на часы. – Надо бы встретиться вечерком и поговорить. Согласись, нам есть что вспомнить… Столько лет не виделись[2].

– Извини, Людмила Григорьевна… Я первым должен был предложить…

– От тебя дождешься!

Пригласил Белоусову к себе домой в любой удобный для нее вечер. Она приглашение приняла. И на другой день принимал гостью у себя. На столе – мои фирменные салаты и собственноручно изготовленные пельмени. Само собой, водочка. Почему водочка? По прежним временам знал, что коньяки гостья не любит и отдает предпочтение этому напитку. Часов до двенадцати ночи просидели за откровен-

---

[2] А не виделись всего-навсего с октября 1968 года.

ными разговорами. Она рассказала о себе. Не хотел обременять женщину своими проблемами, но она стала пытать. Очевидно, почуяла, что нуждаюсь в поддержке. И… раскололся. В частности, поделился создавшейся критической ситуацией по части будущего, о коем печется райком.

Она слушала и понимающе кивала. Она знала, что иначе поступить не могу. Прощаясь, пообещала хоть чем-то помочь. И помогла. А иначе с чего бы через неделю после отъезда из Верхотурья партийной комиссии, возглавляемой Белоусовой, из обкома КПСС позвонили редактору, чтобы тот срочно командировал в Свердловск Мурзина. Причину срочности никто не объяснял: не принято было. Догадывался ли о чем-то? Скорее, да. Выехал в тот же день, точнее, поздним вечером, и утром другого дня сидел в кабинете Дворянова. Тот без лишних слов сказал, что есть намерение перевести меня для дальнейшей работы в Богданович. Кивнул: согласен, мол.

– Почему не спрашиваешь, на какую должность?

– Не имеет принципиального значения. – Ответил и тут же прибавил. – Ситуация в Верхотурье такая, что…

– Знаю… Иди на автовокзал, сейчас же отправляйся в Богданович. Редактор ждет.

Съездил, благо совсем близко. Вернувшись, ответил отказом. Это несколько озадачило Дворянова.

– Почему? – Спросил, недоумевая, он.

Коротко, не вдаваясь в детали, ответил:

– Редактор не понравился.

– Первое впечатление – ошибочно чаще всего.

– Возможно. Но интуиция подсказывает, что не сработаемся. Стоит ли рисковать, Виктор Федорович?

– Извини, хотел, как лучше. Или тебе уже неспешно? Может, оставили в покое, и можешь ждать?

– Да нет. Еще две недели и захомутают. Не вырваться.

– Тогда… У тебя есть где переночевать?

– Переночую. – Уверенно ответил ему.

– Утром, первой же электричкой отправляйся в Шалю. Редактору и в райком я сейчас позвоню. Если там все тебя устроит, – на обратном пути заедешь ко мне.

Съездил в Шалю. Сравнивая с Богдановичем, – дыра. Но решил не отказываться. Не бесконечно же вертеть носом. В Верхотурье возвращался уже с письмом обкома КПСС, в котором предлагалось райкому КПСС, в порядке перевода, откомандировать для дальнейшей работы в качестве заместителя редактора районной газеты «Путь к коммунизму» коммуниста Мурзина Геннадия Ивановича. Это означало, что там возьмут под козырек. Для райкома мой отъезд оказался громом среди ясного неба. Сожалели, что, как они выразились при прощании, «*единственный приличный коммунист в редакции и тот уезжает*». Собрался за несколько дней и покинул Верхотурье без каких-либо проблем. Уезжал, сожалея. Потому что в коллективе у меня не было конфликтов и, главное, редактор ко мне относился хорошо.

Не моя вина, что так получилось. Мне все-таки сильно повезло, что начал профессиональную журналистскую карьеру именно здесь, в Верхотурье. Во многом, благодаря Александру Николаевичу Ахмадееву, своему первому редактору. А как же закончилась история с Коршуновым? Убрали-таки с должности. Он уволился и работал, как мне говорили, воспитателем в детской колонии. На место заместителя редактора прислали Воробьева, также горького пьяницу (покруче Коршунова) и столь же плохого семьянина.

Верхотурье, май 1971 год. Заведующая внештатным отделом по действенности А. Ф. Упорова упорно отстаивает свое мнение.

Верхотурье, июнь 1970 год. Очередное заседание внештатного отдела по правовому воспитанию при редакции районной газеты "Новая жизнь". Присутствуют: Ираида Туркеева, Людмила Федулова, Станислав Портнягин, Геннадий Попов и другие друзья редакции, чрезвычайно активно выступавшие на страницах печатного издания. Кстати говоря, народный судья Геннадий Попов (крайний справа) явился впоследствии прототипом главного литературного героя в документальном детективном рассказе "ПОСЛЕ БАНИ". Это произведение включено в книгу "МОЛОДО - НЕ ЗЕЛЕНО". Книга издана в 2015 году одним из международных издательств.

Прошло 12 лет. Навестил редакцию. И оказалось, что из прежнего состава осталось лишь двое сотрудников: они - в первом ряду.

Глава 42. Не ко двору пришелся, видно…

В трех часах езды от Свердловска, а глухомань

Шаля… Что из себя представляет? Поселок городского (городского, правда, нет ничего) типа, райцентр с населением не более шести тысяч. Впрочем, на территории всего района проживало тогда не более тридцати тысяч. Промышленных предприятий? В райцентре – ни одного (если не считать леспромхоз и крупную одноименную станцию) предприятия. Всё настолько карликовое, что и упоминать не стоит. Из «очагов досуга» – один районный Дом культуры, где в день дают по одному киносеансу, зал – почти пуст, поскольку зимой в нем несуразный холод. Две средних школы, несколько крохотных магазинов системы потребкооперации, в которых без проблем можно приобрести лишь хлеб, но и тот (производство местной пекарни) никуда негодного качества. Люди живут в своих домах. Правда, за год до моего приезда построили четыре восьмиквартирных каменных дома. Считаются элитными. Потому что есть водопровод (правда, лишь холодная вода) и на колонку ходить

не надо, отопление – печи-голландки, уборные – в квартирах, но представляют из себя крохотные помещения, где есть труба, идущая вниз, по которой нечистоты попадают в выгребную яму. Обратно по трубе вверх поднимаются специфические ароматы, спастись от которых невозможно. Утешает, что все-таки не надо ходить на улицу. Живет в домах – местная интеллигенция и некрупное районное начальство. Главные же лица района живут в отдельных коттеджах, в которых, по словам очевидцев, есть все современные удобства. Но они настолько индивидуальны, что доступ к ним имеют одиночки. Например, первый секретарь райкома КПСС, председатель райисполкома. Ну, и еще несколько семей. Улицы не асфальтированы, поэтому каждый проезжающий лесовоз поднимает пыль, оседающую потом долго на всё в окрест. Кое-где есть тротуары, но досчатые. Никто за ними не следит, поэтому люди не рискуют ими пользоваться: можно в расщелине завязнуть и ногу сломать.

В районе – Староуткинский металлургический завод, с демидовских пор стоит; пять леспромхозов и шесть безнадежно убыточных, влачащих жалкое существование, колхозов мясомолочного направления.

Впечатление на приезжающего все и сразу увиденное действует угнетающе. На меня – тоже. Но я знал, на что шел. Поэтому не гундел.

Неделю жил в доме приезжих. Не дом, конечно, а трухлявый барак, в котором одна работница и несколько ком-

нат для гостей района. В каждой комнате – до десятка кроватей. Обитатели, в основном, – кавказцы. В мою, например, бытность, в одной со мной комнате жил грузин, который привез сюда цистерну (низкосортного, разумеется) вина, которым торговал по цене рубль – за литр. Район радостно гудел, и возле винных бочек с первыми петухами собирались небритые и опухшие любители – кто с трехлитровыми стеклянными банками, кто с молочными бидончиками. Товарооборот в потребкооперации резко упал. Где им тягаться с предприимчивым грузином, предлагающим цену за ту же самую «бормотуху» вдвое меньше?

Запомнился мне тот грузин. И не благодаря его вину.

В один из вечером, когда уже был в постели и задремал, услышал, как кто-то бесцеремонно трясет меня за плечо. Открываю глаза и вижу грузина с сияющим от счастья лицом.

– Спать, да? Так рано, да? Вставай, друг! Гулять, да, будем.

Недовольно спросил:

– Что еще за праздник?

– Большой, да, праздник – поминки.

– Разве это праздник? На поминках горюют, а не празднуют. – Возрази ему и хотел повернуться на другой бок.

– Э, нет, дорогой! Вставай, дорогой! Хочу праздновать!

– Ну, и празднуй. – Недовольно проворчал в ответ. – Причем тут я?

– Нет-нет, дорогой! Не обижай меня, да. Будем гулять, да.

Чертыхнувшись про себя, встал, понимая, что грузин все равно не отстанет и спать не даст.

И вот все обитатели гостиничной комнаты сидят за одним столом. Грузин откуда-то достает овальный бочонок с ручкой, наливает всем в стаканы вино, выкладывает на стол фрукты. Принюхавшись к содержимому стакана, спрашиваю:

– То самое, которым торгуешь?

Грузин, вспыхнув, обиделся.

– Не говори так, да! Вы – мои гости…

– Ну и что?

– А то, дорогой, да! Гостей плохим вином грузин не угощает. И сам дерьмо не пьет.

– Вот как? – Удивился. – Сам не пьет, а другим продает?

– Обижаешь, дорогой. – Сказал грузин и насупился.

– Ну, хорошо, – поднял свой стакан. – Чью усопшую душу помянем?

Грузин заржал и также поднял стакан.

– Раба божьего Никиты, да… Счастливо помянем душу, да, погрязшую во грехе.

Посмотрел на застолье и понял, что те знают повод.

– Может, объяснишь?

– Не знаешь, да? Не слышал?.. Отдал Богу душу злейший враг всего грузинского народа…

– А именно? – Спросил, хотя смутно стал уже догадываться.

– Помянем скверным словом Хрущева, эту лысую сволочь! – Сказал грузин и выпил весь стакан.

Все другие последовали его примеру. Я чуть-чуть отпил.

– Почему не пьешь, да? Вино плохое, да?

Отрицательно покачал головой.

– Вино – отменное, но все равно помногу не пью.

– Хочешь коньяк, да? Принесу. Хороший коньяк. Свой коньяк.

– Ничего не хочу.

– Обижаешь, дорогой. Почему не пьешь? Не русский мужик, да?

– Извини, но весь день мотался по району, устал. – Чтобы не обидеть горячего кавказца в день его торжества, так попытался объяснить.

Вскоре, откланявшись, покинул теплое застолье.

На другой неделе, слава Богу, съехал отсюда. Мне выделили жилье, двухкомнатную квартиру в одном их тех самых «*элитных*» домов и вывез из Верхотурья барахло и жену.

По соседству, между прочим, жил инструктор орготдела райкома КПСС Валерий Стабровский.

Тогда же на заседании бюро Шалинского райкома КПСС был утвержден в должности. Утверждение – пустая формальность, поскольку прибыл с официальным направлением вышестоящего партийного органа, то есть обкома КПСС, и принять какое-то иное решение (партийная дисциплина, знаете ли) не могли.

Редакция районной газеты располагалась в бараке: в левом крыле – журналисты, в правом – цех Первоуральской типографии, где четыре работника – мастер (он же и механик), метранпаж, линотипист и печатник.

Газета имела тираж почти семь тысяч (на две тысячи больше, чем прежняя моя газета), выходила три раза в неделю, распространялась по подписке.

А коллектив? Численно – тот же. И качественно мало чем отличался. Также пил по-черному, даже в рабочее время. Разумеется, не все злоупотребляли алкоголем. Пристойно (в смысле выпивки) вели себя молодые супруги Дорошенко – Владимир и Светлана. Владимир заведовал экономическим отделом, Светлана занимала должность ответственного секретаря. Оба – члены КПСС, оба учились на третьем курсе (заочно) факультета журналистики Уральского государственного университета. Заканчивали получать высшее образование редактор Михаил Кустов и заведующая отделом писем Валентина Гилева. Остальные имели среднее, но не специальное образование.

С явной прохладцей отнеслись ко мне супруги Дорошенко. Почему? Думаю, кто-то из них метил на должность заместителя редактора, но что-то у них не сложилось. Или я нечаянно вмешался в их карьеру? Уколы по моему адресу следовали со стороны супружеской пары регулярно. Особенно на летучках упражнялись. Сначала вступал с ними в дискуссии, но потом перестал обращать внимание.

За год до защиты диплома супруги покинули редакцию: Владимир перевелся на дневное отделение, выбил себе престижное местечко для преддипломной практики – редакцию газеты «Комсомольской правды». Там показал себя во всей красе. Владимир – средней руки журналист. И даже в районной газете ничем не блистал, а вылезал за счет жены, которая много ему помогала и даже иногда за него делала курсовые работы. На очном же отделении факультета стал в одночасье первым парнем. Почему? Потому что блестящая анкета. Прежде всего, в его пользу было членство в КПСС и опыт практической работы, причем в должности заведующего экономическим отделом. Во время прохождения преддипломной практики Владимир развелся с женой. Она стала не нужна. Отработанный материал. Балласт. Прочь – с дороги. Нет, Владимир не ушел к молодой однокурснице. Он поступил мудрее и хитрее. Как? Доподлинно неизвестно. По крайней мере, результат преддипломной практики Владимира Дорошенко в «Комсомольской правде» оказался неожиданным даже для преподавателей университета. После защиты диплома Владимир Дорошенко был назначен собственным корреспондентом «Комсомольской правды» по Томской области. Факт крайне редкий. Подобного успеха достигали лишь самые одаренные студенты-очники. Успех Владимира объясняли по-разному. Говорили, что (за достоверность не ручаюсь, хотя, зная хорошо характер, вполне могло быть) в период практики близко сошелся с од-

ной из ведущих сотрудниц «Комсомолки» (старой девой), к которой воспылал страстью, объяснился в любви, предложил руку и сердце. Москвичка поверила в серьезность намерений провинциала лишь после того, как Владимир развелся с женой, то есть расстался со Светланой. Иначе говоря, карьеру, а она была смыслом его жизни, сделал через постель, через женщину, потерявшую всякую надежду обрести мужа.

Что ж, все выстраивают карьеру, как могут и чем могут: одни – верхней частью туловища, другие – нижней.

Светлана, насколько мне известно, больше не вышла замуж, и долгое время работала преподавателем в университете. Где она сейчас? Не знаю. Не интересовался.

Чувствую ли себя начальником на новом месте? Нет, конечно. Как и в прежней редакции, мотаюсь по району в поисках фактов для своих будущих выступлений в газете. Машина в редакции одна, поэтому обычно группируемся и отправляемся по несколько человек. Стараемся за один день побывать в нескольких поселках. Очень часто пользуюсь попутным транспортом. Узнаю, например, что едет в поселок Староуткинск на своей машине один из секретарей райкома КПСС. Едет один. Напрашиваюсь в попутчики. Первый секретарь Василий Сюкосев иногда отказывает мне, второй и третий секретари – берут охотно такого «*пассажира*». Председатель районного комитета народного контроля Сергей Соловьев сам зачастую звонит и предлагает «*прошвырнуться с ним по району*».

Поездки на попутных машинах имеют свои плюсы и минусы для газетчика. Один из плюсов: невольно становишься очевидцем какого-то события, приготовленного для начальства и не предназначенного для постороннего глаза. Главный минус: постоянно на привязи, потому что хозяин машины может в любой момент сняться с места и уехать, не дожидаясь, когда закончу свою работу. Со мной, правда, подобного казуса не было, а вот с другими… Понимая полную свою зависимость, старался постоянно быть поблизости.

Район мало населен, но территориально – велик. С крайней на востоке точки (поселок Сабик, где размещается лесопункт Саргинского леспромхоза) и до границы с Пермской областью на западе (село Роща, где находится центральная усадьба одного из колхозов) более ста километров. Куда-то можно попасть по железной дороге, на электричке. Но в большинстве случаев – надежда лишь на вездеход «УАЗик». Впрочем, и он не всегда выручает. Чтобы попасть на земли колхоза «Луч», приходится оставлять машину на левом берегу реки Сылва и переправляться на тот берег на вихляющей лодчонке.

Так что потери рабочего времени во время таких командировок велики. И потому старался максимально набираться свежего фактического материала.

Одним словом, в обычной ситуации был, по сути, самым обычным корреспондентом и строк в каждый номер выдавал ничуть не меньше любого. Единственная привилегия: у за-

местителя редактора был, хоть и крошечный, но отдельный кабинетик. Хотя… Мой кабинет редко когда пустовал: его облюбовали курильщики, набившись, дымили по-черному и болтали. Почему у меня все собирались? Не знаю. Предположительно, из-за благожелательной атмосферы, возможности свободно общаться. К этим постоянным сборищам ревниво относился редактор Михаил Кустов: его кабинет почему-то старались обходить стороной, хотя он всем роднее. Потому что, как и они, из доморощенных.

Большая часть коллектива приняла меня нормально. А редактор? Тоже (по крайней мере, внешне) хорошо. Но некая настороженность чувствовалась. Наверное, опасался конкурентности. Сразу попробовал успокоить, чтобы тот не слишком беспокоился за свое редакторское кресло. Рассказал, из-за чего уехал из Верхотурья, поменяв, по большому счету, шило на мыло. Удалось ли убедить, что по головам людей не ходил и не собираюсь ходить? Поверил ли, что в данном случае нечего ему страшиться? Сомневаюсь.

Серьезных конфликтов с редактором у меня не было, как, впрочем, и с другими сотрудниками редакции. Нравы, царившие здесь, ничем не отличались от прежних. Разве что в деталях. В прежней редакции, например, увлекались игрой на бильярде, где стук шаров перемежался со звоном наполненных до краев стаканов; в нынешней – разворачивались настоящие шахматные баталии, где бесспорным лидером и авторитетом был Михаил Кустов. К концу рабоче-

го дня к редакции подтягивались и другие игроки райцентра. Это были очень сильные шахматисты (с моей точки зрения, конечно), которые со мной отказывались играть, считая для себя недостойным баловством. Уж больно слабо играл! Впрочем, и у меня находился партнер – шофер Борис Косинов. Мы играли с переменным успехом. Очень часто сидел и смотрел, как играли мастера. Смотрел с любопытством, но научиться чему-либо, что-то перенять из их опыта не удавалось. Решил, что не судьба. В шахматах как был, так и остался дилетантом.

В этой редакции также пили. В пьянках участвовал и редактор, поклонявшийся дарам Бахуса. Однако больше всех злоупотреблял спиртным Дмитрий Лаврентьев, у которого случались затяжные запои. Дмитрий – интересный человек, когда не пьет. Увлеченно занимался собиранием личной библиотеки. Много читал. Гордился уникальной для провинции коллекцией изданий, посвященных Пушкину. Дмитрий, казалось мне, знал о национальном поэте буквально все. Его увлеченные рассказы готов был слушать сутками.

Однако… Начинался запой и Дмитрий Лаврентьев становился противным до омерзения. Он буквально терял человеческое достоинство, превращаясь в свинью. Прошу прощения за резкость, но, сказав иначе, погрешу против истины. В пору запоя, когда денег не было на очередную чекушку, а пылающая огнем душа требовала, когда никто уже не давал ему в долг, брал из библиотеки прекрасные свои книги

и предлагал купить всем. Ни разу не воспользовался такими благоприятными ситуациями, чтобы пополнить личную библиотеку редкой книгой. Другие, ничего, брали, причем, за полцены. Потом, когда запой заканчивался, Дмитрий пытался вернуть назад свои книги, но это ему не удавалось: что с воза упало, то – пропало.

Было у журналистов и еще одно отличительное хобби – рыбалка. Особенной страстью отличался опять же Михаил Кустов, редактор – истинный знаток рыбьих повадок. Брал на рыбалку и меня. Рыбачил и раньше, но в Шале, благодаря Кустову, пристрастился по-настоящему, хотя опять же, как и в шахматах, больших высот не достиг. Кустов меня обставлял: стоя рядом, он мог поймать два десятка рыб, а я всего одну. Особенно восхитился, когда поехали на глухую таежную речушку Рубленку, находящуюся в сорока километрах от Шали. Выехали на два дня. Глухомань – невероятная. Воздух – чистейший. Природа – красивейшая. Но хариусы, за которыми поехали, – того лучше. Какая вечером получилась уха из хариусов! Деликатес!

В те места, где водились хариусы, – попасть трудно: полное бездорожье. Поэтому чаще всего выезжали на многочисленные пруды района. Возвращались с разными уловами: у редактора – полон ящик лещей, у меня – пара-тройка подлещиков да с десяток чебачков. Зато получал ни с чем несравнимое удовольствие. Бесподобный отдых. Его до такой степени полюбил, что на берегах позднее проводил каж-

дый отпуск.

Утверждаю: Шалинский район – это, поистине, Уральская Швейцария! Обидно, что не находятся предприимчивые люди и не строят в тех экологически идеальных местах зоны цивилизованного отдыха. Есть, правда, дом отдыха в районе поселка Коуровка, но это не то, совсем не то. Коуровка всего в тридцати километрах от грязной Ревды и не менее опасного (в смысле экологии) Первоуральска. Говорить о чистоте реки Чусовая, на берегу которой стоят корпуса дома отдыха, язык не поворачивается. Шалинские же места намного дальше и защищены, как с запада, так и с востока, на десятки километров зеленым поясом тайги; там чистейшие реки и пруды. Словом, заповедные все еще места.

Летом и осенью – мы объявляли «*тихую охоту*». Не знаю, где еще так много малинников и такие урожаи грибов. Никогда не забуду, как однажды нас (меня и Дмитрия Лаврентьева) мастер типографии Валерий Козлов на своем мотоцикле забросил в район мелководной речушки Сарга и там оставил. Мы вброд (воды-то по щиколотки) перебрались на правый, более крутой берег, сплошь покрытый молодым соснячком. Трудно поверить, но мы всего за два часа нарезали крохотных-крохотных маслят (крупные не брали) по три ведерных корзины. Могли бы и больше, но пустой тары не было. К тому же возвращались назад пешком, через лес. Между прочим, грибная полянка, на которой охотились, не превышала двухсот квадратных метров. Такого обилия маслят мне боль-

ше не доводилось видеть. Потом стал очевидцем другого чуда. Как-то раз Кустов после обеда исчез из редакции. Вместе с нашей машиной, естественно. К семи вечера приехали. Борис Косинов, водитель, открыл салон машины. Я охнул. И было от чего. Машина была забита доверху грибами, причем, только белыми. Ведер тридцать – не меньше! Походит на сказку, но ее видел своими глазами.

Вспоминаю забавный случай.

Мне позвонил заведующий отделом информации газеты «Уральский рабочий» Николай Кодратов[3]. Он попросил передать стенографистке «*что-нибудь интересненькое для четвертой полосы воскресного номера*». Передал. Заметку, рассказывающую о сказочных урожаях ягод и грибов в шалинских лесах, тут же опубликовали. Через неделю электрички, следующие из Свердловска до Шали, были атакованы тысячами горожан. По словам железнодорожников, такого количества грибников и ягодников они не видели никогда. Кстати, уезжали все с полными корзинами.

Другой эпизод. Опять же по просьбе передал в «Уральский рабочий» о свершившемся чуде на берегу прудика, что рядом с путями станции Шаля. Речь в заметке шла о том, что местный рыбак вытянул из этого ничем не примечательного прудика[4] небывалого леща – на шесть килограммов. За-

---

[3] Тот самый человек, который дал мне рекомендацию для вступления в члены Союза журналистов СССР.

[4] Искусственно созданный водоем использовался для заправки паровозов.

ядлые рыбаки знают, что это за удача. Поэтому через неделю из Свердловска высадился многотысячный десант рыбаков-любителей, охваченных азартом удачи. Они буквально усеяли берега. Конечно, всем им так крупно не повезло, но без улова никто не вернулся домой.

К своему огорчению, меня лишь природа радовала по-настоящему. Конечно, делал свое дело и неплохо, как мне казалось, но без энтузиазма. Темы, закрепленные за мной, как за человеком, отвечающим за отдел партийной жизни, не вдохновляли на творчество. Сухомятина и ничего живого. Не развернешься, поскольку одни ограничения. Надоели до чертиков, оскомину набили обязательные отчеты с партийных или комсомольских отчетно-выборных собраний. Старался придать и этим материалам некую публицистичность, освежить, придумать иную форму передачи информации. Трудно приходилось.

Проблема и здесь вновь встала передо мной во весь рост, проблема повышения профессионального мастерства. У коллег – ничему не научишься: их уровень примерно равен моему. А так хотел расти и двигаться вперед! На пути появились вновь преграды, на преодоление которых понадобились значительные усилия.

Никита Сергеевич Хрущев, очередной партийный вождь, прославился тем, что разоблачил культ личности Сталина. Однако черед десяток лет пребывания на вершине власти позволил окружению создать собственный культ, а по числу золотых звезд предшественника оставил позади.

Заместитель редактора районной газеты со звучным названием "Путь к коммунизму" Геннадий Мурзин осваивает шалинские весьма скудные земли. Лето 1971 года.

Шаля, 1971 год. Заместитель редактора газеты «Путь к коммунизму» Г. И. Мурзин усердно правит рукопись.

Шаля, 1972 год. Корифеи шахмат (слева редактор М. Кустов, а справа полковник-кавалерист в отставке Михаил Морозов) сошлись в поединке. Офицер разъясняет единственному болельщику, насколько важен сделанный им ход. Что остается болельщику? Слушать и внимать.

Царёк и его стеклянный взор

Работая, так сказать, ни шатко, ни валко, умудрился все-таки нажить врагов среди партийной верхушки. Пришелся, короче, не ко двору. Особенно невзлюбил человек с рыбьим (холодным и ничего не выражающим) взглядом, местный царёк, то есть Василий Сюкосев, первый секретарь райкома КПСС.

Сначала неприязнь была внутри, тихая. Но тут я в костерок подлил масла. Не специально. Впрочем, со мной везде и всегда что-то «*неспециальное*» происходит, и к этому начинаю привыкать. Что именно на этот раз? Вынес сор из избы, что по провинциальным меркам никак не меньше оценивается, как коварство, как деяние непотребное и несовместимое с местечковыми нравами.

Вот что произошло. Произошло, собственно, не одно деяние, а два, поочередно.

Как-то раз опубликовал в своей газете статью, в основу которой положил факты, прозвучавшие на одном из заседаний районного комитета народного контроля. Острая получилась статья, в которой назвал всех виновных в злоупотреблениях служебным положением. Не пощадил никого. Прочитали ее власти, поморщились, но примирились. Через неделю в Шалю приехал заместитель председателя областного комитета народного контроля, которому на глаза

попалась моя статья (возможно, кто-то специально подсунул). Статья настолько пришлась по душе гостю из центра, что он, вернувшись в Свердловск, позвонил заместителю редактора «Уральского рабочего» Сергею Корепанову (он же и заведующий отделом партийной жизни) и порекомендовал мою статью перепечатать в областной газете, поскольку, по его словам, публикация имеет принципиальное значение для всей области.

Мне позвонила стенографистка и сказала, чтобы продиктовал полностью статью. Артачиться не стал: идея не моя и почему должен демонстрировать свою щепетильность? Замечу для ясности: не имел привычки публиковать один и тот же материал в разных газетах. Считал халтурой. А другие провинциальные журналисты? Не гнушались

Уже на другой день (видимо, досылом) в «Уральском рабочем» подвалом стояла на второй полосе моя статья.

Мне, как автору, приятно. Но каково местным начальникам? Ведь это же удар и по ним. И кто так больно, попредательски ужалил? Тот, кого они пригрели за пазухой. Не на шутку озлилась партийная верхушка. И затаилась, пылая жаждой мщения. Почему не сразу стала действовать? А нельзя: инициатива появления статьи в областной газете принадлежит не мне, а областному руководителю контрольного органа.

Проходит какое-то время и еле тлеющий огонь мести раздуваю до невероятного. Причем, исключительно по своей

инициативе.

Редактору Кустову позвонили из Свердловского обкома КПСС и сказали, что в редакции «Уральского рабочего» ведущие газетчики районных газет проходят трехнедельную стажировку. Зачем? Чтобы опыта набраться. Предложили одно место и Шалинской районной газете. А поскольку стажировка обкомом в данном случае предполагалась на базе отдела партийной жизни, то, соответственно, и кандидатура могла возникнуть одна – моя.

Мне сообщили, чтобы предварительно связался с заместителем редактора Сергеем Корепановым. Звоню. Сергей уточняет, когда именно прибуду? Сообщаю: в ближайший понедельник, утром. Говорит: необходимо знать, чтобы забронировать место в гостинице. Спрашиваю: действительно ли стажироваться буду в его отделе? Корепанов подтверждает и добавляет: желательно, чтобы приехал уже с готовой корреспонденцией; чтобы время, отпущенное на стажировку, не тратилось впустую, необходимо иметь то, над чем бы я и мой куратор смогли сразу начать работать. Тема? На мой выбор и вкус. Но Корепанов предупреждает об одном: тема не местечковая, а такая, которая бы представляла интерес для области. Положительные факты или критика? Как сочту нужным, но предпочтительнее, если в корреспонденции будет содержаться анализ и конструктивная критика. Объем? Не более четырех машинописных страниц.

До начала стажировки оставалось четыре дня, включая

субботу и воскресенье. И сразу же засел за подготовку домашнего задания. Сидел вечерами и упорно работал над корреспонденцией. Прекрасно понимал, что такое газета «Уральский рабочий», и до какой степени высок уровень ее публикаций. Знал и то, что над серьезной публикацией журналист этой газеты работает, как минимум, две недели, но никак не четыре дня. Да, мог пойти по пути наименьшего сопротивления: представить корреспонденцию, уже опубликованную в районной газете, поправив слегка, кое-что углубив, уточнив факты, обновив события, убрав водичку, которая неизбежна в условиях гонки за строками.

Решил все-таки делать корреспонденцию заново, используя факты, уже известные мне, но которые не публиковались в своей газете, поскольку редактор (из-за остроты) все равно бы вычеркнул. Иначе говоря, знал о реалиях местной внутрипартийной жизни значительно больше, чем мог сообщить местному читателю. Газета «Уральский рабочий» выше рангом и смелее в критике, поэтому, посчитал, должен воспользоваться ранее неприкосновенным информационным запасом. Так сказать, что позволено Юпитеру, то не позволено быку.

Накануне выезда в командировку корреспонденция была готова. Перечитав в последний раз, удовлетворенно хмыкнул: самому понравилась своей остротой, тем, что критика была адресной. Позаботился и о кураторе: чтобы ему легче работалось над моей корреспонденцией, рукопись отпечатал

на пишущей машинке.

И во всеоружии заявился к Сергею Корепанову. Это был, напомню, понедельник, а понедельник на Руси, как водится, – день тяжелый вообще, в частности же – тем более[5]. Корепанов чувствовал себя плохо и потому был крайне неразговорчив. Если бы мы были ближе знакомы, то предложил бы заместителю редактора вместе сбегать в буфет ближайшего ресторана, чтобы чуть-чуть подлечиться. Возможно, сия инициатива мне бы облегчила стажировку, и с начальством контакт установился бы более дружеский. Но…

Корепанов бегло, так сказать, по диагонали пробежал по моей корреспонденции, молча встал и отвел в просторный кабинет, где находилось трое: корреспонденты отдела партийной жизни Владимир Денисов и Александр Шарапов, а также стажер (фамилию не запомнил и потом больше не встречался), кажется, из Талицы, у которого стажировка заканчивалась. Показал на старенький пустующий стол:

– Твое рабочее место… – И многозначительно добавил. – Пока на три недели.

На слово «*пока*» сразу не обратил никакого внимания. А следовало бы. Потом буду кусать локти, да уже поздно.

Одно пояснение. Повышение профессионального мастерства журналистов низового звена – это идея и инициатива Свердловского обкома КПСС. Отличная, скажу, идея! Но для «Уральского рабочего» всего лишь обуза, обычная

---

[5] Прошу прощения, что об этом системном явлении упоминаю слишком часто.

партийная обязаловка. Но даже из этого редакция хотела иметь для себя пользу.

Какую? Редакция получала возможность лучше узнать провинциальные кадры, присмотреться и, возможно, кого-то пригласить к себе, в штат. Особенно кадровый дефицит (и это притом, что университет находился через дорогу, выпускавший ежегодно 75 профессионально подготовленных журналистов) испытывал отдел партийной жизни, куда неохотно шли выпускники, поскольку им не нравилась ежедневная сухомятина. К тому же специфика этого отдела такова, что не каждый мог быть допущен к документам и фактам внутрипартийной жизни, то есть журналист, курирующий такую тематику, должен быть, по меньшей мере, членом КПСС, а того лучше – с практикой общественной работы. Выходец со студенческой аудитории, естественно, этого не имел и иметь не мог. Поэтому Сергей Корепанов искал свою выгоду в стажировке: он мечтал найти и отобрать подходящего человека для своего отдела.

Замечу еще: талантливых журналистов, работающих на ниве партийной тематики, даже в той большой стране, даже в центральных газетах – находились единицы: чтобы перечислить, пальцев одной руки хватило бы. Неблагодарное это было занятие. Одно слово: сухомятина, обставленная со всех сторон параграфами Устава КПСС и инструктивными указаниями ЦК, где существовала еще одна цензура, соответственно, еще один цензурный комитет – идеоло-

гический отдел. Ни шагу влево, ни шагу вправо. Прокрустово ложе.

Когда ушел Корепанов, Владимир Денисов, по-свойски хлопнув меня по плечу, сказал:

– Присаживайся, старик… Одну минуту… – Он держал в руке машинописный лист. – Сбегаю в секретариат, сдам информацию. Вернусь и займусь… У тебя что-то есть? – Кивнул. – Ну, и отлично, старик.

Вернулся Владимир через пару минут. Перед ним на столе уже лежало мое «*домашнее задание*». Он начал читать. Читать крайне внимательно и медленно. Трепетно следил за ним, всякий раз напрягаясь, замирая, когда в руке появлялась ручка, и он что-то жирно подчеркивал или на полях ставил жирный вопросительный знак.

К концу его чтения моя рукопись выглядела крайне неприглядно. А еще вчера вечером мне казалось, что сотворил не меньше, как шедевр публицистики, что в «Уральском рабочем», прочитав, охнут в изумлении и тотчас же потащат в секретариат, где скажут: получите украшение очередного номера. В секретариате, как будто только того и ждали, обеими руками ухватят «*украшение*», отправят в наборный цех типографии, чтобы завтра очутился у читателей.

Когда Владимир отложил в сторону ручку, отодвинул в мою сторону рукопись и поднял на меня глаза, то, скорее всего, увидел унылое и обреченное лицо стажера.

– Ну, старик, что могу сказать? Фактура – отличная и коп-

нул глубоко. Но этого мало. Надо, короче говоря, тебе поработать еще над корреспонденцией, особенно над отмеченными мною местами. – Уныло кивнул. – Подумай пока… Я тут сбегаю по срочному делу. Вернусь, и предметно поговорим, обсудим каждое мое замечание. Идет?

Снова кивнул, ибо выбора у меня не было. Зачем приехал? Учиться. Вот и…

Денисов убежал. А я, спросив у Шарапова разрешения, сел за пишущую машинку, решив, обдумывая и устраняя огрехи, заново отпечатать материал. Как-никак, полагал, грязи на страницах будет меньше.

Куратор вернулся только после обеда. К его приходу у него на столе лежал обновленный вариант корреспонденции. Снова прочитал. Покрутил головой.

– Оперативно работаешь, старик, и плодотворно. – Мне показалось, что куратор иронизирует. – Хотя и не говорил тебе ничего, но ты уловил суть замечаний и сам устранил. Но, вижу, не все? Не согласен? – Кивнул. – Что ж, пойдем по порядку и откроем дискуссию. Построим работу так: излагаю смысл отвергнутого тобою замечания, ты – парируешь, стараешься переубедить. Если твои аргументы окажутся весомее моих, то свое замечание сниму. Согласен?

И началась между нами жаркая дискуссия. Совсем не собирался без боя отступать перед куратором, который (с точки зрения журналистского мастерства) на три головы выше меня. Спор закончился с равным счетом. Ничья: половину

замечаний куратор снял, следовательно, мне удалось его убедить в своей правоте; с другой половиной мне пришлось смириться, поскольку весомых аргументов в защиту своей позиции не смог привести и ничего другого у меня не оставалось, как согласиться с куратором. Вечером, уходя домой, куратор мимоходом проворчал:

– Какой принципиальный стажер мне достался: бился до конца.

Впервые за весь день улыбнулся.

– Скорее, вредный, чем принципиальный. – Ответил и рассмеялся.

Уже в дверях Денисов хмыкнул.

– Всем бы твою вредность.

Куратор ушел. А я остался. Решил сейчас же поработать над оставшимися замечаниями и в третий раз перепечатать на машинке весь текст, чтобы утром следующего дня у него на столе была окончательно доработанная корреспонденция, чтобы не было и следа нашего отчаянного сегодняшнего спора.

Вторник. Утро. Половина девятого. В отделе – никого, но я уже на месте. Жду куратора. Появился тот в половине десятого. Взглянул на материал.

– Уже?.. Когда?..

– Вчера… вечером.

– Да ты, старик, к тому же и труженик?

– Иронизируешь? – Договорились, что будем на «ты».

– Да ты что?! Совершенно серьезно говорю. Не ты первый наш стажер, но такой прыти ни от кого не видел.

– Хорошо это или плохо?

– Еще спрашиваешь, мерзавец!? – Он встал, взял материал и вышел из-за стола. – Пошли.

– Куда, не скажешь?

– К шефу.

– Непосредственному или самому главному?

– Вон, куда метишь? Не широко ли шагаешь? Штаны не порви… Ишь, чего захотел: сразу и к «самому главному»? Думаешь, ждет тебя?

– Почему бы и нет? – Я рассмеялся.

И вот мы у шефа. Корепанов прочитал корреспонденцию и скупо заметил:

– Прилично.

Денисов, ухмыляясь, уточнил:

– В машбюро, что ли?

– Разумеется… Идите… Некогда… Дежурю по номеру.

Через час передо мной лежал профессионально отпечатанный оригинал корреспонденции. Прочитал и удовлетворенно хмыкнул: ни одной опечатки. Печать четкая и аккуратная. Смотреть приятно. Читать – тем более. Совсем не то, что выходит из рук нашей районной машинистки.

И тут, оказалось, возникла проблема… Проблема подписи под корреспонденцией. В моем варианте просто: «Г. МУРЗИН».

Куратор заметил:

– Так не пойдет. – Увидев мой вопрошающий взгляд, уточнил. – У нас – не принято. Даже мои материалы, видел, как подписаны?

– Видел.

Все крупные его материалы подписывались так: «*В. ДЕНИСОВ, специальный корреспондент*».

Предложил сделать такую подпись: «*Г. МУРЗИН, заместитель редактора газеты «Путь к коммунизму*».

– Не пойдет. – Отверг Денисов мой вариант.

– Почему?

– Вещь, старик, слишком острая. Материал писался разве не для нас, не по нашему ли заданию? Работа шла над ним не в стенах нашей редакции? К тому же, – куратор на несколько секунд задумался и спросил, – разве не боишься последствий?

Не сразу понял вопрос:

– Про какие «*последствия*» говоришь?

– Тебе же возвращаться и там жить. Корреспонденция, по твоей милости, получилась такой, что… Местные бароны могут сильно огорчиться.

– А… – Махнул рукой. – Это – ерунда… На обидчивых воду возят. Подуются да перестанут. И партия учит: даже горькая правда лучше сладкой лжи.

Денисов расхохотался.

– До чего ж наивный и непосредственный человек!.. Впро-

чем, вернемся к проблеме…

Решил сыронизировать.

– Нам бы ваши проблемы. – Сказал и спросил. – А что ты сам думаешь?

– Я? Ну, думаю, что наилучшим вариантом была бы такая подпись: «*Г. МУРЗИН, наш специальный корреспондент*». Точнее, понятнее и безопаснее для тебя.

Изумившись, посмотрел куратору в глаза.

– Как же можно?!

– Что именно?

– Как можно ставить на одну доску тебя и меня?!

– Почему нет?

– Я – стажер всего лишь, а ты штатный ведущий журналист областной партийной газеты.

– Ты, старик, тут ошибаешься. Под словами «*наш специальный корреспондент*» совсем не подразумевается, что автор – обязательно штатный сотрудник редакции.

– Как это?

– Смысл этих слов в другом, а именно: автор выполнил специальное задание редакции и им может быть любой внештатный автор.

В конце концов, сошлись на том, что куратор будет предлагать свой вариант, а там – как получится. Напрочь и сразу исключил вариант использования псевдонима, хотя к этому куратор склонялся.

Через три дня моя корреспонденция увидела свет. Ва-

риант подписи был принят не мой, не куратора, а третий. По материалом стояло: «*Г. МУРЗИН, наш внештатный корреспондент*». Компромисс был найден. Кем найден? Не знаю. По слухам, дошедшим до меня, Иван Гагарин, редактор, высказывался за то, чтобы оградить автора от возможной мести и выпустить корреспонденцию под псевдонимом. Но ему сказали, что автор категорически против этого варианта.

Вот так в Шале разорвалась бомба. Продолжал стажировку, а тем временем в райкоме КПСС стоял сплошной гул злобных голосов. Узнаю об этом лишь по возвращении. А пока…

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Орган Свердловского обкома Коммунистической партии Советского Союза и Свердловского областного Совета депутатов трудящихся

Суббота, 22 марта 1975 года | Газета основана в 1907 году | № 44 (18843) | Цена 2 коп.

Ремонтная „липа“

ЯНВАРЬ 1975 года. Это были очень счастливые дни у руководителей Шалинского районного объединения «Сельхозтехника». Еще бы! Ведь возглавляемый ими коллектив стал победителем соревнования за четвертый квартал 1974 года среди родственных предприятий области. Приятная, что я говорить, победа. На торжествах, состоявшихся по поводу этого события, было сказано немало лестных слов по адресу начальника объединения В. Черникова, главного инженера К. Калинина, заведующего мастерскими И. Самодурова и других.

Не смолкали аплодисменты, канули в лету парадные речи, эмоции по случаю торжества стали успокаиваться. И вот в «Уральский рабочий» летит письмо о том, что районное объединение никак нельзя считать передовым, что цифры выполнения плана подтасованы.

Редакция газеты обратилась за разъяснениями к руководителям областного объединения «Сельхозтехника», те направили в Шалинский район инженера отдела ремонта Н. Ярушина. Неизвестно, как он проверял, но убыл восвояси с выводом: факты, приводимые в письме, не соответствуют действительности, клеветник какой-то возводит напраслину на честных руководителей.

Применено также же письмо пришло и в адрес районного комитета народного контроля. Специально созданная комиссия работала несколько дней. И что же? Ее выводы прямо противоположны тем, ревизорским. А именно: написанное ранее в основном соответствует действительности.

Факты? Вот некоторые из них. Трактор Т-74, принадлежащий Шамарскому строительно-монтажному управлению, теоретически был на текущем ремонте в мастерских «Сельхозтехники». На него имеются следующие документы: отношение на ремонт от 16 августа 1974 года, доверенность № 398 на сдачу трактора в ремонт, выданная на имя А. Шамарина, оформление приемо-сдаточного акта № 63, дефектная ведомость на получение деталей для ремонта, акт на сумму 303 рубля, доверенность на согласование сметной стоимости текущего ремонта, доверенность на получение уже готового, отремонтированного трактора, акт приемки его из ремонта.

Но, как выяснилось, этот длинный перечень официальных бумаг, могло говорить, обманывает «липа». Ремонта не было и в помине. Трактор Т-74, действительно, ремонтировался, но не в мастерских «Сельхозтехники», а в мастерских Шамарского СМУ своими силами.

Возразите, могут возразить вам, но ведь он с того, на с чего так много жалоб появится? Оказывается, может. Вот известно, что с запасными частями бывает трудно. А Шалинское районное объединение «Сельхозтехника» не получает централизованно. Так вот, руководителя учреждения СМУ обратились к руководителям этого объединения с просьбой помочь с запчастями, ремонт тракторов, мол, и сами сделают не хуже. Короче говоря, «заказчик» перестал определять стоимость объединению, лишь за ремонт тракторов, а обмен на это «подарочные» крупные запчасти. Чтобы никто не подозревал, были составлены все выдуманные документы.

Подобным образом «отремонтировано» работниками «Сельхозтехники» в прошлом году, как установлено, одиннадцать тракторов, три в третьем квартале и восемь в четвертом. По статистическим данным, план 1974 года предприятие выполнило на 109,5 процента, а фактически, монтаж произведенные тракторы, всего лишь на 97,8 процента.

Уменьшилось, что в третьем квартале 1974 года было принято три трактора, благодаря чему план был выполнен на сто процентов. И за это только инженерно-технические работники получили вознаграждение, каждый более двух тысяч рублей. Так что трудно по согласию многих доказывать обманщиков щедро.

С наступлением нового, 1975 года хищения с ремонта тракторов не утихли и историки. Приняться и отремонтировать продолжались. Установлено, что в январе и феврале «отремонтировано» названным способом четыре трактора.

Весьма любопытная такая деталь. Во время проверки главный инженер объединения К. Калинин, заведующий мастерскими И. Самодуров, инструктор ОПК В. Вирский признали факт приемки, но оговаривали «по благородным побуждениям». Родные, мол, это, дескать, делали. Рабочие получили взыскания, и кому, мол, уменьшилась текучесть кадров. Про свои грехи они, конечно, скромно умолчали.

Чтобы закончить рассказ с любителем «липовых», об их новых формах и методах работы по успешному выполнению и перевыполнению плана, остается добавить, что у руководителей районного объединения «Сельхозтехника» давно любовь к приписам и очковтирательству. Возьмем 1971 год. Тогда в районе было принято пять восстановленных тракторов. Районный комитет народного контроля указал руководителям объединения на недопустимость подобных действий. Но они отмахнулись от замечания. Посчитали, что народный контроль им не указ. В отмахивании, в конечном счете, оказался не на высоте долго дело до конца.

Интересно, как поведут себя руководители объединения теперь?

Г. МУРЗИН,
член Шалинского районного комитета народного контроля.

Это именно та самая скандальная статья, которая была (по инициативе областного комитета народного контроля) срочно передана по телефонуи уже на другой день появилась в свежем номере.

Чертовски полезна была стажировка

Стажируюсь. И мне поручают подготовить к печати несколько заметок внештатных авторов. С ними все обошлось проще. Кстати, на пятничной летучке «Уральского рабочего» обозреватель мою корреспонденцию в качестве лучшей предложил вывесить на специальном стенде. Возражений ни у кого не было, в том числе и у самого главного шефа, то есть Гагарина[6]. Впереди – еще две недели, но я свой план уже выполнил. Заговорил о сверхплановой работе. Куратор посмотрел на меня, хмыкнул и предложил подумать над темой. Он сказал:

– Если темой заинтересуешь Корепанова, то тебе обеспечена командировка для сбора фактов. Попробуй. Может, что-то и получится.

Стал думать. И тема родилась, как мне показалось, новая даже для областной газеты. Должен задаться вопросом: что такое горком (райком) КПСС и попытаться ответить на него. Конечно, ответ, кажется, на поверхности, поэтому сама постановка вопроса сначала выглядит наивной. Но, на самом-то деле, все не так просто, как кажется.

К тому времени в среде партийных работников прочно укоренился стереотип: райком – это мы, то есть аппарат.

---

[6] Однофамилец писателя Станислава Гагарина.

Но это в корне неверно и противоречит Уставу КПСС. Райком КПСС (и это должен буду показать в будущей статье) вовсе не аппарат, а те члены райкома, которые избираются каждые два года на отчетно-выборных конференциях, роль которых пока сводится лишь к участию в работе пленумов в качестве статистов, людей, которые слепо зачастую поднимают руки, голосуя, за любое решение, родившееся в недрах аппарата. Да, среди членов райкома неизбежно присутствуют представители аппарата (скажем, те же секретари райкома, избираемые на пленумах, некоторые заведующие отделами), но далеко не все из них. Должен задаться вопросом: а чем заняты члены райкома, не являющиеся штатными партийными или хозяйственными работниками? И ответить. Знаю проблему, знаком с практикой, поэтому в моей голове готов и ответ: чаще всего, такие члены райкома, так сказать, «*рядовые*» (термин укоренился, но, по сути, неверный, потому что все члены райкома в своих правах и обязанностях, согласно Уставу КПСС, равны) не привлекаются к работе, оказываются без конкретных поручений, многих из них даже не привлекают к работе комиссий по подготовке вопросов для обсуждения на пленумах и заседаниях бюро. Проще говоря, райком, состоящий из членов райкома, числится лишь на бумаге. Работают аппаратчики, члены же самого выборного органа остаются весь выборный срок в тени, в пассиве. Это ли не противоречие внутрипартийной жизни?

О теме подробно рассказываю Корепанову. Он выслушал

и тут же принял решение: отправить в командировку. Он уже понял, что могу привезти из командировки (бомбу помощнее, чем домашнее задание), поэтому благоразумно ограничил мои возможности; хотел поехать в Каменск-Уральский, где крупная городская партийная организация, но Корепанов решил иначе, определив другой адрес, – Новая Ляля и тамошний райком КПСС. Районная парторганизация небольшая и вполне сгодится для столь смелой статьи. Корепанов, видимо, ничуть не сомневался, что будет голая критика. Правда, перед моей отправкой напутствовал: взгляд, мол, должен быть объективным, не зашоренным; если, мол, найду (пусть крохи) положительного, то должен не пройти мимо. Видел по глазам, что он сам не верит своим словам.

И вот еду. В след летит телеграмма обкома. В ней сообщается, что прибудет корреспондент «Уральского рабочего» и указывается фамилия, тема командировки, срок пребывания в районе.

Приехал. Представился первому секретарю райкома КПСС. Изложил (в общих чертах, разумеется), что будет меня интересовать. Хозяин, выслушав, дал характеристику району, особо отметив, что состав райкома боевой, пригласил в кабинет секретарей, заведующих отделами, представил им меня; спросил, понадобится ли транспорт? Ответил утвердительно: намерен, сказал, хорошенько помотаться по району; райцентру – минимум времени, отдаленным селам и поселкам – максимум. Попросил хозяина дать необхо-

димые документы, в частности, полный список членов райкома, кандидатов в члены райкома, сведения на них, то есть анкетные данные, а также краткое описание степени активности каждого – с их точки зрения.

За десять дней (в стенах райкома меня больше не видели) побывал в самых удаленных уголках, встретился с каждым «*рядовым*» членом райкома: пытая их, хотел понять, какова их роль в жизни районной партийной организации, как непосредственно и лично выполняют основное свое партийное поручение. В первую очередь и наибольшее внимание уделил так называемым рядовым, то есть людям «от сохи», представителям рабочего класса и колхозного крестьянства, тем же токарям, шоферам, вальщикам леса, крановщикам, каменщикам, станочникам, дояркам, комбайнерам, полеводам. Старался вывести труженика на откровенный разговор. Однако человек чаще всего не знал, что отвечать на каверзные мои вопросы.

Например, передовой доярке района задаю вопрос: « *Что вы сделали конкретно за истекшие полтора года после конференции?*» Мнется. Пытается вспомнить. Наконец, говорит: «Участвовала в пленумах… один раз выступила». Спрашиваю: «И это все?» Женщина, член райкома, недоумевая, смотрит на меня и задает встречный вопрос: «А что еще я должна была сделать? Я – человек маленький. Председатель колхоза, вон, – другая статья: каждый день в райкоме ошивается. Он – грамотный. У меня – семь классов… Какой спрос?

Да и времени… В четыре утра встаю, иду на ферму и в девять вечера дома оказываюсь… Коровы… Их ведь не бросишь».

Все понимаю: доярке – недосуг. Но у меня в голове другое гнездится: зачем избирали, если изначально было ясно, что проку от такого «*члена*» не будет никакого? Для галочки, для соблюдения норм, установленных кем-то: в списке должна быть доярка – она есть, нужен для статистики токарь – извольте. Все внешние атрибуты, характеризующие качественный состав членов выборного партийного органа (КПСС – это же не просто партия, а партия рабочего класса, колхозного крестьянства), налицо. Не придерешься. Есть всё… на бумаге, а пользы никакой. Рядовые члены райкома – это неизбежный балласт, утяжеляющий партийный организм. Аппарат понимает: люди находятся в списке для улучшения статистики, а не для реального дела; нужны лишь как некий механизм, поднимающий руки за кем-то подготовленный проект постановления. И не более. И ничего, кроме представительской функции, от «*рядового*» ждать не надо. Да и никто не ждет.

Спрашиваю секретаря парткома одного из леспромхозов:

– Вальщика леса, – называю фамилию, – знаете?

– Ну, как же! Лучший рабочий, общественник, хороший семьянин.

– А когда, – спрашиваю, – вы приглашали «*лучшего семьянина*» на заседание парткома?

Партийный секретарь смотрит в потолок, пытаясь что-то

воскресить в голове.

– Не помню.

Прихожу на помощь.

– Ни разу. – Уточняю. И задаю тут же вопрос. – Скажите, сколько раз привлекали этого члена райкома к работе комиссий по подготовке вопросов для обсуждения на заседаниях парткома или пленумах райкома?

– Кажется… – Партийный секретарь чешет в затылке.

– Вам кажется, а я знаю: ни разу! Для чего, скажите, такой представитель выборного органа?

Партийный секретарь начинает нервничать.

– Ну и вопросы задаете… Полагается – вот и…

– Зачем полагается? – продолжаю лезть под кожу. – Для галочки в статотчете?

Задаю последний вопрос:

– У вашей парторганизации, наверняка, есть райкомовский куратор…

– Есть. – Секретарь парткома называет фамилию инструктора орготдела.

– И, конечно, бывает, в леспромхозе.

– Не слишком часто, но бывает.

– Встречался ли куратор, приезжая в парторганизацию, с вальщиком леса, членом райкома.

– Не могу сказать… Инструктор обычно появляется на часок, на ходу задаст мне пару вопросов и был таков.

Потом буду разговаривать с тем самым куратором. И он

без тени смущения скажет, что как-то не принято встречаться с членом райкома, вальщиком леса. Днем – тот в лесу…

– Почему бы не побывать на рабочем месте?

– Обычно – далеко, бездорожье, трудно добираться.

– Почему бы не дождаться и вечерком, у него дома, за чашкой чая не посидеть с членом райкома, не поговорить, не разузнать, что у него и как в жизни? Отчего бы и, заодно, не дать какое-то конкретное партийное задание?

Куратор ответил:

– Нет такой практики. Я, приехав, встречаюсь с директором леспромхоза, секретарем парткома, а до низов… Все как-то времени не хватает.

Потом в статье, конечно же, будет мною сделан акцент: в глазах аппарата член райкома, если он рабочий, – низы, а директор, даже если он не член райкома, – верхи. Со вторыми встречи неизбежны и необходимы, а на первых – нет времени, о них помнить необязательно.

Итак, командировка подходит к концу. Картина вырисовывается все отчетливее и выглядит безотрадно. Есть в составе райкома актив (это освобожденные секретари первичных парторганизаций и хозяйственные руководители) и налицо пассив (рабочие и колхозники, до которых никому нет дела) – явное расслоение по социальному статусу. Расслоение, как понимаю, не только неоправданное, а и политически вредное. Да и в Уставе КПСС ничего не сказано насчет сортности коммунистов.

Вечером уезжаю в Свердловск. Днем встретился с первым секретарем райкома, попрощался, дипломатично поблагодарил за оказанное содействие. По глазам хозяина кабинета понял, что того регулярно информировали, с кем встречался и какие вел разговоры. Попытался разведать у меня, к каким выводам пришел. Извинившись, напомнил, что я – не проверяющий инспектор, а журналист, поэтому в мою компетенцию не входит информирование об итогах командировки. На лице – беспокойство и разочарование.

Через полчаса, когда собирался покинуть здание райкома, в коридоре меня остановила молодая женщина. Окинув взглядом, понял: не из местных дам. Значит? Обкомовский куратор. Слышал, что в командировке находится инструктор орготдела (повезло, не правда ли?) Свердловского обкома КПСС. Поздоровавшись, женщина представилась. Также хотел представиться по всей форме, но она остановила.

– Знаю. – Потом спросила. – Уезжаете, да?

– Через несколько часов.

– И с какими впечатлениями покидаете район? – Осторожно поинтересовалась женщина.

Понял, что конкретно ее интересует. Насторожился. И было от чего: будущая моя статья, если появится в газете, – это и удар по куратору, поскольку работа с выборным активом (это и есть тема выступления) входит в круг непосредственных обязанностей работника орготдела обкома, который та представляет. Стал тщательно подбирать слова, отве-

чая на вопрос. Собственно, не выдал своих профессиональных секретов. Более того, притворившись простачком, развеял беспокойство партийного чиновника. Сказал, что впечатлений много. Какие они? Неоднозначные.

Инструктор спросила:

– Может, к каким-то выводам пришли?

– Да что вы! Мне надо разобраться с записями в блокноте, систематизировать факты, проанализировать и лишь потом можно делать какие-то выводы. Простите, – добавил, тяжело вздохнув, – но даже не уверен пока, что статья получится. В журналистике – не все так просто. К тому же тему взял неподъемную. Об этом даже журнал «Партийная жизнь», а там работают асы партийной публицистики, редко касается.

Женщина понимающе кивнула и ушла.

И вот я в «Уральском рабочем». Утром, столкнувшись со мной в коридоре, Сергей Корепанов спросил:

– Как съездил?

– Нормально.

– Что это значит? – Корепанов недовольно уставился мне в глаза. – Конкретизируй!

– Ну… Мне кажется, задуманная статья получится.

– Ладно. Садись и пиши, а там – посмотрим. – Корепанов побежал дальше, но остановился. – Кстати, инструктор обкома звонила мне. Волнуется. Хотела от меня что-либо услышать. Сказал, что сам еще ничего не знаю… А ты, – он под-

мигнул мне, – кажется, там шороху порядочного навел.

Стал возражать.

– Да… нет… Ничего особенного… Как обычно… Вел себя тихо… И даже в райкоме появился лишь дважды – в день приезда и в день отъезда.

– Вот это-то и насторожило… Правильно, что не разболтал… Их неведение – наш козырь.

Через два дня статья была готова. Перечитал и подумал, что не опубликуют, потому что партийные органы не любят, когда кто-то со стороны влезает в святая святых – во внутрипартийную работу.

Владимир Денисов, прочитав, покрутил головой.

– Смело… Глубоко… Факты убийственные… Хорошо поработал. И, чувствуется, рука неравнодушного человека писала. Но, – Денисов почесал в затылке, – что-то мне подсказывает: статья не увидит свет. Шеф, конечно, не из робких, однако… Статья такого рода требует другого мужества. Ты сам-то хоть понимаешь, что сделал?

– Понимаю. Материал с перцем…

– Ты, по сути, положил на обе лопатки райком КПСС в полном составе… Ладно бы какой-то отдел, а тут… А это уже большая политика.

Денисов унес статью, и больше рукопись не видел в глаза. Не знал, что там, за моей спиной творилось. Честно говоря, не сильно интересовался. Интуиция, правда, подсказывала: не все так уж плохо, а иначе рукопись давно бы вернулась,

совершив некий магический круг по редакции, назад.

Пятница. Раннее утро. Последний день моей стажировки. Вечером – уже буду дома. На сердце тревожно: как там меня встретят после того, как «*вынес сор из избы*»? В отделе – никого. Хожу по комнате из угла в угол. Иногда подхожу к окну и гляжу на проспект Ленина, где суетливо течет городская жизнь. За спиной с грохотом отворяется дверь. Оборачиваюсь: Сергей Корепанов. Он бросает на стол несколько экземпляров сегодняшнего номера «Уральского рабочего» и, ни слова не говоря, уходит. Лениво подхожу, смотрю пахнущую краской газету. Пробегаю первую полосу, потом по привычке – четвертую. И лишь потом разворачиваю. Упираюсь сразу на статью второй полосы, стоящую большим «чердаком». Читаю название: «*Член райкома*». Заголовок настолько кондовый, что недовольно хмыкаю. Интересно, задаюсь вопросом, кто автор сего дурацкого заголовка? Опускаюсь в конец статьи и не верю своим глазам. Там написано: «*Г. МУРЗИН, наш специальный корреспондент*». Прочитав, ахнул. Вернулся к началу и начал читать. Сразу замечаю: практически, никакого вмешательства со стороны. Ну, может, пару шероховатостей убрали да заголовок заменили. Замена неудачна, но… Что сделано, то сделано.

После обеда – традиционная летучка в редакции «Уральского рабочего». Тоже иду. Забиваюсь в уголок, чтобы не так бросаться в глаза корифеям областной журналистики, рядом с которыми сидеть-то страшно, а не только… Скосил глаз

на Ивана Гагарина, редактора. Перед ним, усекаю, свежий номер. Ну, в этом нет ничего особенного: то и раньше было.

Начинается летучка. Выступает дежурный обозреватель и вдруг начинает говорить…

– Пятничный номер порадовал. Порадовал тем, что отдел партийной жизни, наконец-таки, разродился, выдав замечательную статью.

Все, конечно же, понимают, о чем речь…

Гагарин прерывает обозревателя:

– А, кстати, где автор? Почему нет?

Корепанов довольно хихикнул:

– Да здесь автор, Иван Степанович. Вон, в уголок забился.

Встал. Гагарин бросил быстрый взгляд в мою сторону.

– Умница. – Покрывшись румянцем, не знал, куда себя деть. Стоял и не знал, можно мне присесть или нет. – Присаживайся. – И, обращаясь уже к обозревателю, сказал. – Продолжай.

– Статью можно признать лучшей за эту неделю и, пожалуй, с ней никто не сможет конкурировать и по месяцу.

Редактор, взглянув в сторону ответственного секретаря, бросает:

– На стенд!

– И будет справедливо, – говорит обозреватель, – но разрешите, Иван Степанович, высказать одно лишь замечание… Но принципиальное…

– По статье?

– Да.

– Ну, говори.

– Впечатление смазано заголовком… Крайне неудачный заголовок.

– Ты так считаешь? – спрашивает Гагарин, и я замечаю, что в его голосе яд, а в уголках губ появляется еле заметная усмешка, похоже, чрезвычайно ехидная.

– Не только я, Иван Степанович. – Подтверждая мнение обозревателя, некоторые из присутствующих закивали.

– Вот как? – Редактор нервно застучал карандашом по столешнице. – Порадуйся: мой заголовок.

– Но… – Обозреватель растерялся и не знал, что дальше говорить.

– Ты хотел бы, чтоб статья еще и с авторским заголовком вышла?

– Не… знаю…

– То-то и оно… Заголовок специально сделан кондовым… – Гагарин поморщился. – Это – политика… Всё!.. Закончили и переходим к планированию[7].

На этом и завершилась моя трехнедельная стажировка в «Уральском рабочем». И вернулся в свою провинциальную жизнь.

---

[7] Газету именно с этой принципиально важной для меня статьей не удалось сохранить. Огорчительно…

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Орган Свердловского обкома Коммунистической партии Советского Союза и Свердловского областного Совета депутатов трудящихся

Четверг, 20 апреля 1972 года | Газета основана в 1907 году | № по реестру | № номера 1 экз. 7

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ — НЕ БЛАГОДАТЬ

Рейд печати

В КОЛХОЗЕ «Новый путь» Шалинского района отремонтирована и отрегулирована вся посевная техника. Семена зерновых культур доведены до посевных кондиций. Но агроном Г. Петров разводит руками:

— В хозяйстве нет ни одного килограмма семенного картофеля, которого нужно 18 тонн. Сунеем ли закупить такое количество у населения — неизвестно. Особой надежды не питаем.

Довольно странная позиция у агронома. Мер Г. Петров и председатель колхоза Г. Крепанцев не предпринимают, кто им сможет продать картофель и в каком количестве, не знают. На «авось да как-нибудь» вряд ли уместно рассчитывать, а потому не руками надо разводить, а действовать и немедленно закупать картофель у населения.

РУКОВОДИТЕЛИ колхоза «Путь к коммунизму» тоже отнюдь не к различным экспериментам, особенно в период подготовки к весенне-полевым работам. Вот, например, в хозяйстве имеется 200 центнеров собственного семенного ячменя, чем не могут похвастаться другие колхозы района. Заботливый хозяин давно бы подготовил семена к посеву. Но агроном Г. Феофелов невозмутимо отвечает:

— А мы решили сеять ячмень без сортировки. Те, что в семенах имеются сорняки, например, овсюг, редька — не беда.

Смеется при этом агроном на нехватку времени, но главная-то причина ясна как день — элементарная безответственность.

Есть в колхозе отличная машина — разбрасыватель минеральных удобрений, за которую заплачено две тысячи рублей. И вот такая дорогостоящая машина разукомплектована и используется вместо прицепной тележки для перевозки различных хозяйственных грузов. А ведь как раз сейчас разбрасыватель потребуется для внесения минеральных удобрений в почву. Инициатива такого нерационального использования технины принадлежит председателю колхоза «Путь к коммунизму» К. Кирилову.

УДИВИТЕЛЬНОЕ бездельничает парк и в колхозе «Луч». Ни в одной из трех бригад не ведется подработка семян. Кладовщик бригады № 3 А. Попова заявила, что семенной горох готов к посеву. Но с первого взгляда видно, что он засорен.

Всего в колхозе до сих пор не подработано 160 тонн семян. И, несмотря на это, в колхозе особой тревоги не чувствуется.

Председатель колхоза А. Сушенцев, который до недавнего времени работал главным агрономом и не занимался подработкой семян, сейчас считает, что это не его дело, и переложил всю тяжесть забот на плечи агронома-семеновода Л. Щербининой. Она же приехала в колхоз совсем недавно, опыта работы еще нет, людей не знает. Вот тут-то и пришлись бы председателю на помощь, тем более, что это его собственные грехи. Но этого не случилось.

Положение в колхозах было бы лучшим, если бы партийные организации [illegible] под свой контроль ход [illegible]товки к севу. Но на [illegible] колхозе этот вопрос не был даже предметом обсуждения на партийных собраниях.

Рейдовая бригада:
Е. ЯКОВЛЕВА,
начальник работой госсеминспекции;
А. ПЛОСНИН,
инструктор районо
ВЛКСМ;
Г. МУРЗИН,
сотрудник районной газеты «Путь к коммунизму».
Шалинский район.

Очередная критическая статья. Неймется журналисту Геннадию Мурзину, советы умных людей не идут впрок: вновь вынес сор из избы. Что ж, кошка скребёт на свой хребет.

А шалинские князьки выжидают

Родная редакция встретила настороженно. Все смотрели на меня с любопытством, задаваясь одним вопросом: что-то теперь будет? Но ничего не происходило. Внешне, по крайней мере. И редактор молчал, будто воды в рот набрал, хотя прекрасно знал, что может меня ждать в дальнейшем. Мог бы по-товарищески предостеречь. Но… Атмосфера, чувствую, вокруг наэлектризованная. Прихожу в райком, и аппаратчики стараются избегать прямых контактов: все сухи и немногословны. Холодком отовсюду веет. Может, думаю, со временем оттают?

И оттаяли бы, если б попритих на какое-то время, посидел чуток в каком-нибудь уголочке. Но нет! Я – журналист, я – боец партии, поэтому долг зовет каждый день идти в бой за идеалы. Бросаюсь на очередной неприятельский дзот, будто кто шилом в задницу подтыкает. Реакция на атаку? Вполне предсказуемая: раздражение в кругах районной элиты не только не спадает, но и растет не по дням, а по часам.

Что же сдерживает князьков? Почему бы не пнуть крепенько под зад «*варягу*», пробующему натянуть на себя мантию учителя-наставника? Выжидают. На что рассчитывают? Надеются, что оступлюсь, на чем-либо спотыкнусь и тогда…

Обычно ловили подобных сражателей за «*правду*» на бытовухе. Например, аморалка в виде связи с любовницей. Совсем отлично, если жена придет в райком и пожалуется, что коммунист-супруг непристойно ведет себя в семье. Тут тебе сразу персональное дело на партийное собрание: покаешься – отделаешься строгим выговором, но с работы все равно попрут, потому что это их конечная цель; заартачишься – быть исключенным из партии, а тогда, что ты за заместитель редактора, что ты за идеологический боец? Ну, на худой конец, напился и попал в вытрезвитель. Пьют все? Да, но не все попадаются. Вора судят не за то, что он украл, а за то, что поймали.

Начальство терпеливо, не обнажает без крайней нужды кинжал. Ждет своего часа. Понимает уже, что на аморалке вряд ли подловит – тут, видит, все чисто. Но, думает про себя начальство, – человек слаб, несовершенен, поэтому обязательно где-нибудь на чем-нибудь да «*подорвется*». Ну, а пока… Ждет своего звездного часа, не давая даже повода подумать, что замышляет подлую месть. А что я? Ничего не жду и продолжаю работать в своем ключе, то есть задиристо. Ну, например…

Сергей Соловьев, председатель районного комитета народного контроля, получает письмо, в котором сообщается о непристойностях, допускаемых начальником районного отдела внутренних дел Мошкиным, в письме высказывается просьба разобраться и принять меры к безобразнику. Пись-

мо – не анонимное.

Соловьем зачем-то знакомит меня с содержанием письма. Знакомит приватно: только, предупреждает, между нами. Прочитав, спрашиваю:

– Что собираетесь предпринять?

– Ничего. – отвечает Соловьев.

– Почему? – Вопрос прозвучал глупо, потому что знаю ответ. Нужды спрашивать никакой не было.

Соловьев обреченно вздыхает.

– Не дадут… Мошкин – член райкома КПСС, особа, приближенная к Самому…

– И как быть?

– Отправлю жалобу с сопроводительным моим информационным письмом в райком. А там…

– А там – похерят, – спешу добавить.

Соловьев опять вздыхает:

– Их право.

– Но вы же член бюро райкома?!

– Сегодня – член, завтра – не член. Сам косо взглянет – и песенка моя спета.

– Но это же произвол! – Начинаю кипятиться.

– Ну, что ты говоришь? На себе разве еще не почувствовал?

Отмахиваюсь:

– Не обо мне сейчас речь. Скажите, какова, на ваш взгляд, доля правды в жалобе?

– Скорее, на все сто процентов. Сигнал-то не первый. Да и без этих сигналов знаю: не без глаз.

Готов, прямо-таки горю жаждой справедливости. Тут же принимаю решение: так это не оставлю и сделаю все, чтобы общественность узнала правду. Мне, считаю, уже терять нечего. Признаюсь о намерении Соловьеву. Тот ахает и машет руками.

– Ни в коем случае! Меня – сожрут и не подавятся. Скажут, что это я науськал. Давай условимся: ты этого письма не видел.

– Да, не видел. – Охотно соглашаюсь. – Но никто мне не сможет помешать заполучить такое же письмо. Встречусь с автором, попрошу написать еще и в редакцию, уже на мое имя.

– Ну, как знаешь… Как старший товарищ, не советую: боком выйдет.

Ну, какие советы? Когда слушал подобные советы? Тем более, если во всеоружии, то есть с фактами, и на коне.

От Соловьева – к автору письма. Тот, на мое счастье, оказался дома. Сказал ему, что мне все известно, что хотел бы иметь на руках документальное подтверждение, то есть письмо соответствующего содержания. Он спросил: откуда узнал? Ответил: земля слухами полнится. Не хотел он, потому что не верил, что газета хоть что-то напечатает. Убедил, в конце концов. Чтобы полностью исключить возможные подозрения по адресу Соловьева, попросил дату в конце

письма поставить другую. Автор согласился. И вот у меня собственноручное письмо, из которого следует, что написано оно было на два дня раньше, чем Соловьеву, то есть получалось, что узнал первым, а Соловьев – вторым. Маленькая неправда, но о ней знают лишь трое (Соловьев, я и сам автор) и каждому не резон раскрывать эту неправду.

В редакции знакомлю с полученным письмом редактора. Тот читает, и, вижу по его лицу, не удивляется ничему. Чертова провинция! Эти малые поселения, где все и всё о происходящем знают, но делают вид, что ничего не знают!

Михаил Кустов, прочитав, спрашивает:

– Что собираешься делать?

– Как что!? – Возмущаюсь. – Буду делать то, что положено партийному журналисту!

Редактор хмыкает.

– Ну-ну… Знаешь, что делают с бодливой коровой? – Спросил он, и сам же ответил. – Ее делают комолой[8].

Позиция Кустова удивила: он предостерег, но не стал отговаривать. Подумал: уже хорошо, есть шанс вытащить парадный офицерский мундир Мошкина из затхлого и темного закутка на свет Божий, потрясти хорошенько, выбить накопившуюся пыль.

Приступаю к ковке железа, покуда оно раскалено. Вечером того же дня встречаюсь с Мошкиным, знакомлю с письмом и прошу прокомментировать изложенные факты. Мош-

---

[8] Комолой, значит, безрогой.

кин держится уверенно, можно сказать, самонадеянно: он точно знает, что помимо воли первого секретаря редактор ничего не поместит в газете. Так что опасаться нечего. А заместитель редактора, сидящий перед ним, считает Мошкин, – не редактор, к тому же с подпорченной репутацией и имеет во власти серьезных недоброжелателей. Комментирует охотно. Оправдывается неумело, поэтому в речи, по сути, звучат не опровержения, а подтверждения того, что написано в письме.

Два следующих дня посвящаю встречам с возможными свидетелями. Неохотно, но дают, как любят говорить юристы, признательные показания. Заношу в блокнот, а для верности, чтобы потом не взяли свои слова обратно, знакомлю с записями и прошу удостоверить истинность личной подписью. Поясню: подобный способ сбора фактов при подготовке заведомо скандальных материалов перенял от друга юности, моего одногодка Руслана Киреева, специального корреспондента журнала «Крокодил».

Еще один день и статья «Пятна на мундире» сходит с печатной машинки. Иду в кабинет редактора. Там – Дмитрий Лаврентьев, друг Мошкина, правда, последнее время между ними пробежала черная кошка, и они почти не разговаривают. Лаврентьев, кстати, тоже знал о похождениях бравого майора милиции. И мы втроем, то есть Кустов, я и Лаврентьев, обсуждаем каждый абзац статьи, при необходимости, вносим коррективы.

Что же получилось в итоге? Фактически, плод коллективной мысли. Лаврентьев (понимаю, что у него примешиваются личные чувства) высказался за то, чтобы статья была поставлена в ближайший, то есть субботний номер. Редактор не стал возражать. А раз так, то отнес исправленную рукопись ответственному секретарю, чтобы тот имел в виду при макетировании второй и третьей полос. Попросил поставить подвалом.

Вскоре куда-то исчез редактор. Вечером мне позвонил и сообщил, что он на больничном на неопределенное время, из чего вытекает, что автоматически приступаю к исполнению обязанностей редактора. Этот финт с больничным для меня не нов, поэтому отнесся спокойно. И с чистой совестью подписал «*в печать*» субботний номер со своей статьей.

Вот так статья увидела свет. Ее никто не ждал, в том числе Мошкин. Подвела его самонадеянность.

За выходные все успели прочитать, поэтому в понедельник началась буря. С утра прибежал взволнованный, но злорадно ухмыляющийся, заведующий отделом пропаганды и агитации райкома, изъял рукопись, с которой был сделан типографский набор, оригинал письма в редакцию, опросил сотрудников, как и что происходило перед появлением нашумевшей статьи. Ушел. А вечером мне позвонили, что созвано экстренное и закрытое заседание бюро райкома, где мне надлежит присутствовать. В качестве кого? Не знаю. Но догадываюсь.

Интуиция меня не подвела: предмет обсуждения – статья «Пятна на мундире». Члены бюро (Соловьев не присутствовал) единогласно решили, что выступление газеты «Путь к коммунизму» ошибочно и политически вредно, поскольку наносит серьезный ущерб авторитету районной партийной организации, соответственно, бросает тень и на всю партию. Бюро райкома КПСС принимает постановление: в следующем номере опубликовать опровержение, подготовку которого поручить заведующему отделом Александру Неугодникову.

Мои возражения никто в расчет не собирался принимать; не для того собирались. Василий Сюкосев в конце заметил, что в отношении автора персональное дело будет рассмотрено отдельно, после того, как редактор выздоровеет и выйдет на работу.

Вернувшись в редакцию, звоню Кустову, спрашиваю, как мне быть с опровержением? Он отвечает: ты исполняющий обязанности редактора, тебе и решать.

Во вторник принесли официальное опровержение, в котором сказано, что бюро райкома рассмотрело статью «Пятна на мундире»… Ну и так далее.

Что делать? Партийная дисциплина обязывает выполнить решение партийного органа, то есть сам себя должен буду, как та унтер-офицерская вдова, публично высечь.

Решение выполнил: в номере за четверг, причем, на первой полосе (так потребовал райком) читатель мог прочи-

тать опровержение. Однако, когда дело было сделано, позвонил в обком КПСС (под предлогом того, что хочу посоветоваться, поскольку ситуация щекотливая) и проинформировал о случившемся. Рассказал все, как было.

Меня выслушали и сказали, что не должен был публиковать подобного рода документ. Напомнил о партийной дисциплине. Мне сказали, что у меня была возможность опротестовать подобное решение в вышестоящем партийном органе. Иначе говоря, указали, что должен был поставить в известность обком КПСС сразу после заседания бюро Шалинского райкома. Получилось, что все равно виноват.

Часа через два прибежал весь в красных пятнах тот же самый заведующий отделом пропаганды и агитации и сказал, что опровержение публиковать не надо, что должен ему вернуть подлинный текст опровержения. Подумал: дурак, еще не видел сегодняшний номер. Спросил:

– С какой это стати?

– Бюро райкома отменило ранее принятое постановление.

– Извините, – сказал, – у вас на неделе семь пятниц, а что мне делать? Свой документ назад не получите, а иначе вы представите дело так, что никакого постановления в природе не существовало, что это все плод моей больной фантазии.

– Мы…

Он что-то хотел возразить, но я не дал.

– Вы – крайне непорядочные люди и с вами надо быть предельно осторожным.

Конечно, никакого моего «*персонального дела*» не было. Затея провалилась… на этот раз. Однако и в отношении Мошкина также никакого персонального дела не заводилось: спустили на тормозах. Правда, авторитет был все равно подмочен, поэтому решили, что Мошкину лучше всего покинуть район. Он уехал и был назначен в области заместителем начальника одного из районных отделов внутренних дел.

Эффект статьи? Какой-никакой, но был. Сброшен с пьедестала мерзавец. Ну и (читатель все правильно понял) пощечину получил, пусть и косвенно, Василий Сюкосев, который обожал с Мошкиным выезжать на шашлычки, а также прочие проворачивать делишки.

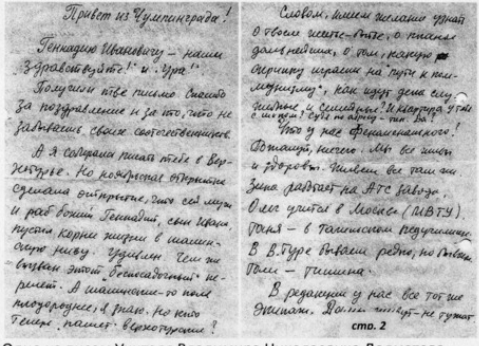
Савельев зауважал меня еще больше. Правда, принародно это не выказывал: нельзя!

На какое-то время вокруг меня все поутихло: провинциальное болотце вновь стало затягиваться тиной.

Вспомнив, что есть давний должок, тянущийся еще с юношеской поры, пошел в школу рабочей молодежи, в класс, который, собственно, прошел и даже сдал один экзамен – в десятый. Проучившись осень, зиму и весну, вышел на госэкзамены. Сдал их (на сей раз без приключений) и на руках (наконец-то!) – аттестат зрелости. Поздновато пришла «*зрелость*», но лучше поздно, чем никогда. Причем, только с пятерками и четверками. Ну, конечно: совестно учиться на троечки заместителю редактора! Вот и тянулся.

Внешнее спокойствие и внутренний комфорт позволи-

ли задаться вопросом: куда дальше? То, что надо двигаться по дороге знаний, – не было сомнений. Понимал, что при отсутствии высшего образования – впереди приличного пути нет.



Привет из Чумпинграда!

Геннадию Ивановичу — наши «Здравствуйте!» и «Ура!»

Получили Ваше письмо. Спасибо за поздравление и за то, что не забываете своих соотечественников.

А я собрался писать Вам в Верхнетуре. Но открытка открытою сделала открытие, что сей мудрец и раб Божий Геннадий, свои крылья пустив, корни жизни в машинном сеет ниву. Удивлен. Чем же согреван этот „бесчадственный" нерпей? А машинами-то поле плодороднее, а урожай. Но кто Гомера, поэтов, в сухо-горном?

Словом, нашим желанием узнать о Вашем житье-бытье, о писаном далее найдешь, в том, какую [illegible] сторону шаркнул на пути к „пятилетке", как идут дела у „гнедых" и „семерых"! И квартира у Вас с мебелью? Есть на автор-ти Вы?

Что у нас финансы-плохо! Помощи, нечего. Мы все живы и здоровы. Живем все там же. Зина работает на АТС заводе. Олег учится в Москве (МВТУ). Мария — в Галичском педучилище. В В.Туре бывали редко, но бывали. Пал — учится.

В редакции у нас все то же. Экземпляр. Долги — не сдают.

стр. 2

Одно из писем Учителя Владимира Николаевича Долматова.

стр. 3

Анна Шляхина тоже закончила Ведерникова Н.Д. (учится в Туре, ее там обязывают перейти). М. Пушкина здравствует гордо. Они сейчас сверхзанятые, так как Бадьин Г. „второй мой" в большинстве на рыбалке „как утка". Ну, а „Ве Великосеево" Анисимова Т.Г. великосеево ведет вперед по идейному пути литературных кружков...

Возьмешься мы новогодний номер газет. Конечно он — посмотри. В открытке я просил, чтоб Вы отметили наиболее новогодние. Пар волг ребята, в всем поисте отрасли. Надеюсь

стр. 4

Из выдающихся наших книг не обратили в фонд. И Гомера, книги Пушкина остаются не проданными. Реже только там, что с собою. У нас плохой собиратель „прошлого" — Чесунов Алеша, марена из Александровского района.

Я только Якимов и вообще расширили. Встречаем с ним Фонета на заветных школах рабочих (7-ой год учит). Школа у нас — преподаватель. 45 школ учата. Мерзит-то сколько с ним разговор много, а читать некогда. Бывает.

Вот пера что и мне кратко сообщить. Будь здоров. Привет супруге Л. С. поп. В. Долматов

5.1.72.

Увы, Учителя и ученика разделяют триста километров, поэтому встречи редки. Но идет переписка. Это письмо в духе автора: оно полно дружеской иронии и элегантного, еле заметного сарказма. Таков характер Владимира Николаевича.

Всерьез задумался о высшем образовании

Еду в Свердловск и подаю документы в Уральский государственный университет. А куда еще-то? Ведь, фактически, состоявшийся журналист, с опытом практической работы – прямая дорога на факультет журналистики. На сердце – тревога. Две проблемы. Во-первых, большой конкурс, даже на заочное отделение, а потому сдавать надо вступительные экзамены только на «четыре» и «пять». Добиться мне такого результата, как понимаю, будет очень и очень сложно. Потому что, и это вторая проблема, в аттестате зрелости графа «*иностранный язык*» – пустая, там прочерк. Почему? В вечерней школе не было преподавателя иностранного языка. Не довелось (по той же причине) осваивать язык и в других ШРМ. И получается, что весь мой багаж по иностранному языку – первичные знания, полученные в пятом и шестом классах. Это было так давно. К тому же не было тяготения. И запомнил лишь из всего курса немецкого языка, пожалуй, одну фразу: «Was ist das?». Хотя не совсем так. Еще свободно мог произнести со значением: «Danke schon!». Встретив в тексте слова «Das Fenster» и «Die Rabe» легко мог перевести на родной язык. Вот и все познания. А на вступительном экзамене должен буду не только прочитать правильно текст, а перевести без словаря и ответить на вопрос по грамматике.

Приезжаю домой, обкладываюсь учебниками немецкого языка. Пытаюсь что-то понять: не получается. Прихожу к выводу: без репетиторства – не обойтись. Иду в одну школу. Ищу преподавателя. Нет ни одного: каникулы и все разъехались. Иду в другую школу: то же самое. И тут приходит на помощь коллега Дмитрий Лаврентьев. Говорит, что в его доме живет преподаватель иностранных языков, кажется, никуда не уехал, днями видел во дворе.

Вечером отправляюсь по названному адресу. Стучусь в дверь. Открыл молодой мужчина и… вдрызг пьяный. Тотчас же погрустнел, интуитивно понял, что мне не такой репетитор нужен. И все-таки на широкий приглашающий жест хозяина откликнулся. Вошел.

– Присаживайся, – показал рукой на диван, по которому были разбросаны тряпки. – Знаю, в чем дело: Димка рассказал… Ты попал в хорошие руки: лучше меня никто тебя не натаскает.

Условившись о стоимости услуги, спросил:

– Когда можем начать?

– Да хоть сейчас! – Бодро сказал репетитор, потянулся к столу, взял початую бутылку портвейна, плеснул в граненый стакан и выпил, не закусывая.

Все последующие репетиционные занятия проходили под хмельком. Так что… Пришлось отказаться от услуг подобного репетира.

Несмотря на это, все же поехал сдавать вступительные эк-

замены. На что рассчитывал? Наверное, на чудо. Его не случилось: сочинение написал на «отлично», литературу (устно) – тоже самое, историю на «хорошо», а иностранный язык – провалил.

Что же получается? А то, что из-за отсутствия знаний по немецкому двери университета для меня навсегда закрыты. Жаль, но на исправление этого минуса у меня уже нет времени. И если и далее буду тянуть с получением высшего образования, то не получу его уже никогда. Надо что-то делать. Но что? Пожалуй, одно: поступать в то учебное заведение, где при вступительных экзаменах нет иностранного языка.

На этой грустной ноте из стен университета иду в обком КПСС. В секторе печати рассказываю о провале. Виктор Дворянов, инструктор, выслушав, посочувствовал, сказал, что помочь ничем не может, поскольку вмешиваться в работу приемной комиссии не имеет права. Обиделся, что меня не так поняли. Дворянов, видимо, почувствовал, что посетитель надул губки.

– Хотя, – вдруг сказал он, – обком может помочь. – С надеждой взглянул ему в глаза. – У тебя есть все объективные данные: опыт общественной работы, солидный партийный стаж и, фактически, номенклатура, хотя и районного масштаба. – Не понимал, куда клонит Виктор Федорович. И тут Дворянов добавил. – Правда, возникнут другие трудности…

– Вы о чем?..

– Потребуется рекомендация-направление бюро райкома КПСС, а у тебя, насколько мне известно, непростые сложились отношения.

Все еще не понимал, о каком таком учебном заведении ведет речь инструктор обкома, для поступления в который требуется официальная рекомендация партийного органа?

Видя, что окончательно меня сбил с толку, заинтриговал, Дворянов пояснил:

– Речь веду о Заочной Высшей партийной школе при ЦК КПСС, где готовят руководящие партийные кадры.

– Но это… далеко от журналистики. – Заметил ему

– Там есть и специализированная группа из числа партийных журналистов. Слушателям, кроме обычных дисциплин, преподают и основы газетного дела. Это, по сути, сокращенная программа факультета журналистики. Ты – практик и тебе большего не надо.

– А… Как быть с иностранным?

Дворянов успокоил:

– На вступительных нет иностранного языка. Причем, нет никакого конкурса. Набирают ровно столько, сколько требуется, группа из двадцати пяти человек. Ясное дело, заявлений больше, но тут отбирает обком. В этом смысле, у тебя проблем не будет. – Заверил он, но тут же добавил. – Конечно, при наличии той самой рекомендации райкома.

– На нее – не рассчитываю. – Сказал со вздохом я.

– Пожалуй. – Согласился Дворянов и тут же добавил. –

Но обком попробует помочь.

– Что я должен делать?

– Ничего. Характеристика с места работы, раз поступал, уже есть, две фотографии есть, аттестат зрелости – само собой. А остальное – заявление напишешь в райкоме. Там же дадут направление…

– Не дадут.

– Будем стараться… Короче говоря, работа пойдет по партийным каналам: все, что дополнительно потребуется, скажут в райкоме.

Уехал. С верой и надеждой. Правда, все выглядело весьма-таки призрачно. Как ни странно, но процедуру прошел без сучка и задоринки. Видел, с какой неохотой в райкоме оформляли документы, но делали, стиснув в злобе зубы. Даже на заседании бюро райкома КПСС, где утверждали направление на учебу, не прозвучало ни одного провокационного вопроса. Всё проделали молча, будто набрали воды в рот. Но это вовсе не означало, что люди сменили гнев на милость и забыли недавнее прошлое. Они всего лишь дали мне небольшую передышку. И за нее – спасибо!

Из райкома мои документы ушли в обком. Там, как и говорил Дворянов, все обошлось: прошел отбор и был включен в число допущенных к сдаче вступительных экзаменов. В сентябре успешно сдал их и был зачислен слушателем первого курса Заочной Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Потом были сессии, зачеты, курсовые и бесконечные

экзамены. Учился без срывов. Не скажу, что исключительно на «отлично», но высокие оценки намного преобладали над «удовлетворительными».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Пятница, 3 августа 1973 года. Газета основана в 1907 году

Загадка старинного оружия

ШАЛИНСКИЙ РАЙОН. Многочисленные туристы со всей области непременно стремятся познакомиться с интереснейшими экспонатами краеведческого уголка села Чусовое. Один из них — четырехствольный капсюльный пистолет — обычно вызывал много вопросов. Откуда это оружие — было неизвестно.

Недавно в селе побывал фотограф музеев московского Кремля Л. Сальников. По сделанному им фотоснимку оружейная палата Кремля сумела определить возраст и место рождения пистолета. Он был изготовлен в середине XIX века в Бельгии. Но как он попал в Чусовое и кто был его владельцем, пока остается загадкой.

Г. МУРЗИН.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Суббота, 29 декабря 1973 года. Газета основана в 1907 году

Елка из лесу пришла

ШАЛЯ. Почти семь тысяч елочек — такой подарок лесозаготовителей Саргинского леспромхоза жителям столицы Среднего Урала.

И не только саргинцы проявили заботу о горожанах. Магазины Свердловска «Спорткультторга» и «Хозмебельторга» сейчас торгуют новогодними елками, заготовленными Вогульским леспромхозом, Староуткинским и Шамарским лесхозами. Это почти 20 тысяч деревьев.

Г. МУРЗИН.

Звонок из Свердловска: заведующий отделом информации Н. Кондратов интересуется: не подкинет ли коллега интересненькое для четвертой полосы. Отказать нет сил. Кстати, именно Н. Кондратов даст рекомендацию для вступления в Союз журналистов СССР.

АТТЕСТАТ
о среднем образовании

Настоящий аттестат выдан Мурзину Геннадию Ивановичу (фамилия, имя, отчество), родившемуся в д. Чусовой Чусовского р-на Свердловск. обл. 9 февраля 1954 года, в том, что он в 1972 году окончил полный курс вечерней средней школы №20 (полное наименование школы) сит. Чусы, Свердловской ордена Ленина железной дороги (город, область, край, АССР)

и обнаружил при примерном поведении следующие знания:

по русскому языку 5 (отлично)
по русской литературе 5 (отлично)
по алгебре и элементарным функциям 4 (хорошо)
по геометрии 4 (хорошо)
по истории СССР 4 (хорошо)
по всеобщей истории 4 (хорошо)
по обществоведению 5 (отлично)
по физике 4 (хорошо)
по астрономии 4 (хорошо)
по химии 4 (хорошо)
по биологии 4 (хорошо)
по географии 4 (хорошо)
по иностранному языку (—)
по трудовому обучению —
по начальной военной подготовке —
по физической культуре —

Кроме того, успешно выполнил программы по черчению, пению и рисованию, а также по факультативным курсам —

Директор школы Петрова
Зам. директора школы по учебной работе Жаров
Классный руководитель Кузьмина
Выдан 24 июня 1972 г.
№ 499118

С задержкой пришла "зрелость", но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Неудача карьериста

А через год с небольшим вызвали в обком. Думал, что для головомойки. Но нет: предложили новое место работы. Сказали, что надо сейчас же выехать, познакомиться с первым секретарем райкома. Вечером сел в поезд и утром был в Тугулыме, райцентре, граничащем с Тюменской областью. Встреча с первым секретарем прошла, как мне показалось, на должном уровне: та сторона, кажется, демонстрировала удовольствие кандидатом на занятие номенклатурной должности и всем была довольна. Эта сторона, то есть я, – не в восторге: Тугулым – та же провинциальная глушь, что и Шаля. Однако своего неудовольствия не выказываю. Как-никак, есть плюс – повышение по должности и возможность с нуля начать строить взаимоотношения с новым начальством, возможно, надеялся, здесь меня примут лучше, чем в Шале.

Одним словом, стороны договорились. Утром другого дня был в Свердловске. С вокзала – в обком. Заведующий сектором печати Иван Новожилов (встреча по предварительной договоренности) встретил с явной прохладцей. Молча выслушал рассказ об итогах аудиенции с первым секретарем. По моим ощущениям, он что-то знает и не в мою пользу. Скупо и сухо обронил:

– Возвращайся домой… Если решится вопрос, позвоним.

Выйдя из кабинета, задался вопросом: что могло произойти за полсуток, которые истекли с момента расставания в Тугулыме? Подумав и проанализировав, пришел к выводу: после нашей встречи, прошедшей в «*теплой и дружеской обстановке*», первый секретарь Тугулымского райкома КПСС позвонил, скорее всего, своему коллеге, то есть первому секретарю Шалинского райкома Василию Сюкосеву, чтобы побольше разузнать о кандидате. Что услышал? Ну, ясно, ничего хорошего. И затем, видимо, позвонил в обком, Новожилову, и дал отбой.

Из обкома звонок не последовал – ни через неделю, ни через месяц. Обидно? Ничуть. Подобный исход ожидал. Несостоявшийся редактор районной газеты продолжал корпеть на Шалинской ниве, прекрасно осознавая, что перспективы никакой, что Шалинский райком хода не даст, грудью встанет на моем пути. Сам виноват и никто более.

Затем произошли два события, которые окончательно осложнили мое положение.

В первом событии моей вины не было никакой: так сложились обстоятельства, а в результате меня неправильно поняли. Что же произошло? Можно сказать, смешная и грустная, одновременно, история.

Нижний Тагил. Загородный профилакторий, на базе которого проходит трехдневный областной семинар для заведующих отделами партийной жизни городских и районных газет. Первый день проходит нормально. По теме семинара

выступил с основным докладом инструктор обкома КПСС Виктор Дворянов. Это был глубокий и всесторонний анализ всех печатных изданий. Естественно, звучали похвалы в адрес одних газет и нелицеприятная критика – в адрес других. Газета, которую представлял, прозвучала в ряду первых, и поэтому сидел на семинаре настоящим именинником. Как приятно, когда хвалят. Вдвойне приятно, если похвала звучит из уст компетентных людей.

Расслабился и потерял бдительность. Вечером, после окончания семинарских занятий, в профилактории гул пьяных голосов. Пьют все: одни – по случаю радости, что отмечены положительно; другие – с горя, поскольку подверглись критике. У всех есть повод. У меня – тоже. Но… И тут-то происходит неожиданное.

Во время заезда по чистой случайности оказался поселенным в одной комнате с заместителем редактора Верхотурской районной газеты Сергеем Воробьевым. Естественно, Сергей наслышан обо мне и, возможно, поэтому повел себя непривычно сдержанно. До сих пор не могу понять, как это получилось, но факт: мы вечер провели по-трезвому. Взяли у горничной шахматы и до глубокой ночи сражались. И это не беда, если бы оставались в своей комнате. Но хватило ума выйти с шахматами в холл и там играть. Зачем? Короче, засветились «белые вороны»!

И общественное мнение осудило. Меня – в первую очередь. Народ посчитал, что сказалось мое «*дурное*» влияние

на Воробьева, по принципу: сам – не гам и другим – не дам. Мое положение усугубилось еще и тем, что все знали, что Воробьев – горячий поклонник Бахуса и видеть его трезвым, когда все пьяные, – нонсенс. Все посчитали, что подобная моя выходка на семинаре – вызов обществу. Впрочем, не хочу дальше углубляться. Замечу лишь, что впоследствии добьюсь реабилитации и на деле докажу: все человеческое и мне не чуждо.

Вскоре произошло другое событие, пострашнее первого. Ну, тут-то моя вина очевидна. Да, возмутился, но это была реакция на неадекватность восприятия события партийной властью.

В 1974-м вцепились в меня мертвой хваткой. Ухватились по мелочи, о которой неудобно даже говорить, хотя придется. Вон, до каких масштабов раздули скандал!

Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом".

В. И. ЛЕНИН.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Объявляется заместителю редактора Мурзину Геннадию Ивановичу за добросовестное выполнение служебных обязанностей и в честь праздника — Дня печати.

Редактор газеты „Путь к коммунизму"

р. п. Шаля

Свердловской области

„5" мая 1972 года

Шалинский филиал Первоуральской типографии Зак 13

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Орган Свердловского обкома Коммунистической партии Советского Союза и Свердловского областного Совета депутатов трудящихся

Вторник, 13 февраля 1973 года | Газета основана в 1907 году | № 37 (27 [illegible]) | Цена 2 коп.

Такое бывает

РЫСЬ ПОЖАЛОВАЛА В ГОСТИ

Г. МУРЗИН.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Орган Свердловского обкома Коммунистической партии Советского Союза и Свердловского областного Совета депутатов трудящихся

Вторник, 31 июля 1973 года | Газета основана в 1907 году | № 177 (5748) | Цена 2 коп.

ВОТ ЭТО ЛЕЩ!

Г. МУРЗИН.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Орган Свердловского обкома Коммунистической партии Советского Союза и Свердловского областного Совета депутатов трудящихся

Четверг, 7 августа 1973 года | Газета основана в 1907 году | № 179 (5750) | Цена 2 коп.

КЛАДЫ ШАЛИНСКОГО ЛЕСА

Г. МУРЗИН.

Жутко не хочется погрязнуть в провинциализме, поэтому при каждом удобном случает районный журналист старается появляться на странцах самой популярной областной газеты.

Ждали и дождались-таки своего

У меня – хобби: коллекционирую газеты. Не просто газеты, а их новогодние номера. Мне интересно. В коллекции уже более двух тысяч разных изданий, а всего в Советском Союзе выходит почти десять тысяч газет. Одна пятая часть. Мало. Медленно пополняется коллекция. Уж больно трудоемко: перед Новым годом закупаю открытки и печатаю на машинке поздравление и просьбу выслать новогодний номер. Пишу адрес и отправляю. Ну, сколько могу напечатать открыток? Максимум, две сотни. Сколько адресатов ответит и выполнит просьбу? Двадцать-тридцать и не более. И на ум приходит идея: купить тысячу почтовых карточек и текст на них отпечатать в типографии. И мне останется только написать адрес и отправить. Легко и масштабно.

Открытки купил, потратив тридцать рублей, пятую часть месячного оклада. Накладно, но, как истинный коллекционер, иду на расходы. Прошу мастера типографии Валерия Козлова, в свободное от работы время (не в службу, а в дружбу) отпечатать. Валерий соглашается. Карточки отпечатаны. Радостно рассылаю, не чувствуя пока ни вины, ни беды.

Но большое количество почтовых отправлений, рассылаемых частным лицом и изготовленных типографским способом, причем, без разрешения соответствующих органов, привлекает внимание. Текст безобидный. Пока. Но только

позволь, считают компетентные товарищи, и подобные рассылки могут появиться другого содержания. Органы реагируют соответствующим образом, то есть обращаются с официальным письмом в Шалинский райком КПСС. В письме указывают на непозволительное использование типографского оборудования частным лицом и прилагают одну из почтовых карточек.

Поймали за руку злоумышленника. И заварилась каша. Сколько ждали и дождались-таки своего звездного часа. Сколько было в районной парторганизации людей, которых поганой метлой надо было гнать. Ничего. Они для райкома были более желанными. А вот я… Мое персональное дело выносят на обсуждение бюро райкома КПСС, где мне объявляют строгий выговор с занесением в учетную карточку. Принимают решение единогласно. Без пяти минут, кандидат на исключение.

В райкоме меня успокаивают: не волнуйся (овцы в овечьих шкурах), мол, насчет выговора; через полгода, мол, обмен партийных документов, взыскание снимут и все – новая учетная карточка чистенькая.

Экие, право, хитрованы. Да не на того напали. Хорошо знаю их конечную цель. Поэтому открыто заявляю: буду добиваться отмены решения бюро райкома, как несправедливого, предвзятого и необоснованного.

Меня спрашивают: хочу ли углубления конфликта? Отвечаю: нет. Тогда, говорят мне, не следует подавать апелля-

цию. Она, апелляция то есть, мне ничего не даст, так как шансы у меня нулевые. Нет, твердо говорю, пойду до конца. И пошел. Мою апелляцию рассматривает партийная комиссия обкома КПСС, на ее заседании присутствую, пытаюсь аргументировать, убедить. Все напрасно. Меня попросту не слушают. У них уже сформировано мнение, и поколебать не удается. Поработал-таки райком по своим каналам.

Партийная комиссия воспитывает меня, воспитывает очень сурово, переходит на угрозы; утверждает, что если не откажусь от намерения добиваться своего, не признаю своей ошибки, не покаюсь, то на следующем этапе, на заседании бюро обкома КПСС может быть даже хуже, чем есть сейчас, то есть взыскание может быть ужесточено. Это вполне реально (даже я понимаю) после однозначной позиции партийной комиссии, поддержавшей решение бюро райкома.

На меня ничто не действует. Закусил удила. Люди от меня хотят одного – моего отступления. Но для меня такое отступление – это не что иное, как фактическое признание справедливости наказания с далеко идущими потом последствиями.

Говорю: пусть рассматривает апелляцию бюро обкома КПСС, но его, напоминаю членам комиссии, решение не окончательное. У меня остается право обратиться в ЦК КПСС.

Ну, что ж, говорят мне, сам себе определил судьбу: обижаться будет не на кого, поскольку старшие товарищи, вете-

раны партии предупреждали; мой гонор и самомнение помешали прислушаться к голосу разума.

После заседания областной партийной комиссии представитель райкома, торжествуя, советует мне сесть сейчас в электричку и уехать домой. Нет, мол, ничего глупее, как оставаться на заседание бюро обкома. Понимаю. Знаю, что шансов на успех у меня почти нет. Кажется, райком все-таки добьется того, чего так страстно желает; он, райком покажет, кто он в советском обществе, а кто я. И все-таки отказываюсь от совета благожелателя. Остаюсь. На следующий день вновь и вновь пытаюсь убедить, но теперь уже членов бюро обкома КПСС, которым надлежит принять окончательное решение, в том, что по отношению ко мне проявлена вопиющая несправедливость.

Ах, как усердствовали руководители областных средств массовой информации, мои коллеги по цеху, присутствовавшие в качестве приглашенных, чтобы заклеймить меня позором! Ах, до чего гневен и неутомим был заведующий отделом агитации и пропаганды обкома Мазырин, назвавший меня чуть ли не антисоветчиком, пригрозивший разобраться с теми, кто допустил меня до нынешней работы. Ах, до чего всем этим собачонкам хотелось показаться перед членами бюро обкома с наилучшей стороны! Не укусят, так хоть всласть потявкают.

Но все они не обратили внимание на барометр, на стрелку, показывающую изменение атмосферы среди членов бю-

ро. В азарте они забыли следить за настроением первого секретаря Рябова.

Яков Петрович Рябов несколько раз встречался в моих воспоминаниях. Тогда он был вторым секретарем обкома, а потом, когда отправят на пенсию Константина Кузьмича Николаева, Рябова изберут первым секретарем. Пройдет несколько лет, и он станет самым молодым секретарем ЦК КПСС (не было и пятидесяти) в команде Брежнева. Рябов, казалось, пойдет еще дальше, но через пару лет постигнет неудача[9].

Итак, дворняжки, столь занятые грызней очередной жертвы, брошенной им под ноги, утратили бдительность, но матерые и породистые псы, сидящие рядом с шефом (речь веду о членах бюро обкома), мгновенно уловили происходящие в нем изменения и притихли.

Рябов интуитивно понял: банальнейшая история, достойная разве что легкого укора, а не разбирательства на бюро обкома. Рябов не понял лишь одно: почему все присутствующие так жаждут крови? Яков Петрович, неожиданно стукнув ладонью по столу, остановил поток обвинений и сказал:

– Хватит! Предлагаю отменить решение бюро Шалинского райкома. – Отчаянно лаявшие только что собачонки притихли и сидели, разинув рты от удивления. В наступившей тишине Рябов продолжил. – Есть у членов бюро другие мне-

---

[9] Об этом вскользь упоминал в первом томе воспоминаний, поэтому подробности упускаю.

ния? – Все промолчали. – Решение принято единогласно.

Вскочил было со своего места Шевелев, председатель партийной комиссии (еще за полгода до этого он был секретарем обкома КПСС, однако теперь за что-то понизили в должности).

– Но, Яков Петрович, наша комиссия…

Рябов не стал слушать.

– Для непонятливых повторяю: решение бюро обкома партии принято единогласно! Все!

Начальник секретариата, сидевший несколько в стороне, осмелился-таки спросить:

– Яков Петрович, мне для протокола нужен мотив такого решения, обоснование.

– Ты не слышал? Что автор апелляции пишет?

– Мало ли что он…

– Для тебя «мало ли», для меня – нет. Пиши, – тот суетливо схватился за ручку, – отменить решение бюро Шалинского райкома как несправедливое и необоснованное.

Ничего из затеи шалинских партийных начальников не вышло. А ведь они были у цели, чуть-чуть и… вот – пшик! Пузырь лопнул. Конечно, чудо, но оно случилось. Мало того, что Рябов не поддержал точку зрения райкома, но он проигнорировал и мнение областной партийной комиссии. Возвращаюсь в Шалю победителем. Представитель райкома (все тот же Александр Неугодников) – побежденным. Долго ли буду на коне? Не буду ли вышиблен, в конце концов, из седла

и растоптан? Конь о четырех ногах, но и он спотыкается, а я – человек. Как можно жить, вечно оглядываясь по сторонам и опасаясь тех, кто следит и подстерегает? Прихожу к выводу: надо уезжать – от греха подальше. Куда? Кто поможет? Обком? После стольких скандалов?! Глупая надежда.

Во время очередного отпуска еду в Пермь. Заявляюсь в редакцию областной партийной газеты «Звезда». Редактор, выслушав меня, говорит, что непосредственно в основной штат взять не может (потому что кот в мешке), но есть на периферии собкоровская вакансия… Можно попробовать. Для этого, говорит, должен съездить в командировку и привезти корреспонденцию: если результат окажется положительным, то тогда…

На все согласен. Еду в командировку. Собрал материал, вернулся в Пермь и написал корреспонденцию. Ответственный секретарь повертел в руках и отложил в сторону. Чувствую, что за время командировки атмосфера изменилась. И дело совсем не в том, что корреспонденция не того, как они ожидали, качества. Предполагаю, что ребята опять-таки созвонились с Шалинским райкомом партии и получили обо мне исчерпывающую информацию. Имея такие сведения, кто станет рисковать? Все понял. Не стал выяснять причину холодка. Сел в поезд и вернулся домой. У меня было еще двадцать дней отпуска. Снова еду, но теперь в город на Волге – в Горький. Куда идти? А некуда, как только в сектор печати обкома КПСС, где владеют информацией о ва-

кансиях. Там встречает заведующий сектором. Оказывается, земляк, родом из Свердловска. Выглядит барином, разговаривает, развалясь в кресле и попыхивая дорогой сигаретой. Предложил райцентр, на юге области, в стороне от железных дорог. Съездил. Поговорил с редактором. Он мне не понравился. Райцентр – тем более, еще хуже Шали. Шило на мыло менять, что ли? Да, у меня проблемы, но не до такой степени горячо под ногами, чтобы бросаться, очертя голову. Узнал, между прочим, что свободна должность заместителя редактора в городской газете, что в двадцати километрах от Горького. Однако мне не предложил. Обиделся. Уехал, не попрощавшись.

Интересная деталь. Пройдет несколько лет и случится так, что в мой кабинет постучится и войдет тот самый барин из Горького. Он будет проситься на работу, хотя бы в качестве корреспондента. Сразу его узнал, хотя прежнего высокомерия у того как не бывало. Он тоже узнал? Вряд ли. Вакансия была, однако, признаюсь, сказалась давняя обида, и отказал.

Отпуск закончился, а так и ничего не нашел. Сижу как-то в кабинете (свои поползновения держу в тайне, даже от близких людей) и в голове возникает мысль: а не позвонить ли редактору первоуральской городской газеты «Под знаменем Ленина»? Ведь под боком. Газета уважаемая в области: выходит пять раз в неделю и тираж один из самых высоких в области. Понимаю, что меня никто заместителем редактора

не возьмет. Но дело разве в должности? Позвонил. Злой рок какой-то: трубку на том конце провода снял не кто-нибудь, а… инструктор обкома КПСС Виктор Дворянов (по голосу узнал). Я – в растерянности. Что делать? Здороваюсь. Представляюсь. Дворянов, чувствую, удивлен подобному совпадению не меньше моего.

– Ты с редактором хотел переговорить, да? – Подтвердил и сказал, что могу перезвонить позднее. – Зачем? Он сейчас возьмет трубку.

Спросил редактора насчет вакансий. Сергей Леканов сказал, что кое-что есть. И добавил:

– Но если ты рассчитываешь на должность заместителя редактора, то ничего не получится.

– Что вы! – Воскликнул в ответ. – Согласен на любую творческую работу.

Договорились, что приеду, и обговорим детали. Съездил. Поняли друг друга. По крайней мере, мне так казалось. Вернувшись в Шалю, пишу заявление об увольнении. Прошу без отработки. Кустов подписывает заявление и пишет приказ. На другой день – свободен. Уезжаю в крупный промышленный центр Среднего Урала, где много строится, жизнь бьет ключом.

Шаля, где проработал ровно четыре года, остается в прошлом. А что впереди?..

"Волюнтаризм" Якова Петровича Рябова не позволил свершиться большой несправедливости по отношению к журналисту: первый секретарь понял, что история, дошедшая до бюро обкома КПСС, на самом деле не стоит и выеденного яйца.

Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом".

В. И. ЛЕНИН.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Награждается Геннадий Иванович Мурзин, занявший 1-е место в соревновании сотрудников редакции за март 1974 года.

Редакция газеты „Путь к коммунизму"

Редактор газеты „Путь к коммунизму"

Свердловской области

„20" апреля 1974 года

Глава 43. До чего ж изменчива фортуна

Умение жить – это целая наука

Не умею жить – это очевидно. Не умел всегда. В ранней юности можно было сделать скидку на отсутствие жизненного опыта, на столь естественный юношеский максимализм (высказывается идея, что он присущ всем людям незрелого возраста, но это неправда: видел в своих сверстниках, еще в школе, поразительно много умения жить – как ловко ластились к учительнице и все лишь ради того, чтобы заручиться расположением и обрести надежду на снисходительность). Уже тогда одним хотелось хорошей, беспорожистой жизни, других дьявол тянул за уши к некой правде, за которой виднелись неизбежные конфликты.

Умом всегда понимал, что в каких-то случаях лучше всего промолчать, отступиться, но нет! Рассудок подсказывал, что надо, наоборот, расшаркаться, улыбнуться, сказать невинный комплимент, и все наладится, человек перестанет глядеть зверем. Угрюмо отворачиваюсь и молчу. Столь явная демонстрация не остается незамеченной. Жди последствий. Что это? Гордыня – один из смертных грехов. Прямоли-

нейность (может, твердолобость?), будто бы, характерна для ограниченных людей. Если это так, то… Грустное признание.

«*Уменьем жить* – писал в „Обрыве“ И. А. Гончаров, – *называют уменье – ладить со всеми, чтоб было хорошо и другим, и самому себе, уметь таить дурное и выставлять, что годится…*»

Этим словам более полутора веков. Они заинтересовали меня тем, что, оказывается, термин «*уменье жить*» имел хождение в народе уже тогда. Может, умение жить (либо обратное) передается по наследству и становится частью общей и неизбежной судьбы человека?

Не могу сказать, что не хотел «*уметь жить*» – это было бы большой неправдой. Хотел и даже очень хотел! Часто убеждал себя, что обязан жить по правилам, установленным обществом, что должен смирить гордыню, укоротить язычок и стать, как все те, что окружают меня. Почему, спрашивал сам себя, они «*умеют жить*» и у них всё получается, а я нет, и моя жизнь тащится раскорякой? Чем хуже? После самовнушения начинал демонстрировать «*умение жить*»: не лез в бутылку, обходил стороной те места, где могли возникнуть конфликтные ситуации, на редакционных летучках или на собраниях коллектива больше молчал и слушал, не вылезая со своим «*особым мнением*», часто кивал, намекая на согласие, хотя до него было далеко, находил нужные слова, чтобы порадовать начальство или ненавистного коллегу, откли-

кался на просьбы, если даже они были противны мне, пропускал мимо ушей обращенные в мой адрес колкости или отшучивался. И видел, как все начинает налаживаться, окружающие меня люди начинают относиться по-другому. Оказывается, так это приятно! Мне уже казалось, что и я овладел в совершенстве «*умением жить*». Но проходило в этой «*благодати*» от силы полгода и всё возвращалось на круги своя. Вновь срывался. Причем, спотыкался на ровном месте, там, где не ожидал опасности. Не иначе, как злой рок. И неизбежен вопрос: может, не стоит ломать себя? Ведь от предначертанного судьбой не убежишь.

Чем, как не злодейством судьбы, можно еще объяснить вот эту историю? Почему именно меня втянула она в свой водоворот? Больше некого, что ли? Вон, сколько людей вокруг!

Сегодня – праздник, наш, профессиональный, местечковый: тот редкий день, когда шеф уехал в областной центр и, скорее всего, не объявится до конца дня. Все раскованы, то есть ничего не делают. Толпами лишь перемещаются из одного кабинета в другой, судача обо всем, что придет в голову. До двенадцати меня в редакции не было: рыскал в поисках материала для очередных публикаций по переделам одного из цехов новотрубного завода. Прибежав, оглядевшись, хмыкнул: мыши гуляют, не чуя кота. Сбегал на пятнадцать минут в кафе, пообедал, вернулся и засел за работу. Работа, чувствую, идет подозрительно споро. Спешу доделать корре-

спонденцию, чтобы отправить поскорее в машбюро: у девчонок – простой и отстучат мой заказ быстро. Половина шестого. Через полчаса – домой. Вычитал с машинки оригинал, отнес ответственному секретарю. Вернулся. Гляжу в окно и вижу, как по противоположной стороне улицы взад и вперед прохаживается жена: ждет, когда закончу работу. Да, пользуясь отсутствием редактора, мог бы и слинять прямо сейчас, но, принципиальничая, упрямо жду своего законного времени и пока прибираюсь на столе, где вечный беспорядок. Встать бы вот сейчас, уйти и ничего бы, возможно, не случилось. Но жду удара судьбы. Ну, а она тут как тут.

Без десяти шесть вечера. Уже встал, достал из шкафа легкую куртку, надел, мельком глянул в зеркало и, увидев, торчащий вихорок на голове, попытался пригладить: не получилось, пучок непокорных волос не хотел ложиться. Плюнул в сердцах и взялся за скобку двери, намереваясь уйти. И ушел бы. Но зазвонил на моем столе телефон. Оглянулся. Кому это понадобился? Неужели жена балуется и звонит из автомата на углу? Ну, чертовка, заслужила выговор. Возвращаюсь, недовольно и непроизвольно гляжу в окно: жена все там же, значит, не она звонит. А кто? Судя по настойчивости, думаю, человек знает, что все еще на месте. Может, ответственный секретарь или первый заместитель редактора из типографии, где подписывает завтрашний номер? Снимаю трубку и с мрачной миной на лице бросаю:

– Слушаю!

– Добрый вечер, Геннадий Иванович. – Слышится в трубке незнакомый мне баритон. Судя по хорошо поставленному голосу, отмечаю, кто-то из высокого, но мне незнакомого, партийного начальства. Смутило, что абонент называет меня по имени и отчеству, значит, звонок не случаен.

– Здравствуйте. – Отвечаю абоненту.

Вновь звучит размеренный баритон:

– Вам позвонил помощник секретаря обкома КПСС…

– Очень приятно, – говорю, – но вам, наверное, нужен редактор.

– Да-да, – соглашается помощник секретаря обкома, – я бы ему позвонил, однако он, как мне сообщили, в Свердловске… Хотел перехватить у нас. В секторе печати сказали, что только-только ушел.

– Может, переговорите с первым заместителем редактора?

– Охотно бы… Набирал номер – никто не отвечает.

– Он – в типографии.

– Я так и подумал. Выходит, вы сейчас – главный по должности.

– Ну, – замялся, – не совсем так: третье лицо в редакции – ответственный секретарь. Позвать?

– Нет-нет, не стоит. Дело, по которому позвонил, ближе вам.

– Хорошо, слушаю.

Пришлось согласиться, а что оставалось делать?

– Полчаса назад на приеме у Юрия Владимировича Петрова побывала группа рабочих Первоуральского завода сантехизделий… Они рассказали отвратительную историю, которая произошла в их коллективе в канун Нового года. – Помощник секретаря обкома детально рассказал о существе истории, а потом добавил. – Юрий Владимирович выразил желание, чтобы лично вы проверили факты, если найдут подтверждение, то считает необходимым написать о них в вашей газете.

– Простите, почему я? Откуда товарищ Петров может знать о моем существовании?

– Не знаю… Не вникал… Возможно, вашу кандидатуру порекомендовали в секторе печати. Я же передаю лишь настоятельную просьбу Юрия Владимировича.

Все-таки продолжаю упорствовать, несмотря на то, что рассказанная история меня зацепила, и начинаю гореть огнем желаний:

– Благодарю за доверие, но я не один в коллективе… Да и не мне решать… Сообщу о просьбе товарища Петрова руководству…

– Делайте, как считаете нужным, – заключил баритон. – Желаю творческих успехов!

Помощник секретаря обкома положил трубку, а я задумался, но лишь на одну минуту. Совсем не хотел выпускать из рук подобные факты, приплывшие ко мне оттуда, откуда ожидать было нельзя. Ведь речь шла не просто о коммуни-

стах заводской парторганизации, а об элите, сливках. Судя по первоначальной информации, в истории замешаны и директор, и секретарь парткома, и председатель профкома. Короче, грязь. А тут уж только дай мне порыться в дерьме! Удача-то какая! К тому же освящена светлым именем обкома КПСС. Раззудись плечо да размахнись рука богатырская! Надо ковать железо, покуда оно еще горячо. Иду к первому заместителю редактора. О звонке из обкома подробно рассказал Борису Пручковскому (не везение, что ли, когда того увидел у себя в кабинете в столь поздний для него час и к тому же почти трезвым?). Пручковский разомлел, услышав, что это поручение обкома и тотчас же одобрил мою идею: завтра с утра заняться историей. И добавил:

– Даю два дня на проверку фактов.

Неслыханная у нас щедрость. И ранним утром уже был на заводе сантехизделий. Поступил хитро: там никому даже не намекнул о звонке из обкома. Но к середине первого дня все заинтересованные лица почувствовали, что обладаю достоверной информацией и, собственно, не задавали вопросов, откуда произошла утечка. Работал столь успешно, что к концу дня весь блокнот был исписан свидетельскими показаниями. Понимая, насколько скандальная история, обезопасил себя: по окончании бесед (а их проводил индивидуально и так, что у людей ничего другого не оставалось, как говорить правду) просил в конце записи расписаться, подтверждая, что сделаны верно. Предусмотрительность нелиш-

няя. Понимал, что действующие лица потом могут отказаться от своих показаний.

К концу первого же дня все события кануна Нового года восстановил в мельчайших деталях. Знал не только, кто, поименно участвовал в истории, но даже то, кто и что говорил или делал, восстановив роль каждого.

Очень коротко суть.

В канун Нового года сливки заводской общественности решили собраться узким кругом и отметить. Собрались не в клубе или красном уголке, а непосредственно в кабинете директора, где накрыли по-царски столы. Щедрость, понятно, не за свой счет: часть денег выделил директор из фондов предприятия, а другую часть – завком профсоюза. Уже одно это – нецелевое расходование государственных средств – являлось грубым попранием принципов социалистической законности, то есть налицо уголовно наказуемое деяние, подпадающее под статью Уголовного кодекса. Но не это для меня главное в истории. Важнейшая ее сторона – нравственная. Не против вечеринок, но не на рабочем же месте! Пейте, гуляйте, а чувство меры не теряйте, не забывайте про свой общественный статус, имейте в виду, что по вам равняются другие, те, которые не относятся к «*сливкам*». Уж не говорю о том, что коммунистам, их авангарду Устав КПСС запрещает вести себя непотребно.

Пикантность вечеринке придавало то, что потом случилось, когда все перепились и перестали понимать, кто есть

кто, где и чья жена или подружка. Точнее – законных жен не было. Были любовницы, исполнявшие супружеские обязанности. А вот и ревность: директор (на правах, видимо, хозяина) стал усиленно обхаживать партгрупорга одного из цехов, молодую и красивую женщину. Глаз, короче, положил. Директор знал, почему эта женщина здесь: начальник цеха, гулявший здесь же, с ней давно спит. Начальник цеха (коммунист и пропагандист, само собой) давно косился, косился да и взъерепенился, видя, как его бабу лапают, а та, слегка повизгивая, лишь похихикивает, очевидно, от удовольствия. Обиженный любовник, хряпнув еще полстакана коньячку, чтобы придать храбрости, встал из-за стола.

– Слушай… ты… Не трожь… Моё!..

Предостережение компания восприняла за шутку: ну, кто, в самом деле, всерьез станет так разговаривать с самим директором? И вечеринка продолжилась, хотя взгляд, брошенный директором в сторону начальника цеха, не предвещал ничего хорошего.

Прошло несколько минут. Начальник цеха, употребив коньячка больше, чем следовало, потерял окончательно над собой контроль. Он забыл, что партгрупорг – не личная, а общественная собственность и может принадлежать как ему, так и с тем же успехом любому другому, тем более директору. Когда смазливая бабёнка попыталась взгромоздиться на колени директора, начальник цеха подошел к парочке и попытался их разъединить, оттащить в сторону изрядно

захмелевший слабый пол. Женщина не хотела этого и стала упираться и брыкаться. Директору не понравилось примененное насилие к его новой пассии и он, заехав кулаком в харю начальника цеха, сбил с ног. Начальник цеха, оскорбившись окончательно, резво вскочил на ноги и… Потасовка с кровопусканием. В драке поучаствовали все, в том числе секретарь парткома и председатель завкома профсоюза, а также постоянная любовница директора, изрядно поцарапавшая милое личико своей нежданно-негаданно объявившейся соперницы-партгрупорга. Больше всех, ясное дело, досталось начальнику цеха, так как основные физические силы оказались явно не на его стороне. На полу оказалось всё, что было на столе: тарелки, вилки, бутылки. Утром следующего дня, когда в кабинет директора зашла уборщица, ее глазам предстала во всей красе картина вчерашней вечеринки.

История дикая, хотя и не столь уж редкая. Зов природных инстинктов. Самцы бьются за право обладания самкой. И тут уж не до нравственности.

Управился с задачей за один день, но все-таки на другое утро, не заезжая в редакцию, вновь отправился на завод сантехизделий: оставил на десерт встречу с главным фигурантом истории, первым поднявшим руку на своего подчиненного. Директор, вижу, встревожен, хотя и пытается держать себя в руках и не показывать вида, что его уж сильно так волнует мое «*следствие по делу*». Директор сидит в кресле

вальяжно, отвечает на мои прямые вопросы неохотно, объясняя, что с ним пытаются свести счеты недоброжелатели, собирая на него грязь. И даже поучает:

– Не дело партийного журналиста копаться в помоях и идти на поводу у клеветников.

После обеда уже был у себя. Не откладывая в долгий ящик, засел за статью. Заголовок пришел сам собой – «В своем пиру похмелье».

Часа через два в кабинете объявились ходоки. Как объяснили, от лица трудового коллектива. Творческий мой процесс прервали. Пришлось выслушивать их аргументы и факты. Как догадался, защитники прежде побывали в горкоме КПСС, где к ним отнеслись с пониманием, но отправили улаживать дело непосредственно в редакцию. Разговор для меня совершенно бесполезный, но ничего не поделаешь. Спрашиваю:

– Что вы от меня хотите?

Защита мнется, а потом объясняет, что коллектив, уполномочивший их вести переговоры, не заинтересован в придании гласности истории с вечеринкой.

– Очень жаль, – говорю в ответ, – но в данном случае у вашего коллектива и у меня интересы разные.

– Мы – коммунисты, – прозрачно намекают мне, – и потому интересы общие – партийные, – и напоминают. – Авторитет трудового коллектива, партийной организации важнее чьих-либо амбиций, в том числе ваших.

Ходоки чувствуют, что их миссия – провальная, что им не удается меня переубедить. Заходят с другой стороны.

– Понимаем, – говорят, – что потрачены большие усилия на сбор материалов, что, как автор, вы не хотите терять гонорар, но коллектив в долгу не останется.

– Предлагаете взятку? – Спрашиваю их.

– Нет. Мы предлагаем компенсацию материального ущерба и морального вреда – это естественно и понятно.

Дальше отказался вести разговор. Защитники ушли. Как понял, к редактору. Минут через двадцать вызывает Леканов. Иду. В кабинете, смотрю, все те же лица. Понимаю щекотливое положение редактора: директор завода сантехизделий ходит в приятелях у первого секретаря горкома КПСС, на охоту, например, вместе ездят. И прочее.

– Я считаю, – говорит с порога Леканов, – к мнению коллектива стоит прислушаться.

– К какому именно мнению, – интересуюсь, – мы должны прислушаться?

– То есть? – Леканов смотрит на меня и не понимает.

– У коллектива, как понимаю, два и полярно противоположных мнения.

– Там – не мнение, а клевета, – бросает кто-то из ходоков.

– Это вы так считаете, – возражаю, – а у меня другая точка зрения.

– Люди, – Леканов имеет в виду «ходоков», – известные и уважаемые в городе. Какие у тебя основания им не верить?

– Я верю фактам. – Твержу в ответ.

– Каким фактам?! Тем, что сообщили из обкома, что ли? – Уже возмущенно бросает мне в лицо редактор. Понимаю, что он имеет в виду. Точнее – догадываюсь, что последует далее. – Кстати, – говорит Леканов и подозрительно смотрит на меня, готовясь, как он считает, нанести решающий удар, – никакого звонка из обкома не было.

– Я знаю. – Спокойно (так, что ни один мускул не дрогнул на лице) ответил ему. О том, что кто-то меня очень ловко «*прикупил*», догадался еще в первый день пребывания на заводе сантехизделий. Имел даже подозрения весомые, кто конкретно автор провокации. Несмотря на это, историей не перестал заниматься. Почему? Потому что уже не имело значения, откуда был звонок. Главное для меня – история абсолютно правдивая.

– Ну, вот! – Чуть ли не в голос восклицают ходоки. – Чистой воды провокация!

– Звонок был и это главное, а кто звонил и откуда – сейчас для меня не имеет никакого значения.

Леканов разочарован: главный аргумент не сработал, выстрел оказался холостым и не достиг цели. Подумав, спрашивает:

– Знаешь, кто звонил?

– Сейчас, да, знаю.

– Кто этот человек?! – вырывается из ходоков.

– Не скажу. Пусть это останется моей тайной.

Леканов злится и решительно стучит ладонью по столу.

– Раз звонка из обкома не было, и ты поддался на провокацию, то в статье нет никакой необходимости.

– Вот как? Причем тут обком? Для журналиста не то важно, откуда поступила информация, а то существенно, насколько она соответствует действительности. Я, заметьте, ни разу не сослался на звонок обкома. Итак, у меня вопрос к защитникам: была пьянка в кабинете директора, причем, за государственный счет, или нет? Следующий вопрос: были среди участников попойки любовницы руководителей завода или нет? Наконец, последний вопрос: было или нет мордобитие под пьяную лавочку? Если вы сможете мне отрицательно ответить на три вопроса, то откажусь от статьи. – Ходоки промолчали. – Что и следовало доказать… Поэтому, – встал и направился к выходу, – дальнейшая дискуссия неуместна.

– Постой. – Остановил редактор. – Не понимаешь, что статья все равно не появится, если я не захочу, в газете?

– Надеюсь, пока есть хоть один шанс.

– Ни одного! – Выкрикнул Леканов.

– Посмотрим. – Самоуверенно сказал и вышел.

Одно меня утешало: сдержался и не позволил выплеснуться наружу моим эмоциям. Внутри, ясно, все клокотало.

Не питая иллюзий, статью написал. Написал обо всем откровенно. Действующих лиц выписал с документальной точностью. Досталось всем – от директора и секретаря парткома до их любовниц. Не пожалел никого.

Статью сдал в секретариат, честно исполнив свои непосредственные журналистские обязанности. Стал ждать. Через два дня редактор вызвал к себе и сказал, возвращая рукопись:

– В таком виде – не пойдет.

Иронично спросил:

– А в каком виде пойдет?

– Ты всех вывалял в грязи. Патология у тебя, что ли, всё и всех видеть сквозь темные очки?

– Народ обязан знать своих негодяев в лицо.

– Ну-ну! Все негодяи, а ты один такой весь из себя… хорошенький.

– Не обо мне речь.

– Я все сказал! – Выкрикнул Леканов и отвернулся к окну.

– Не понимаю…

– Ну, и дурак!

На этом расстались. На другой день Леканов вновь вызвал (статью не взял, а оставил у него на столе) и уже спокойно предложил вместе поработать над текстом: возможно, мол, тогда что-нибудь получится.

Не получилось. Леканов решил выхолостить статью, и в результате она теряла всякий смысл. Воспротивился. Отказался портить материал. Пусть в таком случае, заявил, статья летит в корзину.

– Пусть. – Согласился редактор.

Отказаться от борьбы? Признать поражение? Ну, нет!

Не все шансы еще использовал. Когда в кабинете не было никого, позвонил в сектор печати обкома КПСС и рассказал всю историю В. Ф. Дворянову – от начала и до конца. Не утаил и того, что позвонивший в редакцию воспользовался именем секретаря обкома. Выслушав, последовал вопрос:

– Какие претензии к статье: по форме, стилю или содержанию?

– Факты проверил. Установил, что имели место. К качеству материала у редактора нет претензий. Он лишь считает, что нельзя порочить коллектив.

Больше ко мне вопросов не было. Сижу и жду реакции. Она не замедлила. Без пяти шесть вечера, когда собирался идти домой, у меня зазвонил телефон. Снял трубку. Слышу захлебывающийся слюной голос редактора. Понял, что требует сейчас же доставить в типографию оригинал статьи «В своем пиру похмелье». Осторожно интересуюсь:

– Номер все еще не подписан «в печать»?

– По твоей милости! – Кричит в ответ редактор и бросает трубку.

На другой день первоуральцы, развернув очередной номер газеты «Под знаменем Ленина», могли прочитать скандальную статью «В своем пиру похмелье». Причем, практически, без обычной редакторской правки.

Что же произошло? Как потом мне стало известно, из обкома КПСС позвонили Михаилу Морозову, первому секретарю горкома и сообщили, что у статьи «В своем пиру похме-

лье» имеются два варианта увидеть свет и горком вправе сам решить, который самый подходящий: либо статья публикуется в городской газете, либо она завтра появится в областной газете «Уральский рабочий». Первый вариант для Морозова оказался предпочтительнее и он дал указание Леканову, чтобы в завтрашнем же номере статья появилась. И она появилась.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Орган Свердловского обкома Коммунистической партии Советского Союза и Свердловского областного Совета депутатов трудящихся

Четверг, 29 сентября 1977 года | Годовой абонемент в 1977 году | Экз. 2 коп.

Под алым стягом Октября

ПЕРМИНОВЫ

— Девястым наши интересуют? — вопросили заместитель секретаря парткома станции Кунара Г. И. Пресняков. — Их у нас десятки. Да вот хоть Перминовы. Тут какую прикинуть, посчитай и выходит: самые пятьсот лет в общей сложности проработали на железнодорожном транспорте члены этой семьи. И всё на Свердловской дороге.

Мы вошли в небольшой, но очень чистенький домик. На скатерть заваленный, на стеклянная — масса разных аппаратов. За одним из столов, склоненным над прибором, сидел еще молодой мужчина — широкоплечий, с густой шапкой волос, мясистый и добрым сосредоточенным лицом. Хозяин настоящего представился:

— Анатолий Андреевич Перминов, радиомеханик.

Когда же узнал о цели нашего прихода, то немедленно, как-то по-мальчишески смутился, многое заговорил его щёки:

— Я не тот, кто вам нужен, — сказал я, заметив наше недоумение, поместил. — Не оправдал отцовские надежды. Столько лет прошло, а все чувствую себя виноватым.

— И какая такая ваша вина?

— Двадцать лет назад закончил школу. Быть машинистом-помощником, куда, в чему меня тянет. Я тогда прямо в сказал: хочу, мол, на локомотив.

Хотель с отцовского лица как сразу сказал тяжко, более услышать другое!, весь расстроился радостью, сказал:

— Спасибо тебе, сынок, осчастливил. Что ж, пригожай на комиссию, поступай на курсы. Да смотри, учись прилежно. Не огрешись.

Посадил мальчишка в Свердловск стал медицинскую комиссию проходить. Побывал у нашего брата — получил добро, у второго, третьего — допустили, а у четвертого застопорили, дескать, давление крови повышенное, в службе движения работать нельзя. Со слезами уехал парнишка домой, на вокзале, как был. Но с малышкой, как жестко, много не поспрошь. Сказали нет — и точка.

Вернулся Анатолий он с чем. Огорчился тогда, что так внезапно получилось, но виноватым не выделялся: профессию все-таки мало получить. И вновь Анатолий на курсы радиомехаников. Закончил их успешно, стал обслуживать радиосвязь на родной станции. Пошли годы. Сегодня А. А. Перминов — опытный механик, первоклассный специалист. Хотя и на пенсии пришел в работу молодой. Направили его знаком «Победитель социалистического соревнования 1976 года», есть медали, грамоты разные.

— Вы уж лучше о деле расскажите, — сказал на прощание Анатолий Андреевич, — сложный он, горящий, мы. Хочется хоть чуток быть похожим на него. А это так трудно!

Давным-давно, почти полтора века назад, произошло примечательное событие: на Среднем Урале появилось на свет уникальное детище русской техники — первый паровоз Черепановых. Примерно в то же далекое время взяло начало трудовая семья потомственных железнодорожников Перминовых.

В отжившие годы прошлого столетия — рассказывает кавалер ордена Ленина и Трудового Красного Знамени Андрей Семенович Перминов, — мой дед Ленин Александрович жил в Нижнем-Тагиле. Тогда там только что зарождалась промышленность. Естественно, и железнодорожный транспорт.

Позднее дед рассказывал внуку, что сел железнодорожником случайно. Бур был, себе разлюбил, где работать, ломал бур — и сел в конной проходке. Кормить в семье было много, а кормилец один. На транспорте же платил платным рублем. Хотел Ленин Александрович машинистом, да ему отказали: мал ещё был. Определили в кузнецы. А тут — помощник, бензиллером назначили. Как-нибудь, в грамотейка у него имелась: успел закончить два классы церковно-приходской школы. По тем временам — большое дело.

Дедом он работал. А когда настало время отпустить деду своего сына Семена (отца А. С. Перминова), то Ленин Александрович сказал:

— Не довольно мне. Сени, машинистом быть. Жалко, конечно. Не ты помрешь, а за мною отработанно. Пойдем к начальнику, условимся на перевод. Пока мне помощником поездишь. Показывать себя — быть тебе в помощниках.

Так как начинал трудовую жизнь Семен Ленинович — представитель второго поколения, быть Перминовым. Помощник — быть. Время-то какое: сновала первая мировая война, потом революция, гражданская. Но он не вешал, работал.

— Ну, а я уже третий из Перминовых, — заметил Андрей Семенович. — По совету отца тоже начал с азов. По первости — в 1924 году — устроился в депо станции Кунара, кочегаром. Когда почувствовал, что знаю устройство локомотива, подрослся на паровоз.

Несколько лет ездил кочегаром, в 1930-м доверили быть помощником, через три года сел машинистом на машинисты. И вот что примечательно: не проработав и года машинистом, я в ночь принял поезд. Прилепи лучшим паровозником Свердловской дороги. Вручили памятный знак и удостоверение. После было немало наград, но самая дорогая для ветерана — орден Ленина. Она стала как бы венцом всего, что сделал А. С. Перминов за 43 года, которые он посвятил железнодорожному транспорту. Сейчас он на заслуженном отдыхе, но в старинной для на синий из этих рабочего поселка то и дело заглядывает радость.

Пришли шоферы. Просят для школьного музея исторические реликвии. Отдал ребятишкам даже то исходатые почетные грамоты, грамоты отличного, которые всегда хранил особенно бережно, новый поезд.

Радует в дом. Старшая сын Юрий Андреевич на родные орешки, в Серов, трудится машинистом тепловоза, другой сын Анатолий Андреевич — радиомеханик на станции Кунара, здесь же оператором по постановлению отмотра вагонов, дочь Людмила Андреевна, Невестка Наталья Алексеевна, заочница Вознесенский железнодорожный техникум, стала техником-путейцем пути. Внучка Ирина сдочь А. А. Перминова поступила в медицинское училище. Детей железнодорожников, говорит, будут жить.

В последнюю нашу встречу А. С. Перминов же мне сказать о последней своей радости.

— В эти дни хуже себя чувствую. Сердце стало пошаливать, будь оно неладно. А сегодня вот посетили, Внук мой любимый, Вячеслав, учится в Свердловске, мечтает сдать на помощника машиниста тепловоза. Окончил железнодорожный техникум в июне. Как мечтал, ежегодно с дипломом выдали и документ на право работать на локомотиве. Так вот он должен подтвердить это право. Тут уж не до болезни. Счастье-то какое! Перминовы продолжают жить, уже пятое поколение пришло на железную дорогу. Что, может быть для меня дороже?!

Г. МУРЗИН.

Мнительному человеку всегда что-нибудь да кажется. Не первый год в редакции популярнейшей в области городской газеты, более того, с корреспондента дорос уже до заведующего отделом партийной жизни. Однако комплексы одолевают. Всё кажется, что тексты пишутся не мастерски. Чтобы самоутвердиться, Геннадий Мурзин посылает наверх, то есть в еще более авторитетное издание, крупный очерк. И... принципиально важный материал публикуется.

Проглотили бы, да подавиться опасаются

Есть ли смысл упоминать, что после этой истории в горкоме стал и вовсе персоной NON-GRATA? Будто острая кость в номенклатурном горле застряла: ни проглотить, ни выплюнуть. Проглотили бы, еще как проглотили бы! Но вынуждены придерживаться внешних приличий. Потому что их коснулась цивилизация, в отличие от тех, кто правил глухой провинцией (например, в Шале). Охотно придрались бы, но нужен был повод, а его (кажется, об этом уже упоминал) не давал. Понимал: ждут, когда поскользнусь на чем-либо (например, на арбузной корке, брошенной кем-то под ноги), поэтому соблюдал предельную осторожность – как на работе, так и в личной жизни.

Значит, не любят? И не надо! Насильно мил не будешь. А работать все равно надо.

Приятно удивил меня Михаил Морозов, первый секретарь. Кривясь от боли, которую причинил ему и его другу, созвал внеочередное заседание бюро горкома КПСС (заседание проходило в закрытом режиме, поэтому на нем, кроме членов бюро, никого не было – ни инструкторов, ни заведующих отделами, не присутствовал и редактор), на котором была рассмотрена статья «В своем пиру похмелье». В редакцию принесли выписку из постановления бюро. В документе на-

счет автора или позиции газеты, опубликовавшей скандальную статью, не было ни слова – это уже хорошо. Предпочтительнее, если б… Надо уметь было довольствоваться малым. Зато содержалось прямое осуждение в адрес героев публикации, то есть организаторов предновогодней пирушки. Первые лица – директор завода, секретарь парткома и председатель завкома профсоюза – привлечены к персональной партийной ответственности.

Леканов с большой радостью опубликовал документ под рубрикой «По следам наших выступлений». Что ж, еще один его вклад в копилку принципиальности, действенности и эффективности газеты «Под знаменем Ленина». Леканов принимал поздравления читателей и был на седьмом небе от счастья. Будет ли еще случай, когда по отдельно взятому материалу соберется заседание бюро и будет принято персональное постановление?

Итак, настала вокруг тишина… Надолго ли? До следующей бури, которая, как предполагаю, не за горами. Ищи и обязательно найдешь приключений на… Ибо «покой лишь только снится».

Наступил 1978-й. Скучаю оттого, что уж слишком покойно и ничего со мной не случается. Одно утешает: через несколько месяцев закончу учебу и стану дипломированным специалистом, как и все вокруг меня.

Чувствую, как кто-то толкает меня под руку, чтобы сделал что-то этакое, отличное от привычной редакционной ру-

тины. Слежу за центральной партийной прессой, особенно за дискуссиями в газете «Правда». В ней встречается перчик, а это очень мне по нраву. Не то, что в областной газете «Уральский рабочий» или в журнале «Партийная жизнь». В этих изданиях иногда также мелькает нечто дискуссионное, но не то, нет, не то, что в «Правде»: не хватает остроты, того самого мною обожаемого перчика. В них дискуссия проходит примерно так. Один говорит: «Партийные организации с каждым днем крепнут, повышая авторитет и значимость в коллективах». Оппонент категорически не согласен и возражает: «Партийные организации не просто крепнут, а становятся монолитом, единым организмом и, пожалуйста, коллега, не затушевывайте очевидного. Авторитет их не просто „повышается“, как вы изволите выражаться, а становится неизмеримо более высоким день ото дня».

Интуиция мне подсказывает: нужны публичные дискуссии, в том числе по таким коренным вопросам, как дальнейшее совершенствование форм и методов внутрипартийной жизни, повышения роли в ней каждого коммуниста. Вижу, знаю, что все больше членов КПСС уходит в пассив, обосновываясь на галерке жизнедеятельности первичных партийных организаций, все меньше принципиальной критики на собраниях, все больше словоблудия об успехах и достижениях, больше и больше коммунисты становятся корыстолюбцами, хапугами, набивающими личные карманы за счет государства, но этим явлениям в партийных организациях

не дается принципиальной оценки. Вот о чем, считаю я, надо откровенно и открыто говорить в партийной печати.

Все чаще и чаще в голове вертится вопрос: смог бы затеять дискуссию о чем-то подобном? Ну, сам себе отвечаю, «*затеять*» можно все, что угодно, а вот провести… Удастся ли? Нет, не для галочки в творческом отчете, а для пользы дела. Созрел ли? Хватит ли ума и сил? Очевидно, что будет противостояние. Потому что поперек течения, вопреки устоявшейся практике восторженно кричать об успехах и вскользь, походя об «отдельных недостатках». Чувствую, что готов к боям, но как отнесется редактор? Поддержит ли инициативу?

Сажусь и начинаю разрабатывать подробный план газетной акции. К редактору надо идти во всеоружии, а иначе получишь от ворот поворот. Придумал и главную тему разговора, обозначив ее тремя словами, заканчивающимися не точкой, а вопросом, – «ТВОЯ ПОЗИЦИЯ, КОММУНИСТ?» Именно в отсутствии какой-либо позиции, считал, и кроется корень зла. Только неимение позиции рождает равнодушие и инертность в партийных организациях, тупой формализм.

Честно признаюсь: излагая редактору тему читательской дискуссии, тщательно избегал собственных опасных мыслей, чтобы его не напугать. И поэтому редактор даже не мог себе представить, во что на самом деле выльется дискуссия. Редактор, испытывая сильное душевное волнение, согласился-таки с идеей. Убедил также его: для затравки, что-

бы к дискуссии привлечь сразу как можно больше коммунистов и беспартийных, чтобы создать фон, на котором в дальнейшем пойдет разговор, опубликовать острое читательское письмо на обозначенную тему.

– Где возьмешь такое письмо? – Спросил Леканов. – Сам, поди, собираешься сочинить?

– Нет, не сам. – Поспешил успокоить шефа. – Письмо уже есть.

– Откуда?.. Самотёком?

– Да. Письмо остро ставит проблему, но не хватает конкретных фактов, поэтому намерен встретиться с автором и помочь дополнить, углубить и, возможно, за счет этого обострить.

– Не пенсионер?

– Вальцовщик новотрубного завода.

Редактор просиял.

– Ну, ты… – Леканов, очевидно, хотел меня похвалить, но вовремя спохватился. – Везучий ты, мужик! Такого автора заполучил.

Усмехнувшись, ограничился коротенькой репликой.

– Везет тем, кто хочет делать дело.

Письмо читателя, давшее повод для разговора, получилось недлинным, но предельно конкретным и необычайно честным для того времени. В нем автор каждую мысль подтверждал примером из жизни своей первичной партийной организации, не пощадив никого из своих товарищей по пар-

тии.

В день выхода газетного номера с этим письмом (оно было сопровождено приглашением поучаствовать в разговоре всех читателей городской газеты, просьбой присылать отклики) Леканов чувствовал себя именинником. Видимо, готовился принимать лавры. Мне же не сказал ни одного слова похвалы или одобрения. Получалось, что это всё он придумал и организовал. Ну и пусть. Когда-нибудь сочтемся. В конце концов, не ради похвал затеял дискуссию. К тому же рано радоваться: сделан лишь первый шаг. Надо посмотреть, что будет потом, когда завершится дискуссионный разговор.

Дошел до меня слух, что одобрительно отозвался о письме коммуниста, опубликованном в газете, заведующий организационным отделом горкома КПСС, который выразился в том смысле, что тема крайне актуальна, что газета правильно сделала, придав письму столь важное значение, однако, посетовал он, в письме отсутствует позитив, значит, перекос в сторону критики. Ну, это так, кстати.

И вот почти в каждом номере на второй странице стали появляться дискуссионные материалы под рубрикой: Продолжаем разговор «Твоя позиция, коммунист?»

Конечно, это был результат моей организационной работы. Потому что газета «Под знаменем Ленина», несмотря на обильную редакционную почту, не могла похвастаться большим числом писем, приходящих самотёком, на темы партийной жизни. Да, писем таких стало больше, но все рав-

но недостаточно.

Интерес к дискуссии приходилось все время подогревать. Как? Ну, разными способами. Скажем, обращался (лично и по телефону) к секретарям партийных организаций с просьбой обсудить на партсобрании тот или иной читательский отклик (сами бы вряд ли догадались) и прислать в редакцию короткий отчет о результатах. Действенный способ – столкновение мнений, то есть опубликование рядом двух писем, содержащих полярно противоположные мнения на одно и то же общественное событие, на одного и того же человека. Третий способ – это разговор за «*круглым столом*», где сознательно избегал какой бы то ни было парадности или словоблудия, так присущего коммунистам той поры. Я, как ведущий за «круглыми столами», естественно, старался предельно обострить разговор по теме, вызвать партийный актив на откровенное обсуждение. Тяжело, но удавалось. Удавалось раскачать даже секретарей партийных организаций, чтобы те переходили от общих слов к конкретным вещам, и они, в пылу дискуссии, позволяли себе говорить то, что в любой другой обстановке никогда бы не отважились произнести вслух.

Удачно построить разговор за «*круглым столом*», оживить присутствующих – полдела. Ничуть не проще было добиться, чтобы отчет со встречи за «*круглым столом*», в котором проблемы были обнажены мною до крайнего предела, появился в газете в том виде, в каком бы я хотел. Каждый

раз отчаянно сражался за каждое предложение, а редактор с не меньшей настойчивостью стремился сгладить острые углы. В схватках доходило до того, что редактор меня обвинял в антипартийности, в сознательном очернении действительности, что пытаюсь протащить в газету всякую грязь, но он этого мне не позволит; я в долгу не оставался и обвинял редактора в трусости, в попытках лакировать действительность. Ярость моя была настолько, видимо, сильная, что редактор уступал. Правда, не всегда.

Особенно жарко поспорили по поводу, как сейчас помню, отчета со встречи за «*круглым столом*», проходившей в парткоме Первоуральского хромпикового завода, где, наравне с другими, участвовал и секретарь парткома. Леканов цеплялся к каждому факту, стараясь ослабить остроту разговора, но особенно взбунтовался по поводу одного инцидента, о котором рассказал один из участников той встречи. История такова: в одном из магазинов самообслуживания задержали коммуниста (называлась конкретная фамилия), который пытался, спрятав за пазухой, похитить дорогостоящий шарф, как он объяснял, хотел порадовать подарком жену. В ходе дискуссии завязался спор даже не о факте кражи, а о той реакции, которая последовала, когда персональное дело обсуждалось на партийном собрании. Оказалось, что у воришки с партбилетом в кармане немало нашлось защитников, возможно, единомышленников.

Редактор требовал убрать этот факт или, на худой конец,

смягчить формулировки и не делать из одного случая далеко идущие выводы. Я упрямо отказывался, считая, что подобные случаи как раз и придают остроту дискуссии, поскольку есть конкретная пища для нее. Отстоял, но все-таки с некоторыми, признаюсь, потерями.

Словом, дискуссии на страницах газеты предшествовали мои ничуть не менее жаркие споры в редакции. Видимо, в угоду редактору, позволял себе прохаживаться с критикой по материалам газетной акции на летучках и первый заместитель редактора Борис Пручковский. Ну, это известный подпевала. За счет этого качества и так долго держался в должности. Иначе никто бы не стал смотреть сквозь пальцы на его вечно хмельную физиономию. Впрочем, у Пручковского тут был личный интерес: хоть и косвенно, но читательская дискуссия касалась и лично его «*жизненной позиции*». Его «*боль*» была мне понятна и объяснима.

Боюсь, личными мотивами объяснялось и упрямство коммуниста-редактора, у которого с позицией также не все ладно. Понимал, что и у него рыльце в пушку. По мелочам, а все же. Вспомню, как в редакции распределялось авторское вознаграждение или тот же фонд редактора.

Не предполагал (уж в который раз) Леканов, во что обернется жаркая дискуссия в газете. Но джин вырвался из амфоры, а обратно он загнать его не в состоянии: не хватает власти, а еще и отваги.

Долгая дискуссия (семь месяцев) подошла к концу. Надо

подводить итоги. Согласно плану, должна завершиться большой статьей первого секретаря горкома КПСС, в которой бы были расставлены (теперь уже официально) еще раз акценты. Пошел к редактору. Сказал, чтобы тот сходил к Морозову и договорился. Леканов замахал руками, отказываясь даже затевать разговор с первым секретарем (видимо, кое-что знал об истинном отношении в аппарате горкома к дискуссии). Что ж, сказал, придется мне пойти, хотя и не по чину, но ничего не поделаешь.

Леканов самодовольно хмыкнул.

– Иди-иди… Ждут… Давно уж…

Понял второй смысл, но пошел. К удивлению, Морозов сразу принял, как только ему доложили о моем приходе. Выслушал молча. Подумал какое-то время и сказал:

– Ну, вы сами изладьте статью… Приносите… Я подпишу.

– Но это уже будет моя позиция. – заметил в ответ.

Морозов многозначительно улыбнулся и спросил:

– Вы думаете, что моя позиция в чем-то отличается от вашей?

– Нет… Наверное… Но…

– Значит, договорились.

Получив свободу, развернулся и сделал итоговую статью такой, какой я хотел. Статья получилась большая, на всю вторую страницу. И акценты расставил там, где хотел. Потом несколько дней шлифовал статью. Доведя до кондиции (кстати, об особом механизме работы над статьей ни с кем

не обмолвился и словом, сохранив в тайне даже от корреспондентов отдела партийной жизни), с материалом пошел к Морозову. Тот бегло пробежал текст и попросил оставить на вечер. На другой день вновь был у первого секретаря. Он вернул статью в первозданном виде и с подписью. Пришел в редакцию. Стал разглядывать. Оказывается, замечаний нет, ни одного. Впрочем, кое-где на полях нашел авторские пометки-возражения, которые крест на крест были перечеркнуты. После подписи рукой автора было приписано: «Прошу редакцию не обращать внимания на мои пометки на полях».

Значит, даже эти немногие возражения автор посчитал нужным снять? Подумал: видимо, результат раздумий. Рукопись сдал в секретариат. Через час прибежал редактор и с порога…

– Так… Сам Морозов?.. Уже?..

Когда-то он, а теперь я в ответ усмехнулся.

– А чего вы хотели?

Редактор закрутил головой, не зная, о чем еще спросить, и ушел.

В следующем номере статья Морозова появилась в газете. Ее править Леканов не решился.

Так была поставлена точка в одной из газетных акций, проведенных мною лично и, считаю, успешно. Точнее – считал. Но не знал, что впереди ждет большой сюрприз. Меня и всех остальных. Для меня сюрприз явился приятной

неожиданностью, для завистников – жесточайшим огорчением, для редактора – растерянностью и недоумением, для местного партийного начальства – удивлением. Что тут скажешь? Лишь одно: каждому – свое.

И все-таки не могу себе представить, что редактор, человек, несомненно, умный и опытный, не сумел оценить по достоинству, понять, что в газете произошли серьезные изменения и эти изменения связаны с работой по-новому сотрудников отдела партийной жизни, с работой не по привычным шаблонам и трафаретам, а творчески. Это же происходило на его глазах, каждодневно. Что за куриная слепота?! Мне – очевидно, а редактору – невероятно? Кто-кто, а Леканов знал практически и теоретически, как сложно, почти невозможно найти способы и сказать в газете по-журналистски увлекательно что-то новое в заскорузлых и замшелых, обремененных уставами и инструкциями, темах партийной жизни. Знал и не увидел, что за каких-то три года его газета стала любимой и увлекательно любопытной для коммунистов и беспартийных трибуной обсуждения злободневных проблем общественной жизни, обсуждения острого, всестороннего, принципиального и заинтересованного, что газета говорит теми же словами, что и раньше, но не так, совсем не так, что слова эти звучат больно и горько, но от этого как-то дышится легко, будто дохнул свежего воздуха, выйдя из смрадного закутка.

Как ни странно, редактор не понимал, что его газета

в этом смысле интуитивно, возможно, случайно опередила свое время.

Впрочем, что теперь об этом думать?.. Вернусь-ка к тому самому сюрпризу, подготовленному мне судьбой.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Орган Свердловского обкома Коммунистической партии Советского Союза • Свердловского областного Совета народных депутатов

Газета основана в 1907 году | № 173 (19657) | Цена 3 коп.

САМОУСТРАНИЛИСЬ...

Ноябрь. Напротив машинно-тракторных мастерских Утяшинской МТС — оживленная группа людей, человек 18. Бьют дрелью, другие заваривают, клепают, красят... Ремонтируют второй трактор. Сфотографировать бы это — в качестве примера, сравнения сказать одно из тех, — мол, вот как надо, вот как мы — все вы тут занимаемся, как таким-то занимаемся...

Но стоит ли? Ведь дальше, вроде, уже отремонтировали эту машину, когда в хозяйство немедля нагрянули из совхоза. Сначала взяли у шефов — металлистов Ленинского завода — пятьдесят квалифицированных, в почти два десятка раз ремонтировавшихся, мастеров. Потом — рабочих и инженеров.

Разным путем они — рабочие Волжского экспериментального завода строительно-дорожных машин — приехали на этот колхоз. Гарри, в младшем классе до дрожи в коленках боящийся двоек, в этом тракторной школе. Механик пионерлагеря, с подъемом и задором, что ли, правит подлому не раз-два, чтобы не сломался, — ребятишки работают возбужденные даже. А путь, который они совершили вот-вот на бывшей — бывшей 38 километров.

С ЧУДАН! Не этот факт! Отнюдь. Таков происхождение — что ли, не каждый день. Тут-то бы вмешаться депутатам Новотуминского поссовета, взять под неослабный контроль ход заготовки кормов для общественного животноводства. Ведь есть же в области примеры, когда на взаимных производственных участках в такую страдную пору создают временные депутатские посты, которые строго следят на тепловых сенокосилках и закладной силосной, но в качестве проведения работ, предотвращают нарушения норм. Использовать бы этот опыт новотуминцам.

— Мы в этом направлении практически еще ничего не сделали, — сказала секретарь исполкома Новотуминского поселкового Совета М. И. Верещагина.

В начале июля состоялся Пленум ЦК КПСС, который провел постановление о дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР. В этом важнейшем политическом документе подведены задачи и для народных избранников. Как же отреагировали в Новотуминской? Нет. Через несколько дней после пленума. Поверхи ЦК исполком поссовета собрался на свое заседание. На нем (не удивительно ли?) слушали информацию коллектива гараждоедов, обсуждали вопрос сбора и отгрузки лома черных и цветных металлов, вопрос улучшения работы ремонтной бригады товарищества. Но ни одного слова о том, что намереваются сделать, чтобы исполнили, все депутаты для практического претворения в жизнь решений июльского Пленума ЦК КПСС.

Тогда мы проходили день депутата. И на нем говорили обо всем — о благоустройстве, выполнении наказов — но только не об оказании помощи сельчанам. Должно было состояться заседание постоянной комиссии Совета по сельскому хозяйству. Планировали на нем заслушать информацию руководителей Новотуминского мясного совхоза о том, как начались сенокосная страда. Но и эта — единственная палка — не выполнена.

Зеленя совхоза лежат на территории Мелькомбинатского Совета. Добров дело сделали народные избранники Нижнего Села. Они обошли пенсионеров, доказывали, договаривались с ними, объяснили трудности нынешней сенокосной страды. Сигналили, словом, выйти дружно в одну из суббот на заготовку кормов. И вот результат: вместо двух тонн, предусмотренных заданием, Нижнесельский Совет заложил на силос и сенаж 17 тонн зеленой массы. Если бы все так...

Да если бы так не поступили исполком Новотуминского поссовета Совета. Но он за 20 дней июля не заготовил ни одного килограмма травы.

Дружно этот вопрос рассмотрели на ближайшем заседании исполкома — уговорила М. И. Верещагина.

— Если бы нужна была наша помощь, — вторит ей заместитель председателя исполкома Г. Н. Борошнин, — то директор совхоза обратился бы к нам, а он, понятно, не, потому бы безучастными.

Такая логика, отправной тезис, не очень к лицу руководителю. Стоит ли ждать кроме и помощи? Почему бы самим не пойти в совхоз, на познакомиться с положением дел, не собрать депутатов да и не призвать их к личному участию в страде. Ведь помощь такая, ой, как нужна совхозу. Можно, к примеру, исполкому Совета собраться на производственное заседание, пригласить на него всех руководителей цифирующих предприятий и организаций, которые не очень добросовестно выполняют обязательства по отношению к сельчанам, спросить с них и проконтролировать.

Тут и постоянной комиссии непочатый край работы, среди их чванок, к примеру, есть работником новотуминского завода «Искра». Разве не на пользу и руководителям цехов и участка, помощу комсомольцам, все еще рассиживается, затянувшись зеленой массой, 43 гектара из 600 по закону. Уж не собирается ли они, как и прежде, гнить до конца августа?

Нужны, конечно, временные депутатские посты на мостах и полях. Особенно они могут помочь в контроле за качеством закладки кормов, в борьбе за рациональное использование угодий. Рабочие того же Большебрагского экспериментального завода строительных конструкций и деталей рассказывали, что качество тракторной косилки не влияет под корень травяные стебли, а лишь вырывает (ошибка): очень уж не высоким сразу работает. Такое происходит, замечали люди, из-за бесхозяйственности, чьнной требовательности. Это и подрывает хорошую инициативу, когда в погоне за количеством убранных гектаров забывают о том, сколько заложили гектаров на силос, сенаж.

Трудно приходит оценка сенокосная страда. Погода не бывает сельчан. И это их травит.

Нам необходимо заготовить полуторагектарный запас кормов, — рассказывает трактористка Новотуминского совхоза С. В. Большакова. И сожаление, что депутаты в достаточной степени пока не участвуют в деле развития сельского хозяйства, укрепления экономики совхозов — одна из важнейших задач любого Совета, в том числе и нашего. Об этом, хотя, совершенно определенно говорилось на июльском Пленуме ЦК КПСС. Выполнять его решения — наш долг.

Сенокосная пора в самом разгаре. Идет по областям массовая по заготовке кормов. Среди организаторов его и Новотуминские хотелось бы видеть и депутатов поселкового Совета. Пока они самоустранились от этой важнейшей кампании. А благоприятное время уходит.

Г. МУРЗИН.

Позвонил заместитель редактора Сергей Корепанов. Поинтересовался, нет ли в моем загашнике чего-нибудь этакого, остренького для них.Ответил утвердительно и отправил в область очередную бомбочку замедленного действия. Только самоубийца всегда готов, ни минуты не думая о последствиях, вызывать огонь на себя.

От судьбы не спрячешься

Как-то раз Сергей Леканов, редактор, в очередной раз убыл в Свердловск. Не знаю, известна ли была цель поездки редактора его заместителю Борису Пручковскому? Сомневаюсь. Из того, что одновременно выехали туда же, в Свердловск первый, второй и третий секретари горкома, председатель горисполкома, сделал вывод: проводится очень ответственное областное мероприятие.

На другой день увидел, что на лице редактора растерянность. Он, будто, смотрит на меня совсем иначе, чем прежде. И ведет сдержаннее. Его странности никак не связал с тем, что произошло накануне. И не мог связать, потому что ничего не знал. В «Уральском рабочем», правда, заметил коротенькое информационное сообщение: Свердловский обком КПСС провел научно-практическую конференцию, тема которой (цитирую по памяти) звучала так: дальнейшее укрепление авторитета партийных органов и партийных организаций, последовательное усиление их влияния на жизнь общества и увеличении роли в этом партийной печати. Материалы к конференции готовили ведущие ученые-философы. С основным докладом выступил первый секретарь обкома КПСС Б. Н. Ельцин.

Итак, как-то странно смотрит редактор и молчит. Проходит недели две. Дела идут тихо и мирно. В один из та-

ких дней, под вечер зазвонил мой телефон. Снял трубку и услышал знакомый голос инструктора обкома КПСС Виктора Дворянова.

– Прими поздравления, – сказал он.

– Принимаю, – ответил, – но не знаю, в связи с чем?

– Шутишь, Геннадий Иванович?

– Нет… серьезно.

– Не знаешь, что проходила научно-практическая конференция?

– Читал… В «Уральском рабочем»… И что?

– А то, что ты был героем дня.

– Из газетного отчета не видно… Из разряда черного юмора, да? – Обидчиво спросил его.

– Ты меня удивляешь.

– Чем?

– Тем, что до сих пор ничего не знаешь.

– А что должен был знать?

– Ну, как же! Ты только представь себе, что в докладе Борис Николаевич говорил о тебе целых двенадцать минут. То есть, – поспешил поправиться Дворянов, – твоя фамилия не называлась, а речь шла о твоей газете. Это – по форме, а по сути же…

– Ну… – Не знал, что на это сказать.

– Газета получила высочайшую оценку. Такую оценку, которой больше не удостоился никто в области, даже «Уральский рабочий». Странно, что ты не радуешься.

– Нет… Спасибо… Рад… Но… Откуда сведения у Бориса Николаевича?

– Ты и этого не знаешь?!

– Нет. А должен был знать, да?

– Конечно. С материалами, которые легли в основу доклада, должны были познакомить не только тебя, а и весь партийный актив города, прежде всего, коллектив редакции. Обком рекомендовал.

– Не знаю… Ничего не слышно.

– Неужели и редактор, участвовавший в работе конференции, ничего не сказал?

– Ни слова. Заметил, что в последние дни Леканов ведет себя непонятно, но… Не считал, что это как-то может быть связано с научно-практической конференцией.

– Конференцию готовили ученые Высшей партийной школы. Комиссию возглавил заведующий кафедрой философии, доктор философских наук… Работало несколько групп. Одна из них проанализировала твою газету…

– Это – не моя газета…

– Как это не твоя, если в ней работаешь? И работаешь так, как другим и не снится.

– Преувеличиваете, Виктор Федорович.

– Иди ты со своей скромностью, знаешь, куда? – наконец возмутился Дворянов. – Всякий на твоем месте носом землю бы рыл, а ты…

– Скажите, а ученые выбрали газету «Под знаменем Ле-

нина» для анализа по рекомендации обкома?

– Нет. Группа сама так решила… После тщательного отбора.

– Еще вопрос: могу познакомиться с материалами ученых?

– Не только можешь, а и должен.

– Когда можно к вам подъехать?

– В этом нет необходимости: все материалы находятся в горкоме.

Разговор закончился. Положил трубку и минут пять отрешенно смотрел в окно. Радость перемежалась с обидой. Внутри – буря эмоций. Чуть-чуть успокоившись, встал и вышел на улицу. Постоял на перекрестке минуту, другую. И пошел в гастроном, что через дорогу, на углу. Купил бутылку водки и поехал домой. Жена, увидев в руках водку, удивилась.

– С какой стати?

Ни слова не говоря, прошел на кухню, достал рюмку, нарезал хлеба и колбасы, молча стал опрокидывать одну рюмку за другой. Опьянев (порция совсем не по мне), лег и уснул.

На другой день, столкнувшись с редактором в коридоре, не сказал ему ни слова о вчерашней «*новости*». Как, впрочем, и в последующие дни. Вечером, сбагрив с плеч повседневную свою обязанность, пошел в горком КПСС. В отделе пропаганды и агитации мне сказали, что запрашиваемые мною материалы хранятся у третьего секретаря. При-

шел к Савельеву. Тот, услышав мою просьбу, засуетился, подтвердив, что материалы научно-практической конференции у него. Слазил в сейф и достал объемистую папку.

– Считал: горком познакомит партийный актив. – Съязвил я.

– Кто сказал?

– Тот, кто выдавал вам эту рекомендацию.

– Да-да… Конечно… Собираюсь прийти в редакцию и на собрании коллектива всех познакомить… День намечал, но все как-то срывалось… То да сё… Запарка у нас… Как-нибудь попозднее… Не горит…

– Нет свободного времени?

– Увы. – Савельев развел руками.

– А у первого секретаря обкома нашлось время. – Съязвил вновь.

– Я приду… на этих днях… Ну, а ты, раз уж так сильно интересуешься, можешь почитать сейчас.

Раскрыл папку. В ней лежало около шестидесяти страниц машинописного текста. Спросил разрешения взять с собой, на досуге и в более благоприятной обстановке почитать. Савельев не разрешил. Сказал, что нельзя выносить из стен горкома эти «*секретные материалы*».

Прочитал. Что могу сказать? Главное: аналитический обзор ученых расставил все точки над «I» и ответил со всей определенностью на основные спорные вопросы, возникавшие между мной и редактором. Это была моя нравствен-

ная победа в затянувшемся противостоянии. Победа полная и окончательная. Это многое объясняет, в том числе странное замалчивание того, о чем в полный голос было сказано на уровне области. Они не могли признать поражения, но в их власти оказалось предать забвению триумф не только мой, а и газеты, их газеты. Ни в чем не нуждался, а хотел лишь одного: обычного человеческого, главное, заслуженного, признания, что не зря четыре года трудился.

Запись в трудовой книжке:

«За большую работу по организации на страницах газеты „Под знаменем Ленина“ литературного конкурса под девизом „Коммунисты, вперед!“ и обсуждению письма коммунистов под рубрикой „Твоя позиция, коммунист?“ – объявлена благодарность. Редактор газеты – С. Леканов».

Что это, если не издевательство?! К тому же запись появилась лишь в последний день работы в редакции, то есть первого декабря 1978 года, спустя пять месяцев после областной научно-практической конференции. Редактор не мог скрыть радости, что ухожу-таки, и рассыпался в щедротах.

Как уходил? Своеобразно. Куда? Ну, это уже тема другой главы.

И последнее. Сравниваю двух первых секретарей – Василия Сюкосева (Шаля) и Михаила Морозова (Первоуральск). Первый действовал нахраписто и тупоголово, второй – умнее, тоньше, а потому гибче, интеллигентнее. Но результат один: там и тут партийная элита не поняла и не приняла ме-

ня. Значит? В этом что-то есть. Более глубинное, чем та пена, что на поверхности. Да, я – не ангел, но и не мерзавец… Переворачиваю еще одну страницу, длиною в четыре года, оставляя «за бортом» многое.

Ноябрь 1978 года. Первоуральск. Геннадий Мурзин - на переломе: готов сделать шаг. Каков этот шаг? Что ждет впереди? Вид - суров и даже весьма. Неужто предчувствует будущие лихие времена?

Глава 44. И смех и грех

Верхи – ругнули, низы – отреагировали

Ходило, кем-то сочиненное:

– В нашем крае[10] *три дыры:*
Шаля, Гари, Таборы.

В первой «*дыре*» не только был, а и работал, жил четыре года. В двух других, то есть в Гарях и Таборах, никогда не был, но много наслышан.

Например, что такое Гари? Центр одноименного района, великого по площади, но крайне мало населенного. Село расположено на северо-востоке Свердловской области и граничит с Тюменской областью. Добраться туда раньше, то есть в советское время (нынче вряд ли что-либо к лучшему изменилось), можно было только с помощью «кукурузника», то есть маленького самолета, летавшего один раз в неделю. Зимой, правда, когда лютые морозы сковывали реки и болота, со стороны Серова можно было попасть на тракторе или

[10] Имеется в виду Свердловская область.

на лошади, запряженной в сани.

Всё то же самое можно сказать и о селе Таборы, расположенном восточнее Гарей, на берегу реки Тавда.

Одним словом, глухомань несусветная.

Помню рассказ очевидца, побывавшего в селе Гари летом 1964-го, то есть за несколько лет до того, когда страна Советов отмечала золотой юбилей. Рассказчик, работавший председателем профкома совхоза «Верхнетуринский», был откомандирован (в числе других) в Гаринский район, чтобы там организовать (подчеркиваю: *впервые* организовать) советские профсоюзы. Вот фрагмент рассказа:

– Никогда бы не подумал, что в области есть такие места, где советской властью и не пахнет. Будто бы, есть колхозы, но их найти можно лишь в пожелтевших от времени бумагах. Фактически, население ведет натуральное хозяйство. Колхозы ничего не производят, хотя дотации от государства получают. Можно проехать по бездорожью десятки километров и не встретить ни одной живой души. В самом райцентре (на одном из крестьянских домов дореволюционной постройки) висят древние две таблички, извещающие о том, что здесь размещаются власти – райком ВКП (б)[11] и райисполком. На дверях – огромный ржавый амбарный замок. Высокое крыльцо покрылось мхом: по толстому слою пыли видно, что на него давно не ступала нога челове-

---

[11] Представьте себе, сколько десятилетий не меняли вывесок, если в стране партия давным-давно называется не ВКП (б), а КПСС.

ка. Над коньком дома – флагшток, на котором болтается белый огрызок ткани. Мы так поняли, что это когда-то называлось красным государственным флагом. Мы нашли секретаря райкома и председателя райисполкома, якобы, когда-то и кем-то избранных, дома, лежавших на скамьях вдрызг пьяными. Они – местная элита, поэтому могут себе позволить вообще не работать и не заглядывать в служебные кабинеты. А зарплата? Регулярно получают. Приходят в местное почтовое отделение, где всего один работник, заполняют поступивший денежный перевод из области. В так называемых колхозах о профсоюзах ничего не знали, поэтому профсоюзные организации пришлось формировать с нуля. Не уверен, что после нашего отъезда там советские профсоюзы будут функционировать.

От себя добавлю: не уверен, что там и сейчас что-либо изменилось; скорее всего, люди не знают, что в России власть опять переменилась. Счастливые люди, если их не касаются никакие перемены.

Зачем вспомнил про это захолустье? Затем, чтобы читатель себе представил ту жизнь.

В Гаринском районе, как и везде, выходила районная газета, имевшая звучное название, – «Советский север». Были ли у нее подписчики? Не уверен.

Знаю только, что печатали газету в Серове тиражом в тысячу экземпляров. Однако редакция имела полноценный штат журналистов – от редактора и до корректора, то есть

как и всякая другая районная газета.

Видел номера газеты «Советский север» и скажу одно: это что-то ужасное. Впрочем, можете судить об этом сами.

…В областном доме политпросвещения проходит инструктивное совещание редакторов городских и районных газет Свердловской области. Сначала – обком КПСС ставит задачи, потом – обзор газет, анализ достоинств и недостатков. Обозреватель ни словом не обмолвился о газете «Советский север». Однако этот недостаток обзора восполнил Виктор Дворянов. Он сказал:

– На четвертой полосе газеты «Советский север» недавно появился сатирический уголок. Похвально, что журналисты идут в ногу со временем и вспомнили, что в журналистике бывает и юмор. Но, – Виктор Дворянов обращается к залу, – знаете, какое название придумали? – вопрос повис в воздухе, потому что, кроме самого редактора, который, скорее всего, присутствовал на совещании, мало кто вообще видел это печатное издание. Дворянов сделал паузу, и сам ответил на свой вопрос. – «Колотушкой по макушке», – зал разразился хохотом. Когда наступила относительная тишина, Дворянов вполне серьезно заметил. – Товарищи журналисты из «Советского севера», все-таки думать надо, думать.

Редактор газеты «Советский север» партийную критику воспринял правильно, то есть конструктивно. Подумал и…

…Прошло полгода. Вновь инструктивное совещание. В зале – прежняя аудитория. В самом конце совещания Вик-

тор Дворянов возвращается к газете «Советский север».

– Прошлый раз, – говорит он, – я покритиковал редакцию за неудачное название уголка сатиры и юмора. Напомню: раздел назвали «Колотушкой по макушке». Коллектив редакции, видимо, долго ломал голову над тем, какое новое название дать сатирическому уголку. И придумал! Знаете, как сейчас называется? Ни за что не догадаетесь. Назывался раньше «*Колотушкой по макушке*», а теперь – «*Шайкой по кумполу*».

Смеялся зал сильнее прежнего. Коллеги смеялись над собой. Потому что уровень журналистики и в некоторых других газетах был ничуть не выше, чем в «Советском севере».

Лариса Мурзина и Михаил Мурзин встречают 1978 год.

Столь желанный БАМ

А вот это уж совсем не смешно…

…Как-то раз, когда находился в одном из основных цехов Первоуральского новотрубного завода, встречаясь с одним из рабочих, между нами состоялся такой диалог.

– Трусливы, до чего ж трусливы наши журналисты, – вдруг сказал, мне показалось, совсем не к месту рабочий.

Эти слова меня задели за живое, и потому не преминул в ответ обидчиво съязвить:

– «Ваши» журналисты – да, трусливы, но «наши» – нет.

– А, – рабочий махнул в сторону рукой, – все вы… Критикуете кого? Работягу. Начальство же не трогаете, обходите, боясь обжечься, стороной.

Само собой, пуще прежнего обиделся. Не считал, что в первоуральской городской газете «Под знаменем Ленина» мало критики в адрес начальства. Наоборот, считал эту газету смелой. На фоне, понятно, других изданий в области, в которых (тут собеседник прав) даже не на всякого рабочего могли замахнуться.

Попытался возразить:

– В нашей…

Рабочий прервал вопросом:

– В «Подзнамёнке»[12], что ли?

---

[12] Так, сокращая длинное имя, именовали первоуральцы свою газету.

– В ней.

– Да бросьте вы!

– И «бросать» нечего… Месяц назад, допустим, статья «В своём пиру похмелье»…[13]

Рабочий закивал головой.

– Да-да, читал… Лихо автор прошелся по руководству завода сантехизделий… Приятное, но все-таки исключение, а не правило. А могла бы газета так же хорошо проехаться по Федьке[14] нашему или по тому же главному инженеру?

Отрицательно мотнул головой.

– Нет, не могла.

– Вот! – рабочий гордо взглянул мне в глаза. – А я о чем?

Действительно, фигура Фёдора Данилова негласно числилась в списке неприкасаемых, как, впрочем, и его заместитель, то есть главный инженер[15].

Первого никто не смел коснуться (даже журналисты областных и центральных газет), потому что дал путевку в большую жизнь, будучи наставником, не кому-нибудь, а самому первому заместителю Председателя Совета Министров СССР Николаю Тихонову[16], с которым до сих пор поддерживает дружеские отношения. На второго ни один

---

[13] История этой скандальной статьи рассказана в предыдущей главе.

[14] Иногда подобным образом заводчане называли своего директора Фёдора Данилова, пришедшего на завод разнорабочим и доросшего до главного поста.

[15] Фамилию не помню. То ли Трухин, то ли Трошин…

[16] Через год Николай Тихонов возглавит союзное правительство. Это произойдет, когда уйдет из жизни Алексей Косыгин.

не отважится «задрать хвост», потому что тот ходит в очень близких приятелях первого секретаря Свердловского обкома КПСС Якова Рябова (по слухам, сошлись близко, когда учились в УПИ; их объединяли две страсти – спорт и девчонки; им они отдавались с одинаковым желанием, щедро делясь своим свободным временем).

Спросил-таки рабочего:

– Что, есть повод для критики?

– Разве нет? Не святые, чтобы на них молиться. У Федьки, к примеру, за тридцать километров от города, в сосновом бору есть заимка, большой дом то есть, куда любит ездить отдыхать.

– Допустим. А что тут плохого?

– Плохо не то, что почти царские хоромы в лесу заимел и не то, что любит на природе досуг свой проводить…

– А что же?

– То, что затраты несет завод. Заводище-то казенный… Не личная вотчина.

– Нельзя поконкретнее?

– Заимка построена заводскими строителями, и Федька из своего кармана не потратил ни копейки.

– Откуда вам знать?

– Об этом не только завод, а и весь город давно говорит.

– Сплетничают, потому что завидуют.

Рабочий, рассмеявшись, посоветовал:

– А вы проверьте, сплетня или нет. Заодно, поинтересуй-

тесь, кто на заимке следит за хозяйством.

– Вы знаете, кто?

– Не притворяйтесь, что никогда не слышали.

– Но я, в самом деле, не слышал, а потому ничего не знаю… Не из местных…

Рабочий недоверчиво посмотрел на меня и хмыкнул.

– Хозяйством заправляет супружеская пара. Там живет постоянно, а на заводе появляется лишь раз в месяц, когда надо в платежной ведомости расписаться и получить зарплату.

– Они, что, числятся рабочими новотрубного завода?

– Само собой. Муж – вальцовщик одиннадцатого цеха (между прочим, горячий стаж идет), жена – контролер ОТК заводской контрольно-технической лаборатории. Хорошо, правда, устроились?

– Неплохо, – подтвердил, но оговорился, – если, конечно, все это соответствует действительности.

– А вы проверьте. Что, страшно?

– Не то, чтобы страшно, а бессмысленно… Не хочется работать «на корзину». Какой смысл вести журналистское расследование, если изначально знаешь, что ни одна газета не опубликует?

– Я понимаю, – кивнув, сочувственно говорит рабочий и добавляет. – Впрочем, не в Федьке дело. Разве Федька один такой? Разве другие чище и лучше? Федька хотя бы – большой Мастер и дело знает, а те, другие, которые днями попу-

сту мелют языками?

– Вы о ком?

– О городском начальстве… Вы, кстати, слышали про «БАМ»?

– Кто не слышал… Каждый день по радио и телевидению, в газетах сообщается об энтузиазме молодых строителей, сооружающих в тайге Восточной Сибири грандиозную магистраль, – специально по-газетному штампованно сказал в ответ.

Рабочий заливается в смехе. Мне непонятно, что сказал такого смешного? По моим глазам догадывается, что опять же не знаю, что он имел в виду. Перестает смеяться и серьезно спрашивает:

– Вы с Луны свалились, да?

Пожимаю плечами.

– Почему так решили?

Рабочий ответил вопросом:

– Что вы за журналист, если не знаете того, о чем весь город говорит?

Пробую в его глазах оправдаться.

– Может, дело в том, что недавно в городе… не старожил, как вы, и не оброс еще связями. К тому же, – добавляю, – крайне негативно отношусь к сплетням.

– Товарищ журналист, не пренебрегайте никогда сплетнями. В них зачастую есть рациональное зерно. Помните: дыма без огня не бывает. На этот раз ничего не буду расска-

зывать. Съездите-ка в Билимбай, поспрашивайте у жителей про «БАМ». Народ вам все обскажет и даже покажет.

Налицо – интрига. Загорелся. И однажды, когда надо было собрать материал для очередной корреспонденции и выехать в Билимбай, попутно стал спрашивать, знают ли люди про «БАМ»? Оказалось, знают все. Оказалось, расшифровывается «БАМ», как БИЛИМБАЕВСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МОШЕННИКОВ. Оказалось, народ (до чего ж горазд на выдумки!) так назвал один из самых элитных коллективных садов, разместившийся на опушке соснового бора, рядом с поселком Билимбай. Люди с придыханием говорили мне, что дома там всё кирпичные и в два этажа, что под домами вырыты просторные подвалы, забетонированные и отделанные (неслыханная роскошь!) финским кафелем, где установлены огромные холодильные камеры, хранящие в себе соленья и варенья. Ну и, наконец, был окончательно сражен информацией о том, кто хозяева участков этого коллективного сада. Называю не по фамилиям, а по должностям: первый, второй и третий секретари Первоуральского горкома КПСС (высшая партийная власть), председатель и заместители председателя горисполкома (высшая советская государственная власть), прокурор, председатель городского суда, старший уполномоченный КГБ по Первоуральску, начальник городского отдела внутренних дел (высшая правоприменительная и правоохранительная власти) и другие.

Понятно, что находился в шоке. Понятно, что инстинкт

правдолюбца заставил пойти в тот коллективный сад, чтобы все посмотреть своими глазами. Понятно, что меня не пропустили дальше будки охранника. Так что пришлось удовольствоваться малым: визуальным наблюдением издалека. Все равно шикарные дома оставили неизгладимые впечатления.

Одна деталь. Когда появился в редакции, то меня сразу же вызвал «на ковер» редактор Сергей Леканов и стал отчитывать, в ужасе закатив глаза, за то, что сую свой нос туда, куда меня не просят; что никто меня не наделял полномочиями лезть в святая святых. Оказалось, уже успели сообщить о моем «нежелательном визите и подозрительном интересе» к «БАМу». Оперативно работали, сволочи!

Надо ли говорить, что «независимое журналистское расследование» на том и закончилось?

Не стану брать грех на душу, поэтому уточню: Сергей Леканов, мой редактор, относящийся к высшей городской элите, в том саду своего дома и участка не имел. В этом смысле, он чист. Однако испугался. Чего? Того, что ему не поздоровится, если возьмет мою сторону.

Оказалось также, что о «БАМе» знали все журналисты, работавшие в редакции хотя бы несколько лет. Знал и собственный корреспондент «Уральского рабочего» Юрий Коньшин. Все знали, кроме, разумеется, меня. Знали и злословили втихаря. Для себя эту тему закрыл. И запретил другим в моем присутствии даже заикаться о «БАМе».

Задавал и задаю себе один вопрос: знали ли в области об этой самой «Билимбаевской Ассоциации Мошенников»? Если знали, а в этом ничуть не сомневаюсь, поскольку процедура информирования действовала безотказно, то что это значит? Уж не то ли, что подобные «ассоциации» существовали повсеместно? Не потому ли, кстати, двадцать миллионов коммунистов Советского Союза не поддержали коммунистическую верхушку в августе 1991-го, давно погрязшую в воровстве и коррупции? Вот, оказывается, где истоки нынешней коррупции! Мы не правы, кивая на новейшие времена. Новые времена – есть лишь логическое продолжение старых.

Хапали всегда. Хапали все. Директор вывозил с завода госсобственность на автомобилях и открыто, рабочие тащили все, что подворачивалось под руку, – тайком, для которых даже специальный термин придумали – «*несуны*». «Несуны» -рабочие, воровавшие по мелочи, и хапуги-директора, тащившие по-крупному, – это и были те самые миллионы, составлявшие ядро советского образа жизни 80-х. Лозунги? А что лозунги? Кто им верил?!

Мы же, журналисты, всё видели и молчали. Потому что в стране торжествовала социалистическая демократия, засовывавшая кляп в рот даже тем, кто хотел говорить народу правду.

Сегодняшние журналисты медленно, но неуклонно скатываются к тем временам. Они захлебываются от восторга, вос-

певая успехи нынешней власти, и стыдливо отворачиваются, когда видят «*отдельные недостатки*». Всё дальше от правды и все ближе к прежней тотальной лжи.

Все в жизни повторяется. Один раз как трагедия, во второй раз как фарс.

Грустно? И печалитесь? Что ж, даю возможность улыбнутся…

Ох, уж эти очепятки

Опечатки в газетах. Они были всегда. Они есть и сегодня: даже совершенная компьютерная техника не спасает. Сейчас никто внимания на ошибки не обращает, а когда-то…

В моей памяти сохранились лишь самые серьезные опечатки. Одни – политические и могли закончиться серьезными проблемами для виновных[17]. Другие – забавные, но все равно вызывавшие бурный протест читателей. Третьи – хулиганские, появлявшиеся на странице газеты сами собой, однако в это ни кто из начальства не верил.

Расскажу о тех ошибках, которые видел своими глазами, оставляя в стороне те, которые основывались на слухах.

Утро в редакции районной газеты «Путь к коммунизму»[18]. Перед началом планёрки мужики собрались у меня в кабинете и дымят по-черному. Дверь в коридор – настежь, а иначе – хоть топор вешай. И тут вижу, что бежит по коридору заведующий отделом пропаганды и агитации райкома КПСС Александр Неугодников. В голове мысль: «Какой черт принес в такую рань?» Неугодников, слышу, врывается в кабинет редактора Михаила Кустова (это – за стенкой) и чуть ли не визжит: «Вы что?! Вы что?!» Догадыва-

---

[17] Первый и главный виновник обычно считался тот, кто подписал номер «в печать», то есть редактор или его заместитель.

[18] Об этой газете уже рассказано достаточно.

юсь: какая-то неприятность. Встаю и иду в кабинет редактора. Вижу, как лицо Кустова нервно подергивается. Спрашиваю: «Что случилось?» Кустов без слов бросает в мою сторону свежий номер газеты. Я говорю: «Уже просмотрел… Все в порядке…» Кустов хмыкает: «Я тоже так считал». Редактор бежит в типографию (она занимала правое крыло здания барачного типа). Бегу за ним. Там Кустов собирает мастера и верстальщика. Начинается «разбор полетов». И только тут понимаю, какое несчастье подстерегло газету.

Произошло следующее.

Вчера вечером, когда, собственно, полосы очередного номера были сверстаны и уже вычитаны, метранпаж[19] нечаянно рассыпала набор первой полосы, ее начальной, головной части, той самой, где название газеты и все необходимые и обязательные данные: дата выхода газеты, день выхода, порядковый номер, орган, издающий газету, и так далее. Женщина испуганно собрала, как она посчитала, всё восстановила в первоначальном виде и о том, что случилось, никому в редакции не сказала. Она делает чистые оттиски всех четырех полос, приносит на подпись редактору, тот, поскольку уже внимательно прочитал, бегло просматривает, подписывает «*в печать*». Печатник заправляет набор в машину и печатает газету. Ночью приехали связисты, забрали отпечатанный тираж и развезли по району.

И вот сейчас оказалось, что метранпаж, восстанавливая

---

[19] Работник типографии, занимавшийся версткой и правкой газетных полос.

рассыпанный набор, потеряла важную политическую составляющую, а именно: в кои веки советская газета вышла без главного своего атрибута – марксистского лозунга «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» Случай по тем временам почти невероятный.

Еще один факт из той же газеты.

Шалинский райком КПСС разработал тематику лекций для пропагандистов и решил с помощью газеты довести до сведения всего района. Текст был отпечатан на машинке. В текст никто из редакции вмешиваться не имел права, поэтому все пошло по накатанной дорожке, то есть текст идет в набор, макетируется на вторую полосу. Газета выходит.

Проходит полдня, но в редакции никто еще не подозревает, что в название одной из лекций вкралась серьезная опечатка. Заметил самый внимательный читатель газеты – человек из КГБ. Позвонил в райком, потом редактору. И закружилось-завертелось!

Опять прибежал в растрепанных чувствах тот самый Неугодников (он, кстати, визировал текст), хотел всю вину свалить только на редакцию. Не получилось. Редакция предъявила подписанный Неугодниковым текст, пошедший в набор, который до запятой соответствовал тому, который опубликован в газете. Конечно, это не снимало полностью вины с корректора и редактора, которые все равно обязаны были внимательно вычитать и исправить ошибку райкома КПСС.

И вот как звучало название одной из лекций, рекомендованных райкомом своим пропагандистам: «*Крайний шовинизм марксистского руководства*». Основная беда даже не в том, что «крайнего шовинизма» не бывает, потому что шовинизм – есть крайний национализм. Нельзя себе представить что-то крайнее крайнего. Тут сказалась низкая образованность авторов документа, то есть идеологических работников райкома КПСС. Основная и самая трагическая ошибка в том, что (это – тогдашняя аксиома) марксистское руководство по определению интернационально, а потому если руководство марксистское, то оно не подвержено национализму вообще, тем более – крайнему. Во-вторых, единственным истинно марксистским руководством в мире считалось советское руководство, а потому получалось, что газета обвинила наше партийно-советское руководство в шовинизме.

Итак, тяжелейшая по тем временам ошибка. А в чем все-таки? В одном слове, точнее – даже в части слова. Типичная опечатка: вместо слова «*марксистского*» должно было стоять слово «*маоистского*»[20].

Всё, как ни странно, обошлось. Для всех.

Эти две политических ошибки, между прочим, в тридцатые годы стоили бы редактору недешево: как минимум, де-

---

[20] Иначе говоря, основной смысл данной конкретной лекции должен был состоять в том, чтобы разоблачить шовинистические тенденции, насаждаемые в Китае идеологами маоизма, во главе которого стоял «великий кормчий» Мао.

сяти лет Колымы.

Через несколько лет произойдет казус с передовой статьей, написанной мною для газеты «Под знаменем Ленина». Тема статьи: плюсы и минусы наглядной агитации, размещаемой в Первоуральске.

И вот газета выходит с передовой статьей. Я, как автор, первым делом смотрю свое «*детище*», рожденное в муках. И что вижу? Вижу совсем не тот заголовок, который у меня был. Это – не беда. Редактор мог поменять. В данном случае, как понимаю, правка сделана в последнюю очередь, то есть перед подписанием номера «*в печать*». Прихожу в ужас из-за того, что в заголовке, набранном крупным и жирным шрифтом, причем на открытии первой полосы, допущена чудовищная ошибка, которую не заметить не может никто. Вот как звучало название передовой после правки редактора Сергея Леканова: «НАГЛЯДНАЯ АГ**А**ТАЦИЯ». Тут виновниками ошибки, замечу ради справедливости, были супруги Лекановы, поскольку жена редактора работала у нас корректором и непосредственно обязана была проследить, чтобы после каракуль, начертанных рукой мужа, правка была сделана как надо.

Конечно, подобные ошибки не идут ни в какое сравнение с хулиганскими. Два примера. Заранее приношу извинения читателю, что вынужден вещи называть своими именами.

Газета «Пламя»[21]. В стране вводятся новые закупочные

---

[21] Выходила такая районная газета в Каменском районе Свердловской области.

цены на продукцию сельского хозяйства. И в газете кто-то из руководителей района рассказывает об этом.

Журналисты, не слишком ломая головы над заголовком, дают такое название статье: «*Новые закупочные цены*». Но читатель, развернув свежий номер, мог прочитать заголовок только так, как было напечатано, а именно: «*Новые за**Л**упочные цены*». Ошибка лишь в одной букве, а какая разница?! Ладно бы где-то в тексте, а тут в заголовке…

Еще пример. По совпадению, снова из Каменск-Уральского. Правда, газета другая, городская, рангом выше, да и тираж несопоставим.

В газете «Каменский рабочий» много лет сотрудничал (в качестве внештатного фотокорреспондента) некий В. Пахалуев. Фамилия настолько примелькалась, что, видимо, корректоры перестали обращать внимание на ее написание. Результат не замедлил себя ждать.

Однажды читатели, а их тогда насчитывалось более тридцати тысяч, получив свежий номер и взглянув на первополосную фотографию, открывавшую номер, в ужасе схватились за голову. Их поразила подпись под фотографией. Она напечатана была так: «Фото В. Полухуева». Думаю, подобная опечатка могла возникнуть из-за невнимательности линотипистки[22] и корректоров.

Нынешняя ее судьба мне неизвестна.

[22] Специалист типографии, осуществлявший горячий набор текстов на линотипе.

В. Пахалуев подал на родную газету в суд, обвинив в публичном нанесении оскорбления, потребовал защитить его честь и достоинство. Естественно, истец судебный процесс выиграл. Но… В истории В. Пахалуев и газета «Каменский рабочий» остались.

В журналистских кругах ходило и ходит устойчивое суждение: полностью избежать опечаток невозможно. Может, и так.

Во всяком случае, опечатки были во все времена. Например, у меня в руках была брошюра, изданная типографией господина Сытина в Петербурге аж в 1914 году. На первой страницы брошюры была помещена парадная, то есть при всех регалиях, фотография великого князя, дяди Государя Императора, а подпись внизу гласила: «Великий князь Никлоай Николаевич». Всего лишь буква «**Л**» перескочила свою предшественницу. Брошюра разошлась по России огромным тиражом.

И все же в основе всех ошибок, говоря современным языком, лежит человеческий фактор. Если будет каждый сотрудник редакции добросовестно исполнять свои обязанности, то тогда (совершенно точно) «очепяток» будет существенно меньше. Стало быть, стремиться есть куда.

Глава 45. Забытый всеми красный командир

Страна Советов готовится к своему юбилею – 60-летию. Все средства пропаганды вовсю трубят о «Великом Октябре». Первые среди первых – газеты, от главной, то есть «Правды», и до заводской многотиражки. Мы, партийные журналисты (а других тогда не существовало), захлебываясь от восторга, пишем о тех, кто работал над становлением советской власти, а после и отстаивал ее завоевания на полях гражданской войны. Всё исключительно возвышенно, эмоционально, насыщено героикой и романтикой огненных лет, то есть пользуемся при описании исторических событий одной краской – розовой. Цензоры строго следят, чтобы на грандиозном полотне, создаваемом «*подручными партии*», не появились даже отдельные мазки черного или белого цвета. Цензоры безжалостно «*рекомендуют*» убирать даже намек на негатив.

Гремят, короче, фанфары, хоры громко, чтобы слышал мир, распевают кантаты.

В этом не отстает и первоуральская городская газета «Под знаменем Ленина». Слава Богу, всякий юбилей имеет свое окончание.

…Идет редакционная летучка. Редактор Сергей Леканов

ставит задачу: нужно спланировать и затем выпустить праздничный номер, то есть газету, посвященную целиком 60-летию Октябрьской революции. Мы, как юные пионеры, всегда готовы и пришли со своими предложениями. Редактор что-то отвергает и навязывает свое, что-то охотно принимает и включает в план номера. Доходит очередь и до меня. Я не хочу быть, как все, то есть предлагать то, что всем (имею в виду читателей) и давно оскомину набило: из года в год, от праздника к празднику писать об одних и тех же героях. Не могу не выщелкнуться. Прямо дьявольский зуд какой-то.

– Планирую встретиться, – говорю, – с участником гражданской войны, который прошел с армией Блюхера до Приморья, – умышленно не называю фамилию; хочу, чтобы для всех было сюрпризом – не только для читателей, но и для коллег по редакционному коллективу. – Думаю, что получится что-то смахивающее на портрет-зарисовку.

Редактор – не сторонник сюрпризов и избегает любых неожиданностей, поэтому уточняет:

– Кто этот ветеран?

Вопрос далеко не праздный: Леканов знает фамилии всех ветеранов и держит в памяти, тем более уже столь далекой гражданской войны. Редактирует эту газету не один десяток лет, а обо всех достойных ветеранах писано-переписано.

Помявшись (не хотелось делиться секретом), все-таки называю фамилию. Фамилия распространена в Первоуральске и пригородах, но по глазам редактора вижу, что фамилия ни-

чего ему не говорит. Он спрашивает:

– С чего взял, что он действительно участник похода Блюхера, а не самозванец?

– Ну… из достоверного источника…

– Военкомат?..

– Нет… Но после встречи намерен добытые сведения сличить с документами, имеющимися в военкомате.

Вижу, что в редакторе борются два противоположных чувства: с одной стороны, всегдашняя осторожность противится и советует ему идею «*зарубить*»; с другой стороны, подмывает, чтобы в номере появилось наконец-то новое лицо, доселе неизвестное читателю. Все-таки осторожность повержена и вперед выходит профессиональное желание редактора хоть чем-то удивить горожан. Леканов принимает мое предложение, включает в план юбилейного номера, но предупреждает:

– Будь осторожен. Появилось немало тех, которые видели красных лишь через прицел пулемета, – после минутной паузы добавляет. – Азалия, вон, – он кивает в сторону ответственного секретаря Киприяновой, – всех ветеранов знает наперечет, обо всех писала, – Леканов поворачивается в ее сторону и спрашивает. – Слышала о таком?

Киприянова – королева пера, поэтому без всякой охоты вынуждена отрицательно мотнуть головой. Потому что такую фамилию в числе оставшихся в живых ветеранов гражданской войны никогда не встречала. А мне? Бальзам на ду-

шу. Как приятно, когда ты знаешь чуть-чуть больше, чем те, которые в городе живут с рождения. Чтобы окончательно сразить, открываю маленький секрет.

– Будет интересно и одно совпадение: седьмого ноября мой герой будет праздновать сразу два юбилея.

Редактора зацепило. Он осторожно спрашивает:

– А какой второй юбилей?

– Ветерану исполняется восемьдесят.

– Точь-в-точь? Седьмого ноября?

– Именно.

– Ну, ты… – редактор качает головой и не договаривает того, что хотел сказать. Он готов был выразить восхищение, но в очередной раз воздержалсяне. Я не тот человек, который вправе претендовать на редакторскую похвалу.

Коллеги молчат и бросают в мою сторону совсем не добрые взгляды: в них читается зависть.

На другой день приехал в поселок Билимбай, нашел маленькую улочку на краю, дом-пятистенник с большим хозяйственным двором и общей крышей, объединяющей всё строение.

Павел Иванович Кривощеков, хозяин, удивился моему приходу. Видимо, в этом доме журналистская братия не бывала. Но встретил приветливо. Хозяйка поставила самовар, выставила на стол домашнее печенье, именуемое в народе «хворостом». И за чаем мы стали беседовать. Сразу почувствовал, что Кривощеков неохотно вспоминает, избегает

деталей, оставляет в стороне некоторые события, старается не называть фамилии. Это насторожило. И, приложив максимум деликатности, спросил:

– Павел Иванович, а вы видели лично Блюхера?

– Ну… Как тебе сказать…

– Говорите, как есть.

– Не только видел, а много раз здоровался с ним и разговаривал. И как иначе? Я же был замкомполка.

– В такие молодые годы? – за этим глупым вопросом хотел спрятать свою недоверчивость.

– Так ведь в те времена командирами становились и помоложе, – я утвердительно кивнул. Однако Кривощеков почему-то прочитал в моем взгляде прежнее недоверие. – Думаешь, молодой человек, сочиняю?

– Извините, Павел Иванович, но и с этим приходится журналисту сталкиваться.

Кривощеков встал, пошел к старинному кованому сундуку, задвинутому под лавку, открыл, порылся, достал какие-то документы, вернулся за стол и положил передо мной.

– Смотри сам.

Сверху лежал военный билет. Взял и стал медленно листать. Нашел страничку с отметками о занимаемых должностях и прочитал: *декабрь 1919 – январь 1921 – заместитель командира полка пехотной дивизии*. Потом взял пожелтевшую и свернутую в несколько раз бумагу, развернул и взгляд уперся в конец документа, а там стояло следующее: Мар-

шал Блюхер. Далее следовала подпись и дата: *Москва, 19. 02. 1937 г.*

У меня в руках собственноручно написанное письмо легендарным Маршалом, письмо адресовано лично Павлу Ивановичу Кривощекову и начиналось со слов: «*Мой боевой друг!*»

Черт побери, у меня в руках реликвия, которой место не в сундуке, а в историческом музее. Спрашиваю:

– Но как же так?! Почему тогда о вас никто не знает?

– Для начала, молодой человек, я не люблю суеты, мельтешения. Если бы не ты, то бумага пролежала бы на дне сундука и до самой моей смерти.

Не сдерживаясь, восклицаю:

– Это же исторический документ!

– Бог с ним… Бумажка… Мне больно…

Удивлен еще больше. Но в голове скользит мысль: неужели был репрессирован? И прошу рассказать все. Павел Иванович не хочет бередить душу и решительно отказывается, но потом соглашается. Говорит сбивчиво, перескакивая с одного события на другое, потом вдруг возвращается к началу рассказа.

Вот эта история. Увы, совсем не праздничная и тем более не героическая.

Очередная дата рабоче-крестьянской красной армии. В канун ее Павел Иванович получил правительственное письмо, наделавшее много шума в поселке. Вскоре о по-

здравлении Маршала Василия Блюхера знали все. Прошло какое-то время, и газеты сообщили новость: Блюхер – враг народа, японский шпион, арестован и скоро предстанет перед судом.

– Не верилось, но черт его знает, что там и как там было, – хмурясь, говорит мне Кривощеков. – Чужая душа – потемки. Да и после демобилизации прошло столько времени. Человек мог испортиться.

Павел Иванович не думал даже, что московские события как-то скажутся на нем. Он продолжал жить, как и прежде.

Но однажды в дом его постучались сотрудники НКВД. Они произвели тщательный обыск, но не нашли ничего. Искали, как он понял, оружие и документы. Той же ночью Кривощекова увезли. Без объяснения причин. Поместили во внутреннюю тюрьму, что за зданием на Вайнера, 4 в Свердловске. Многократно допрашивали. Из допросов понял, что его подозревают в связях с врагами народа. Вскоре увезли за Ивдель, в леса, где в ту пору было немало лагерей-поселений. Работал на лесоповале. Работал за гроши. Денег с трудом хватало на пропитание. Писать письма домой было запрещено. Естественно, никаких свиданий с родственниками. Собственно, для родных он считался без вести пропавшим. Жена ездила в НКВД. Но там с женой пособника врагам народа не церемонились. Он же ждал суда. Но официального обвинения ему никто не предъявлял. Шли годы, а суда все не было. Через лагерное начальство стал пи-

сать письма в Москву. Писал много раз. Писал всем. Отчаявшись, взял и написал лично наркому обороны Ворошилову. То ли письмо действительно дошло до адресата, и была проверка, то ли еще по какой причине, но неожиданно Кривощекова вызвали в комендатуру лагеря, где начальство заявило, что он свободен и может ехать домой.

Он вернулся в поселок Билимбай. Жена встретила со слезами радости. Не имея судимости, он по-прежнему оставался под надзором органов. На прежнюю работу не могли взять «*пособника врагам народа*». И в партии не восстановили.

– Так и живу с этим пятном, – закончив, Кривощеков тяжело вздыхает и растерянно разводит руками. – Так и не знаю, в чем была моя вина.

– До сих пор?! – в изумлении спрашиваю его.

– Увы, – он снова разводит руками.

– Почему не обратились с заявлением о реабилитации?

– Пять лет назад обращался. Но мне сказали, что подлежат реабилитации лишь осужденные, а я… Суда-то так и не было.

– Вы сказали, что во время обыска ничего не нашли. А, – киваю на бумагу, лежащую на столе, – письмо Блюхера?

– Удалось сохранить. До прихода органов спрятал на сеновале. Спрашивали. Сказал, что письмо где-то затерялось.

Кривощеков сказал, что забрали его по доносу соседа, который и сейчас живет через дорогу от него. По пьянке сам проболтался. И говорил, что зря так быстро такую «*контру*»

выпустили, что таких, как Кривощеков, – к стенке надо всех ставить.

– Вы, что, враждовали?

– Нет, жили нормально, по-соседски.

Материал в праздничный номер писался с большим трудом. Кое-как вымучил. Хотелось мне говорить не о «*героических походах красноармейца*», а о трагедии, сломавшей жизнь человеку ни за что ни про что. Я не мог. И это тяготило. Зарисовка получилась плохой. Многочисленные переделки не помогли. Обидно и досадно!

Прошло несколько дней после юбилейных торжеств. Жизнь стала входить в обычное русло. И тут однажды в редакцию приходит почтовая открытка, адресованная лично мне. Вот что было написано:

«*Уважаемый Геннадий Мурзин! Примите слова благодарности за теплую публикацию в газете. Вы – первый из журналистов, кто отважился написать обо мне. Думаю, не без Вашего участия 6 ноября пожаловал сам военком и вручил юбилейную медаль. Это, наверное, благодаря Вам 7 ноября впервые посетила мой дом и Советская власть (в лице председателя поселкового совета и секретаря территориальной парторганизации) и поздравила меня с восьмидесятилетием, вручила подарок. Кланяюсь! Всегда Ваш – Павел Кривощеков*».

Интуиция Павла Ивановича не подвела. Я, действительно, «*приложил руку*». Сразу же после беседы с Кривощеко-

вым зашел в поссовет, рассказал председателю, что за человек живет в его поселке. Напомнил, что седьмого ноября у него двойной юбилей. Попросил (настойчиво-настойчиво, потому что председатель поселкового Совета депутатов трудящихся никак не мог взять в толк, почему именно он, человек, у которого тысячи других забот) сходить домой к ветерану и лично поздравить. И не ушел, пока не заручился обещанием исполнить мою просьбу.

Вернувшись в Первоуральск, не заходя в редакцию, потопал сразу в горвоенкомат. Встретился лично с военным комиссаром и сказал тому в глаза, что негоже забывать людей, с оружием в руках защищавших советскую власть; что в то время, как все ветераны уже получили юбилейные медали, а Кривощеков нет, более того, он забыт, он не числится даже в списках. Комиссар, морщась, как при острой зубной боли, выслушал и пообещал «*поручить кому-нибудь заняться этим Кривощековым*». Поскольку история возмутительная, заметил я, постольку прошу, очень-очень прошу (в порядке исключения) лично комиссара заняться. Напомнил, что будет порядочно и честно, если полковник выделит часок, другой и седьмого ноября лично поздравит ветерана и собственноручно вручит законно причитающуюся пожилому человеку награду. И не покинул кабинет, пока офицер не дал слово.

Люди слово сдержали. Нехотя, через силу, но сдержали.

Прошло еще полгода. И вновь получаю от Кривощекова почтовую открытку. Он вновь благодарит, но теперь уже

за то, что он, Павел Иванович Кривощеков, неделю назад был приглашен в городскую прокуратуру. Там его официально проинформировали: он был незаконно подвергнут репрессиям, то есть арестован и без каких-либо правовых оснований принудительно содержался в колонии-поселении с ноября 1937 года и по декабрь 1940 года. Ему вручена соответствующая бумага. Он считает, что и здесь не обошлось без моего вмешательства.

Павел Иванович прав: был и у городского прокурора, просил, очень-очень настойчиво просил его проявить инициативу и выйти с ходатайством в прокуратуру области, чтобы была дана соответствующая правовая оценка действиям органов НКВД в отношении Кривощекова. Областной прокурор, в порядке надзора (лучше поздно, чем никогда) проверил обоснованность ареста и принял соответствующее процессуальное решение.

Еще прошел год. И мне сообщили, что красноармеец Павел Иванович Кривощеков скончался. Был на прощальной панихиде. Он, да, ушел. Но ушел незапятнанным.

И я сделал все, чтобы это стало возможным. И не по долгу службы, а по велению души. Не слишком скромно прозвучало? Но это же правда…

Глава 46. Выбор сделан, но какой?

Где парадоксы, там причуды

Во второй половине 1978-го сложилась крайне парадоксальная ситуация: с одной стороны, высочайшая оценка первоуральской городской газеты «Под знаменем Ленина». Причем, оценка не вообще, а конкретно, – за глубокое и всестороннее освещение жизнедеятельности партийных органов и первичных партийных организаций, за новаторский подход, за смелость и искренность в открытом обсуждении проблем. Этим, скажу прямо, мало кто из сотрудников отделов партийной жизни газет нашей области блистал. Обычно такие претензии звучали: сухой и невыразительный язык, поверхностность и формализм. К тому же основой подобных оценок послужили, прежде всего, статьи и корреспонденции, подготовленные и написанные лично мною. Кстати: именно эти мои выступления на страницах газеты вызывали наибольшую ярость местной номенклатуры, именно они стали первопричиной многих моих конфликтов с редактором Сергеем Лекановым. А раз так, то, наверное, – честь и хвала журналисту. Но… С другой стороны, вокруг меня образовалась такая атмосфера, в которой не только плодотворно творить, но и дышать стало тяжело. Не надо быть семи пя-

дей во лбу, чтобы прийти к выводу, к тому самому выводу, к которому уже не раз приходил: я – персона NON GRATA. Значит, пора уходить и искать другую редакцию. Разумеется, за пределами Первоуральска. Потому что здесь все равно спокойно жить не дадут. Да и обидно: чем же заслужил подобное отношение?

Итак, необходимо заранее подготовить плацдарм, чтобы в любое удобное для меня время было куда отступить и закрепиться на новом рубеже. Не стоит, наверное, говорить, что своими планами ни с кем не делился, в том числе и с женой, которая работала в типографии и могла проболтаться. Однако неожиданно события стали развиваться стремительно и совсем не по моей воле.

В середине сентября, когда рабочий день подходил к концу, когда мои дамы, то есть сотрудницы отдела партийной жизни, слиняли и я остался один, зазвонил телефон, причем, звонок был длинный и непрерывный, что означало: абонент пользуется междугородней связью. Снял трубку. Оказывается, позвонил инструктор сектора печати обкома КПСС Дворянов. Поздоровавшись и поинтересовавшись делами (скорее, для приличия), Виктор Федорович коротко и сухо сказал:

– Завтра к девяти жду у себя.

Насторожившись, поинтересовался:

– А по какому вопросу?

– Всё – на месте. – Суховато и без каких-либо интонаций

в голосе бросил он и положил трубку, не оставив никаких шансов что-либо выведать.

Задумался над двумя вопросами. Вопрос первый: отчего такая спешка? Вопрос второй и самый существенный: почему позвонил лично мне, а не редактору, например, или, что еще более привычно, одному из секретарей горкома КПСС?

Ответов не было. Но у меня хватило благоразумия (вновь, похоже, заговорила хвалёная интуиция) скрыть ото всех о звонке из обкома. Почувствовал, что и Дворянов не горит желанием, чтобы о моем визите в обком знал еще кто-то из первоуральцев. А иначе он бы непременно действовал по правилам, принятым в таких случаях. К тому же, наверняка, он отказался от подробностей по причинам конспирации, поскольку мог предположить, что звонок прослушивают. Поэтому он не назвался сам и меня тоже никак не назвал.

Тайну надо сохранить. Но как? Завтрашний день – не выходной, поэтому должен быть на работе. Конечно, можно было сказать, что иду на новотрубный завод, собирать факты для будущей статьи, но это была бы чудовищная ложь, на которую не мог пойти. На хитрость, да, но не на ложь. Звоню редактору, который в это время находился в типографии и подписывал очередной номер газеты в свет. Прошу его разрешить мне не быть завтра на работе. Следует вопрос: цель? Говорю обтекаемо, однако, по большому счету, соответствует действительности: по личным надобностям, возникшим неожиданно. Редактор не возражает.

Утром следующего дня, ровно в 9.00, уже в обкоме КПСС, у Дворянова. Он без всяких предисловий сказал:

– У обкома есть мнение: пора на самостоятельную дорогу выходить. – Делает небольшую паузу и усиливает фразу. – давно пора. – Молчу, поскольку мне пока не совсем ясна, точнее – совсем не ясна «*дорога*», о которой говорит инструктор обкома. Он, подождав моей реакции, но, не дождавшись, продолжил. – Обком предлагает на выбор, – он загнул один палец, – а) должность редактора городской газеты «Кушвинский рабочий», – он загибает второй палец, – б) должность редактора дорожной газеты «Путевка».

Ошарашен. Но не тем, что предложения поступили. Это – не внове. Четыре года назад было предложение занять должность редактора районной газеты. Даже, напомню, съездил в Тугулым, где состоялась в тамошнем райкоме долгая беседа. Казалось, мы остались довольны друг другом. Но все закончилось ничем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.